

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ
№ 2 (105)

Москва
2022

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ

Заместители главного редактора:
Лидия Галкина,
Сергей Михайлов

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
109028, Москва, ул. Солянка,
д. 3, стр. 1, офис 14
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2022

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspé

Deputy Editors-in-Chief:
Lidia Galkina,
Sergey Mikhailov

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 3 Solyanka St., building 1,
office 14, Moscow, 109028, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместитель председателя Совета
Александр Муzyкaнтский
(Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Сергей Михайлов (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсман (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen
Alexander Muzykantskiy
(Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Sergey Mikhailov (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles, USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

	Материалы номера _____	5
Политические теории	А.В.Яркеев, Д.В.Попов Биополитическая революция: pro et contra _____	6
Парадигмы общественного развития	И.Б.Филиппов Симметричный ответ: силовое подавление акций протеста как драйвер политической коммуникации в онлайн-сетях _____	24
	Фэй Хайтин Неравномерное реформирование (Сравнительный анализ опыта Китая и России) _____	49
Российские регионы	Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев, И.О.Пешков На краю государства: политическое оформление периферии власти _____	71
	А.В.Семенов Этнический фактор в голосовании на местном уровне в России _____	102
	Д.А.Стремоухов Политические конфликты между губернаторами и региональными экономическими элитами (Случай Республики Карелия) _____	118
Зарубежные политики	А.Н.Медушевский Макиавеллистический момент Европы: перспективы интеграционного проекта ЕС в условиях утраты глобального политического равновесия _____	136
Кафедра	Р.Ю.Белькович, Д.А.Конькова Палеоконсервативное движение в США сквозь призму социального конструктивизма _____	163
	С.А.Сергеев, А.В.Кузнецова, С.В.Кузьмина От «штурма небес» к нормализации: новые левые радикальные партии в Западной Европе _____	176
Размышляя над прочитанным	Н.Н.Гудалов Три лика Левиафана: рациональность, институты, идеи <i>Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии. М.: МГИМО-Университет, 2021</i> _____	191
Приложение	XVII конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина _____	202
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» _____	203
	Table of Contents _____	206

На основе анализа разворачивающихся в последние годы процессов **А.В.Яркев** и **Д.В.Попов** приходят к выводу, что достигнутый в ходе «большой биополитической игры» консенсус не является незыблемым. Нарастающие требования населения, ждущего от власти все большей заботы о себе, порождают тенденцию к потребительской революции снизу. Однако эти требования могут быть восприняты биовластью как чрезмерные и подтолкнуть ее к свертыванию затратного курса, что будет означать контрреволюцию сверху.

Опираясь на корпус сообщений, опубликованных в сети «ВКонтакте» в рамках обсуждения серии протестных выступлений, происходивших в Москве летом 2019 г., **И.Б.Филиппов** исследует, как полицейское насилие сказывается на публикационной активности в интернете, фиксируя положительную связь между применением силы со стороны полиции и интенсивностью обсуждения соответствующей акции.

По заключению **Фэя Хайтина**, различия между китайской и российской моделями реформ связаны прежде всего с характером отношений в системе «центр—регионы». Если в Китае при проведении реформ делается упор на инициативу снизу, то Россия отдает предпочтение политическим инструментам, находящимся под прямым контролем федеральных структур.

Статья **Л.Е.Бляхера**, **К.В.Григоричева** и **И.О.Пешкова** посвящена анализу особой политической формы, возникающей в «пустом пространстве» на «краю государства», где власть существует удаленно, за границами «пустоты». Базируясь на результатах двух полевых исследований, авторы демонстрируют, что «пустое пространство» — это не вакуум и, будучи «пустым» для внешнего наблюдателя, оно в действительности заселено и властно оформлено.

Используя метод фокус-групповых дискуссий, **А.В.Семенов** тестирует работу механизмов, связывающих этничность и голосование, и пытается оценить их возможные эффекты в российском контексте. Проведенное им исследование свидетельствует о том, что если в голосовании на местном уровне этнический фактор и влияет на выбор избирателей, то это влияние опосредовано другими факторами.

В поисках ответа на вопрос, почему экономические элиты вступают в конфронтацию с главами регионов, **Д.А.Стремоухов** исследует случаи конфликтов между губернаторами и бизнесменами в Карелии, показывая, что драйверами противостояния между ними служили реди-стрибутивные противоречия в сочетании с наличием независимых ресурсов в виде разветвленных патрональных сетей.

Рассмотрев ситуацию, сложившуюся в ЕС к началу 2022 г., **А.Н.Медушевский** квалифицирует ее как макиавеллистический момент: в условиях, когда сохранение status quo лишь усиливало противоречия интеграционного проекта, европейские элиты стояли перед необходимостью найти для этого проекта новую легитимирующую формулу, причем сделать это в кратчайшие сроки.

По оценке **Р.Ю.Бельковича** и **Д.А.Коньковой**, палеоконсерватизм, будучи направлен на расшатывание сложившегося в США негласного консенсуса между право- и левоцентристскими элитами, de facto представляет собой борьбу за определение сущности американского консерватизма.

Отталкиваясь от опыта СИРИЗА (Греция), «Подemos» (Испания) и «Непокоренной Франции», **С.А.Сергеев**, **А.В.Кузнецова** и **С.В.Кузьмина** пытаются выявить причины, по которым в одних западноевропейских странах у левых радикалов получилось создать эффективные политические организации, способные добиваться значимых электоральных успехов, а в других — нет.

Констатируя проблемную новизну и фундаментальность рецензируемой им монографии **К.Коктыша**, **Н.Н.Гудалов** обращает особое внимание на тот вклад, который она вносит в дискуссию о политике и языках политической науки.

А.В.Яркеев, Д.В.Попов
БИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
PRO ET CONTRA

Алексей Владимирович Яркеев — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: alex_yarkeev@mail.ru.

Дмитрий Владимирович Попов — кандидат философских наук, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России. Для связи с автором: DmitriVPopov@mail.ru.

Аннотация. Утверждение биополитической парадигмы государственного управления, видящего свою основную задачу в реализации амбициозных социально-экономических и военно-политических проектов в тесной связи с контролем над индивидами и даже заботой об их жизнедеятельности, сформировало принципиально новый тип общественного договора, ставящего в обоюдную зависимость власть и опекаемое ею население. Баланс интересов нашел выражение в форме социального государства, олицетворяющего позитивную сторону биополитического управления и обеспечивающего населению многочисленные выгоды, сопряженные с допуском к участию в экономической и политической жизни.

На основе анализа разворачивающихся в последние годы процессов авторы приходят к заключению, что достигнутый в ходе «большой биополитической игры» консенсус не является незыблемым. Непреднамеренным долгосрочным последствием длительного пути по инклюзии населения в экономику и политику в интересах власти стало прогрессирующее падение продуктивности для власти инвестиций в население в рамках сложившегося status quo. Эффективность таких инвестиций близка к исчерпанию. Нарастающие требования населения, ждущего от власти все большей заботы о себе, отражают тенденцию к потребительской революции снизу. Однако эти требования могут оказаться чрезмерными для биовласти, которая способна неожиданно пойти на свертывание затратного курса, не приносящего былых выгод, что формирует тенденцию к контрреволюции сверху. В этих условиях возможна регрессия власти к формам управления, отказывающим населению в ставших привычными для него жизненных стандартах.

Ключевые слова: биовласть, биополитика, революция, контрреволюция, население, государство, насилие

**Рождение
биовласти
как революция**

Биополитика зародилась в Западной Европе в XVIII—XIX вв., отмеченных стремительным ростом научных знаний и технических изобретений, урбанизацией, индустриализацией, формированием массового общества, масштабным вовлечением населения в экономические процессы, и во многом представляет собой закономерное следствие интегративных процессов в регионе. Одной из важнейших предпосылок ее рождения явилась Вестфальская система, задавшая рамки мирового порядка на основе признания статуса и границ европейских государств¹. За рукотворным Вестфальским миром незримо лежала идея баланса сил, привнесшая динамику в международные отношения, внимательное отслеживание которой стало важнейшей задачей правительств. Осознав, что ввиду непрерывного изменения расстановки сил на международной арене, несмотря на наличие наднациональной системы сдержек и противовесов, гарантий безопасности нет и не будет, правительства были поставлены перед необходимостью рассчитывать на собственные ресурсы. Все это вызвало к жизни новую модель государственного управленчества (*gouvernementalité*)² и придало импульс стремительному развитию национальных государств, вытеснивших города-империи и города-государства, наднациональные религиозные организации, негосударственные неполитические союзы как рудименты прошлого³.

¹ Фуко 2010: 19—20.

² Фуко 2011: 161.

³ Тилли 2009: 26—27, 51—52.

Именно к этому периоду западноевропейской истории относится появление революции в описанном Ханной Арендт ее понимании, а именно как социального движения, обусловленного биологической необходимостью поддерживать непрерывно протекающий и не подчиненный воле процесс жизнедеятельности человеческого организма⁴. Будучи перенесено в политическую сферу из астрономии, где оно характеризовало вечное вращение небесных тел, слово «революция» стало обозначением динамики циклически возобновляющихся телесных потребностей людей. Социальный вопрос в форме массовой бедности «начал играть революционную роль только тогда (причем не раньше Нового времени), когда были поставлены под сомнение следующие соображения: будто бы бедность принадлежит к числу неперменных условий существования человека на земле; будто различия между теми немногими, кто освободил себя от оков бедности благодаря обстоятельствам, силе или обману, и большинством, вынужденным трудиться в беспросветной нужде, являются неотвратимыми и вечными»⁵. Выход на политическую сцену в качестве главного действующего лица «человека нужды» — одна из отправных точек превращения политики в биополитику. Революционное освобождение фактически предъявило себя в виде свободного осуществления естественных процессов, обеспечение которых посредством заботы о населении легло на плечи государства.

⁴ Арендт 2011: 75.

⁵ Там же: 20—21.

Понимая под биополитикой способ, каким начиная с XVIII в. пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими индивидам, в совокупности составляющим население, Мишель Фуко отмечает, что

принцип внешнего ограничения государственных интересов, который конституировало право, в XVIII в. сменился принципом внутреннего ограничения в форме экономии. Политическая экономия несет в себе требование самоограничения правительственных интересов, основанное на знании о естественном ходе событий. Свою цель политическая экономия видит в обогащении государства, подразумевая под этим прирост населения, с одной стороны, и удовлетворение потребностей — с другой. Именно новую рациональность управления, предполагающую нарастающее самоограничение в зависимости от природы явлений, с которыми она имеет дело, и именуют либерализмом, который, по мнению Фуко, «нужно рассматривать как общие рамки биополитики»⁶. «Если копнуть немного глубже, докопаться до сути вещей, — поясняет он, — вы... увидите, что то, что характеризует новое искусство управлять, о котором я говорил, окажется скорее натурализмом, нежели либерализмом, поскольку та свобода, о которой говорят физиократы, Адам Смит и др., — это в гораздо большей степени спонтанность, присущая экономическим процессам внутренняя механика, нежели юридическая свобода, признаваемая как таковая за индивидами. <...> Таким образом, в середине XVIII в. появляется скорее натурализм, чем либерализм. Однако я полагаю тем не менее, что можно использовать слово „либерализм“, поскольку в центре этой практики или проблем, поставленных этой практикой, оказывается свобода»⁷. Понятие «население» (population) вошло в широкий обиход ровно тогда, когда народ начал рассматриваться с точки зрения включенности его естественных характеристик и происходящих в нем процессов в политические стратегии государственной власти. Тесная связь государственного интереса с вопросами биологической жизни населения потребовала, в свою очередь, революционных преобразований в политической практике. Биополитика стала ответом на вызовы, обусловленные «неестественным ростом естественного»⁸ в политике.

Принято считать, что концепция биополитики, схватывающая новую модальность правительственных действий, впервые была сформулирована Фуко, однако это в целом справедливое мнение нуждается в уточнении. Прежде всего стоит вспомнить историко-понятийный контекст появления термина «биополитика», а именно тенденцию к органицистскому толкованию государства, отчетливо наметившуюся в 20-е годы XX в., особенно в Германии⁹. Сам термин был введен в оборот Рудольфом Челленом¹⁰, больше известным в качестве создателя термина «геополитика». Уже в работе «Государство как форма жизни» (1916) шведский исследователь рассматривал геополитический императив в тесной связи с представлением о государстве как органическом теле, движимом витальными потребностями¹¹. Таким образом, использование Челленом понятий «биополитика» и «геополитика» в рамках одного подхода выглядит более чем закономерным, и, несмотря на общеизвестность геополитики и гораздо меньшую славу биополитики, скорее первая оказывается тенью второй, нежели наоборот.

⁶ Фуко 2010: 38.

⁷ Там же: 84—85.

⁸ Арндт 2017: 62.

⁹ Esposito 2008: 16—17.

¹⁰ Kjellen 1920: 93—94.

¹¹ Kjellen 2018.

¹² О биополитических смыслах концепции Арендт см. Duarte 2006.

¹³ Известно, что, прежде чем приступить к написанию статьи «Преодоление метафизики», в которой знаменитый тезис о забвении бытия раскрывается через утверждение о превращении человека в «трудящееся живое существо», Хайдеггер внимательно ознакомился с текстом Юнгера «Рабочий: Господство и гештальт» (см. Хайдеггер 1993: 177).

¹⁴ Арендт 2017.

¹⁵ Там же: 396.

¹⁶ Фуко 1996: 238—257.

¹⁷ Жижек 2002: 104.

¹⁸ Арендт 2014а: 30.

¹⁹ Комарофф 2021: 7.

Другим направлением, во многом предвосхитившим биополитические изыскания Фуко, явились исследования Арендт¹², которая с опорой на размышления Мартина Хайдеггера (а через него косвенным образом и на Эрнста Юнгера¹³) проанализировала процесс превращения «человека работающего» (*homo laborans*), а вместе с ним и биологической жизни, в центральную фигуру современной политики¹⁴. В работе «*Vita Activa*, или О деятельной жизни» Арендт констатировала возросшую озабоченность нововременного общества потенциально непреходящим жизненным процессом человеческого рода, превратившимся в единственный абсолют¹⁵. Фуко связал эту озабоченность жизнью с рождением политики Нового времени — биополитики¹⁶. Однако биополитическая референция не получила в представленном Арендт анализе тоталитаризма рефлексивной экспликации: сведение человеческого существования к системе физиологических импульсов и реакций в концлагерях трактуется ею как результат действия тоталитарной власти, но при этом упускается из виду, что тоталитарные практики господства стали возможными именно тогда, когда политика трансформировалась в биополитику, а человек — в носителя биологической жизни. Поэтому между «трудящимся животным» (*animal laborans*) тоталитарного общества и современным гедонистом-потребителем общества либерально-демократического нет принципиальной разницы — это две стороны одного и того же явления. Капиталистический потребительский рай и тоталитарный концлагерь — два лика биополитики, «человеческий» и «нечеловеческий»¹⁷. С этой точки зрения можно говорить о двух биополитических революциях: субъектом первой стал «человек трудящийся», субъектом второй — «человек потребляющий». Иными словами, на смену обществу массового производства пришло общество массового потребления. Как только сущность человека была отождествлена с трудом (Карл Маркс), так сразу же возник детерминизм, в соответствии с которым эмансипация «человека работающего» (от необходимости трудиться) приводит в конце концов к превращению его в праздное животное, обладающее почти неограниченным досугом в постисторическом «царстве свободы»¹⁸. «Во всем мире, по мере того как национальные государства отходят от регулирования производственных процессов, — пишет по этому поводу Джин Комарофф, — политический субъект определяется не столько как патриотичный производитель, *homo faber* (курсив автора — А.Я. и Д.П.), сколько как потребитель услуг; от государства, в свою очередь, ожидается, что оно будет контролировать предоставление услуг, безопасность и здоровые условия беспрепятственной торговли. С эрозией, если не стиранием, социальных категорий, укорененных в нации, территории и классе, идентичность все чаще связывается только с индивидуальными телами — телами, определяемыми как объект биологической природы и субъект превращенного в товар желания»¹⁹.

Тем не менее потребовалась серия более поздних по времени исследований Фуко, чтобы предметная область биополитики приобрела

четкие границы и сформировался оригинальный биополитический дискурс, обладающий значительным эвристическим потенциалом. Согласно Фуко, новая государственная рациональность, зародившаяся в XVI столетии и ощутимо заявившая о себе на рубеже XVII—XVIII вв., рассматривает государственный интерес исключительно под углом зрения сохранения самого государства и непрерывного возрастания его мощи. Государство теперь трактуется как автономная инстанция, существующая сама по себе и не нуждающаяся ни в какой легитимации и юридической рефлексии²⁰. Одним из следствий данного поворота становится изменение статуса человека в государстве, который начинает восприниматься не столько в качестве субъекта права, сколько в качестве просто живого существа, способного служить средством укрепления и усиления государства. И поскольку мощь государства прямо зависит от жизни индивидов, оно берет на себя заботу об их благополучии. Представ в облике «фермы людей», государство обращается к поиску оптимальных решений в сфере управления количеством и качеством населения, последовательно проникая во все уголки жизни. На первый план отныне выходит не легитимность управленческих действий, а их успешность и эффективность, слагаемая из рационализма, техницизма и приоритета исполнительной власти.

²⁰ Фуко 2011: 313—314.

Радикально новым в возникшей системе государственного управления явилось то, что центральное положение в политике, ставшей биополитикой, заняла связка Власть—Население (осуществление политического суверенитета над территорией сменилось осуществлением политического суверенитета над населением). Власть осознала, что население — основной капитал и резервуар энергии для ее собственных амбициозных проектов. «Восстание масс» было сотворено искусственно — как необходимый ресурс, позволяющий сформировать экономику нового типа, а вместе с ней и новое, невиданное ранее общество. Мощь, процветание и престиж государства — плоды государственного инвестирования в население. Беспрецедентный разворот (био)власти в сторону населения породил (и в этом в том числе революционность ситуации) принципиально новую систему прямой и обратной связи между ними. Ведь, как совершенно верно отмечает Никлас Луман, «возрастающие взаимозависимости умножают политически не контролируемые источники общественной власти»²¹. Последовательное усиление биовласти за счет инвестиций в жизнь населения со временем закономерно привело к усилению власти самого населения. «Человеческий материал» («биокапитал»), необходимый для реализации грандиозных хозяйственных проектов и военных авантюр, претерпев серию радикальных преобразований, перестал быть косной аристотелевской материей и начал политически оформляться, потребовав возмещения за приложенные усилия. С одной стороны, разогнавшаяся машина мировой экономики нуждалась в топливе, а это предполагало обильные вложения в основной ресурс — людей, с другой стороны, нельзя было иг-

²¹ Луман 2001: 144.

норировать растущий интерес к революционным движениям. Соблазняя и стимулируя, биовласть открывала возможности и шла на уступки, создавая такой общественный договор, который все больше связывал ее обязательствами. И если рождение биополитики есть революция в области государственного управления, то в этой революции присутствуют семена контрреволюции, или революции второго порядка.

Биополитика на марше

Новая технология управленчества оказалась весьма продуктивной. Масштабы интервенции в жизнь населения со временем нарастали. Инвестиции в создаваемые системы здравоохранения, психиатрической помощи, санитарной службы, профессионального обучения окупались. Национальное государство как выражение биополитической модели управления отказалось от наемничества в пользу армии, основанной на всеобщей воинской повинности, организовало предложение в ответ на спрос на рынке труда в ходе осуществления промышленной революции, мобилизовало часть населения для колониальной экспансии. Успех национального государства под эгидой биовласти обусловлен тем, что в рамках нового общественного договора жизненно важное для него в погоне за мощью, богатством и престижем «изъятие» ресурсов и энергии предстало как обоюдовыгодная сделка — государство более не отнимает, как «кочующий бандит»²², а берет лишь то, что необходимо для коллективной безопасности, процветания и развития, в которых свою долю имеет и население. Государство превратилось в инстанцию, заботящуюся о населении, и, более того, медленно, но неуклонно стало двигаться от «ограниченного доступа», присущего естественным государствам, к «доступу открытому»²³ — возможности полноценного и гарантированного участия в экономической и политической жизни²⁴. Выгодоприобретателем становился каждый, кто по факту своего рождения (natio) являлся частью нации с правами гражданина²⁵. Воплощая в себе компромисс между принуждением, олицетворяемым властью, и капиталом, за которым стоят предприниматели, национальное государство предстало в облике своеобразного акционерного общества, платой за членство в котором выступала энергия биологической жизни индивида. Процесс инклюзии индивидов в проекты биовласти в обмен на долю в конечной прибыли приобрел форму бесконечной позиционной борьбы, приучив население оценивать собственные перспективы и утвердив рациональный дискурс калькуляции выгод и потерь в духе бентамовского утилитаризма в масштабах биополитического государства. Расцветом биополитического регулирования можно считать развертывание социального государства как той ренты, которую получило население от интервенции власти в его жизнь. Конечно, альтруизм биовласти не стоит преувеличивать, но noblesse oblige — ради возможных предпочтений определенную часть контрактных обязательств все-таки надо выполнять.

²² Олсон 2012: 33—34

²³ Норт, Уоллис и Вайнгаст 2011: 69.

²⁴ Речь идет о двойственности биополитики как политического «включающего исключения» (Джорджо Агамбен), развивающейся по пути инклюзии индивидов в экономические и правовые процессы в качестве субъектов интереса и права (Фуко 2010) и вместе с тем стремящейся к их тотальной эксклюзии в качестве чисто биологического «молчаливого большинства» (население как одновременно «объект государственного принуждения» и «субъект проектов демократической эмансипации» — Комарофф 2021: 18).

²⁵ Агамбен 2015: 29.

Новые возможности обеспечили условия для социального конструирования и даже социального эксперимента. Непосредственной формой экспериментирования с биологической жизнью человека, основного объекта воздействия биовласти, стала евгеника. Интервенция евгенических построений в политическую сферу²⁶ создала политический климат мистификаций и домыслов, благоприятный для нездоровых идей и концептов. Оказалось, что, мифологизируя сознание и нагнетая экзальтацию той или иной части населения (класса, этноса), биовласть способна усилить уровень «экстрактивности» в изъятии ресурсов и энергии и задаться целями перманентной революции (Лев Троцкий) либо перманентной селекции, которая никогда не должна останавливаться²⁷. Национальное государство в таком случае может принять облик нацистского, фашистского, пролетарского. Биополитика распадается на различные проекты, в которых по-разному трактуются целостность населения и степень применения насилия. Конфирмантропная (человекоутверждающая) биополитика по преимуществу рассматривает население как однородное, а насилие воспринимает как крайность, в то время как негантропная (человекоотрицающая) дифференцирует индивидов, выделяя определенные их категории в качестве объектов применения системного насилия. Если конфирмантропная модель развивается в русле изначального тренда взаимных, хотя и асимметричных обязательств власти и населения, то негантропная разрывает общественный договор, по крайней мере в отношении некоторых групп. Последнюю модель можно расценивать как регрессию, редукцию к примитивным формам подавления, вместе с тем тоже имеющим выраженную биологическую составляющую.

Негантропная биовласть, в пределе принимающая форму некровласти (Ахилле Мбембе) или танатополитики (Фуко), частично либо полностью воспроизводит социум в виде «человеиника» (Александр Зиновьев) — этакое подобия колонии муравьев или термитов, где общественные функции строго распределены в рамках кастовой дифференциации особей²⁸. Негантропная биополитика утрачивает пластичность, превращаясь в систему ригидных практик стимулирования через насилие, выжимающего из той или иной части населения жизненные ресурсы во имя реализации идеологически заданных целей.

Вторая мировая война завершилась крушением одного из самых зловещих некрополитических (даже некрофильских, памятуя о соответствующих исследованиях Эриха Фромма²⁹) режимов. Послевоенное развитие привело к тому, что основными бенефициарами в экономике и политике оказались конфирмантропные биополитические системы, ориентированные на «открытый доступ». Тренд инклюзии населения в экономическое и политическое пространство в очагах «конфирмантропии» сохранился, связка Власть—Население упрочилась. Впрочем, негантропная биополитика никуда не делась, сохранив свое значение прежде всего на мировой периферии.

²⁶ Так, противопоставляя большевизм и биологию, Теодор Лотроп Стоддард выдвинул евгеническую программу формирования класса неоаристократии, призванной бороться с вырождением и бунтом против цивилизации тех сил, которые выступают политическим крылом вырождения (Стоддард 2016: 213—238). Стоит отметить, что именно Стоддард ввел понятие *undertan* («недо-человек»), воспринятое нацистами (*Untermensch*).

²⁷ Арндт 1996: 511.

²⁸ Матурана и Варела 2019: 222—226.

²⁹ См., напр. Фромм 1994.

Биополитический кризис

Холодная война, в которую вступили бывшие союзники по антигитлеровской коалиции, явилась причиной трансформации биовласти по обе линии фронта. И социализм, и капитализм стремились показать миру свое «человеческое лицо». Конкуренция альтернативных социально-экономических укладов на международной арене со временем привела как к упразднению одиозных практик в СССР, так и к многочисленным шагам в сторону «открытого доступа» в странах развитого капитализма. Пожалуй, наиболее выпукло «очеловечивание» биополитических режимов с противоположными символами веры выглядело на главном плацдарме холодной войны — в Европе. Жан Фурастье непосредственно связывал «славное тридцатилетие» (термин, введенный им для обозначения периода с 1946 по 1975 г.) с противостоянием капиталистической и социалистической систем³⁰. Общество всеобщего благосостояния конструировалось как реальная альтернатива советскому биополитическому эксперименту, симпатии к которому испытывала немалая часть населения западного мира. Парадоксально, но расцвету капитализма сопутствовала все более острая его критика³¹. Уступки биовласти населению воспринимались как должное, каждое новое завоевание социальных гарантий виделось как нечто закономерное, а отнюдь не результат вынужденного отступления власти в ходе «большой биополитической игры». Население и Западной, и Восточной Европы — форпостов противоборствовавших социально-экономических систем — оказалось бенефициаром непростых лет послевоенного восстановления. Впоследствии большой запас прочности рыночной системы, обусловивший ее перевес над СССР и его союзниками по социалистическому лагерю, привел к стремительному демонтажу большинства прокоммунистических режимов, преждевременному провозглашению «конца истории»³² — и частичному отказу от социальных программ на Западе.

³⁰ *Fourastié 2014.*³¹ *Болтански и Кьяпелло 2011.*³² *Fukuyama 1992.*³³ *Пикетти 2015; Стиглиц 2015.*³⁴ *Арендт 2014b: 66.*

Наметился откат к более прагматичному отношению биовласти к населению³³, однако просто так отказаться от заданных высоких стандартов и ориентации на провозглашенный «открытый доступ» было невозможно. Необходимость соблюдения норм и правил сложившегося социального контракта усилила власть населения. Возникла ситуация, при которой биовласть и население предстали как два полюса власти, имеющие свои права и обязанности. Как отмечала по этому поводу Арендт, «власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого. Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой, но, предоставленное собственному ходу, оно приводит к исчезновению власти»³⁴. В рамках данной модели (в которой чем меньше насилия, тем больше власти, и наоборот) возврат к арсеналу грубого насилия был равнозначен коллапсу мироустройства. Конфирмантропность послевоенной биополитики установила двоевластие, до определенной степени уравновесив власть Власти и власть Населения. Голоса неучтенных и доля обездоленных

³⁵ Рансьер 2006: 204.

все еще воспринимаются как сигналы³⁵, несмотря на возрастающее искушение их игнорировать.

Представляется, что все это чревато трудными временами для биовласти, порождая ситуацию биополитического кризиса. Непреднамеренным долгосрочным последствием длительного пути по инклюзии населения в экономику и политику в интересах власти стала тенденция к убыванию продуктивности для власти ее собственных инвестиций в население в рамках сложившегося «инвестиционного климата». Связка Власть—Население все-таки выстраивалась как асимметричная, биовласть мыслилась как основной выгодополучатель. Инвестиции были оправданы отдачей от них, однако положение дел кардинально изменилось — инвестирование в здравоохранение, образование, охрану труда, пенсионное обеспечение и т.п. возрастает, а отдача от населения, потребляющего плоды многочисленных социальных программ, сокращается. Притязания же населения и его требования к власти неуклонно растут. Современные технологии позволяют странам-лидерам входить в «Клуб 80+», воспроизводство населения, в том числе в рамках программ его стабилизации, находится на нулевом либо отрицательном уровне, увеличение количества населения не приветствуется ввиду все больших демографических и экологических издержек и рисков. Издержки от перепроизводства специалистов в виде пособий по безработице тоже значительны. Новейшие технологии задают предел спросу на трудовые ресурсы: в условиях четвертой промышленной революции³⁶, основанной на искусственном интеллекте, робототехнике, достижениях нано-, био- и когнитивных технологий, может сложиться самая совершенная за всю историю человечества экономика — экономика без людей. На смену пролетаризации приходит прекариатизация³⁷, стремительно тает средний класс. Биовласть все меньше заинтересована в инклюзии населения в свои проекты. Из демонстрации заботы власти о населении, призванной обеспечивать его лояльность, социальное государства стало нормой — и превратилось в обузу.

³⁶ Шваб 2016: 11—12.

³⁷ Стэндинг 2014: 19.

Все это означает, что сложившиеся тренды в области конфирмантропной биополитики, скорее всего, подлежат ревизии. Задачи, вызвавшие к жизни «заботу о населении», оказываются либо чрезмерными, либо не актуальными для современного государства. Для последовательной и неуклонной реализации программ социального обеспечения населения хотя бы на нынешнем, уже достаточно высоком уровне нужны политическая воля, ответственность и технологический рывок. Ожидать подобного альтруизма от биовласти, ранее требовавшей альтруистической реакции от населения, наивно (или, по меньшей мере, преждевременно).

Ставки в «большой биополитической игре» чрезвычайно высоки. Сталкиваясь с нарастающим давлением вечно неудовлетворенного достигнутой мерой благополучия населения, власть может предпочесть бесконечному поиску компромисса радикальный отказ от изжившей себя стратегии, разрубив «гордиев узел» притязаний вошедшей во вкус

публики конструированием нового мирового порядка, в котором эти притязания будут просто неуместны. Тот же технологический рывок может сыграть отнюдь не на стороне населения.

**Биополитическая
революция
сегодня:
шаг вперед
или назад?**

Итак, парадоксальным образом золотой век биополитики оборачивается ее закатом, который может стать предвестником свертывания этой формы властного вмешательства в жизнь людей. Если в XVIII—XX вв. биополитика процветала, устанавливая циклическую взаимосвязь между интересами государства и частными интересами граждан, то в XXI в. она — дорогостоящий проект на пределе сил и возможностей государства.

Ключ к пониманию сложившейся ситуации дает этимология слова «революция». Как известно, «позднелатинское *revolutio* произошло от глагола *revolvere*, означавшего „возвращаться“, „превращаться“, „откачываться“. То есть термин *revolutio* первоначально означал циклическое движение, возвращение к первоначальной точке, на круги своя»³⁸. Революция — граница между двумя зонами социального бытия. Она — завершение цикла и начало нового. В ней — предел одного порядка вещей и начало другого. И в ней же — контрреволюция и собственная гибель.

Тем любопытнее то обострение, свидетелем которому стало человечество в период пандемии COVID-19 и активизации движения Black Lives Matter в 2020 г. В режиме биополитической революции потребитель, продукт современной биополитики с ее соблазнами, посулами и предпочтениями, потребовал от власти еще большего служения, еще большей заботы. Власть ответила сдержанно. Деятельность «сквоттеров» (*squatters*) и «лутеров» (*looters*), рьяно взявшихся за расширение своих прав и возможностей «здесь и сейчас», не вызвала решительного противодействия. Заинтересованное в сохранении собственности население встретило вспышку *bellum omnium contra omnes* с оружием в руках. Зоны, провозглашенные свободными от гнета власти, самораспались в турбулентности архаического насилия, волны биополитического восстания потребителей под противоречивыми лозунгами ради счастливого («здесь-сейчас-и-навсегда») бытия схлынули, но проблема осталась. Верхи не могут, а низы хотят гораздо большего, нежели имеют на сегодняшний день, — вот кредо несостоявшейся биополитической революции XXI в. За всплеском 2020 г. последуют и другие: «Согласно прогнозам, мир захлестнет волна протестов, поскольку экономический шок от пандемии наряду с существующими недовольствами неизбежно приведет к широкомасштабным общественным волнениям»³⁹. Люди будут возмущенно требовать еще больших благ, еще большего попечения. По всей видимости, политическая самоидентификация широких масс будет все больше определяться дискурсом компенсации, убеждением в том, что общество или кто-то еще должны им просто потому, что они есть⁴⁰. Это укладывается в общий тренд отношений Власть—Население в рамках конфирмантропного консенсуса, некогда достигнутого

³⁸ Соловей 2016: 19.

³⁹ McVeigh 2020.

⁴⁰ Фишман,
Мартыанов
и Давыдов 2019:
294.

в развитых странах. Вот только куда приведет набирающая силу тенденция? Вперед, к универсальному базовому доходу, универсальным базовым услугам, безудержному потреблению? Или назад — к потере завоеваний, достигнутых в ходе долгого совместного движения власти и населения от выживания последнего к комфорту и даже процветанию? Биополитическая революция вполне может стать причиной биополитической контрреволюции сверху, инициированной вооруженной современными технологиями технократией.

Биополитическую революцию в XXI в. осуществляет не политический субъект, а участники биополитического перформанса, тяготеющие к полюсу *animal laborans* (Арендт) и *homo animalis* (Агамбен). Легкость перехода от митинга к «лутингу»⁴¹ подготовлена забвением политики и опытом действий в ходе сезонов распродаж в «черные пятницы» перед Рождеством. С поправкой на консьюмеризм этот мотив — недовольство *animal laborans* / *homo animalis* уровнем потребления и перспективами его роста — можно рассматривать как драйвер биополитической революции снизу.

Биополитическая революция — двойственный по своей природе феномен. Это революция и контрреволюция одновременно. Революционным является требование «хлеба и зрелищ!» — еще большего потребления, еще большей заботы (в форме универсального базового дохода, универсальных базовых услуг, репараций за дискриминацию и т.п.); контрреволюционным — требование возврата к былому уровню потребления. И то, и другое — сигналы, которые власть должна считывать на фоне шума повседневных событий. Сигнал второго типа — индикатор того, что власть Власти в обществе существенно превзошла власть Населения и необходимы специальные меры, направленные на преодоление возникшего дисбаланса и сокращения возможностей населения. Сигнал первого типа гораздо опасней. Он — свидетельство революции ожиданий. Население вошло во вкус потребления и желает большего. Меньше работы, больше досуга и развлечений — больше заботы от власти, которая воспринимается как обслуживающий персонал. Это индикатор того, что власть Населения превосходит власть Власти. Данный сигнал подлинно революционный и угрожает сложившемуся биополитическому миропорядку. Настойчивая субверсивная активность с целью подчинить биовласть населению — вещь абсурдная в силу свойств самой биовласти. Что может означать низложение биовласти? Возвращение к суверенной власти с ее правом «заставить умереть или позволить жить»⁴²? Некрополитику с ее способностью диктовать, «кто может жить и кто должен умереть»⁴³? Или какой-то новый формат «заставить жить и позволить умереть»⁴⁴ в порядке самоорганизации, труда и кооперации?

Для того чтобы на горизонте появилась реальная политическая альтернатива, необходима реполитизация той политики, которая в качестве биополитики сводит человеческую свободу к объективным механизмам естественной жизни, представленной в обществе стихийным

⁴¹ От англ. *loot* — мародерствовать.

⁴² Фуко 2005: 255.

⁴³ Mbembe 2003: 12.

⁴⁴ Фуко 2005: 253.

⁴⁵ Жижек 2021:
66—67.

взаимодействием рыночных сил, обеспечиваемых и гарантируемых государством⁴⁵. Вместе с тем тоталитарные образы биовласти применяются как средства шантажа, подразумеваемого упорным повторением упрощенной оппозиции тоталитаризма и демократии: идеологическое использование понятия тоталитаризма функционирует как предостережение, которое фактически задействует призрак возможного возрождения тоталитарных режимов для подрыва любой радикальной политической альтернативы либерально-демократическому капитализму. Так, даже введение карантинных ограничений в связи с пандемией COVID-19 было воспринято населением и общественностью как атака на гражданские и политические права и свободы (а по факту — на свободу безудержно развлекаться, отдыхать и потреблять), возвращение к чрезвычайному насилию абсолютной суверенной власти⁴⁶.

⁴⁶ Agamben 2020.

Биополитическая революция провоцирует социальные потрясения, формирует новые критерии социальной дифференциации, запуская процесс негантропной биополитики и уничтожая достижения биополитики конфирмантропной, сложившиеся благодаря компромиссам, уступкам биовласти и случаю. Биополитическая революция реакционна; она одновременно является и контрреволюцией, обращенной к структурам власти, характерным для добиополитического государства. Такая биополитическая «перманентная революция» оказывается в действительности *антитезой* революции как политического события, исключающей альтернативность посредством деполитизации политической жизни⁴⁷. Экспроприруя и интернализируя революцию, биополитическое общество становится имманентно революционным, тем самым нейтрализуя подлинную политическую событийность.

⁴⁷ Капустин 2010:
136.

Библиография

- Агамбен Дж. (2015) *Средства без цели: Заметки о политике*. М.: Гилея.
- Арендт Х. (1996) *Истоки тоталитаризма*. М.: ЦентрКом.
- Арендт Х. (2011) *О революции*. М.: Европа. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (проверено 22.10.2021).
- Арендт Х. (2014а) *Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Арендт Х. (2014б) *О насилии*. М.: Новое издательство.
- Арендт Х. (2017) *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Болтански Л. и Э.Кьяпелло. (2011) *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Жижек С. (2002) *Добро пожаловать в пустыню Реального!* М.: Фонд «Прагматика культуры».
- Жижек С. (2021) «Воля к незнанию» // *Логос*, № 2: 63—78. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa2/Logos%202-2021-69-84.pdf> (проверено 22.10.2021).

Капустин Б. (2010) *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Территория будущего. URL: <https://ecsosman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Капустин.pdf> (проверено 22.10.2021).

Комарофф Д. (2021) «По ту сторону голой жизни: СПИД, (био)политика и неолиберальный порядок» // *Логос*, № 1: 3–34. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/fcd/Logos%201-2021-9-40.pdf> (проверено 22.10.2021).

Луман Н. (2001) *Власть*. М.: Праксис. URL: <https://iphras.ru/uplfile/soserp/macht.pdf> (проверено 22.10.2021).

Матурана У. и Ф.Варела. (2019) *Древо познания: Биологические корни человеческого понимания*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Норт Д., Д.Уоллис и Б.Вайнгаст. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <https://nsu.ru/filf/rpha/lib/north-violence.pdf> (проверено 22.10.2021).

Олсон М. (2012) *Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство.

Пикетти Т. (2015) *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Рансьер Ж. (2006) *На краю политического*. М.: Праксис.

Соловей В. (2016) *Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху*. М.: Эксмо.

Стиглиц Дж. (2015) *Цена неравенства: Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. М.: Эксмо.

Стоддарт Л. (2016) *Бунт против цивилизации*. М.: Белые альвы.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-povuj-orasnuj-klass.pdf> (проверено 22.10.2021).

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства: 990–1992 гг.* М.: Территория будущего. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (проверено 22.10.2021).

Хайдеггер М. (1993) «Преодоление метафизики» // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика: 177–191. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (проверено 22.10.2021).

Фишман Л.Г., В.С.Мартыанов и Д.А.Давыдов. (2019) *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Фромм Э. (1994) *Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика.

Фуко М. (1996) *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности*. М.: Касталь.

Фуко М. (2005) *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году*. СПб.: Наука. URL: http://studies.in.ua/pravo/soc_meh/Fuko_M_-_Nuzhno_zaschischat_obschestvo.pdf (проверено 20.02.2022).

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году*. СПб.: Наука.

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.

Шваб К. (2016) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо. URL: http://ncrao.rsvpu.ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revoluciya_2016.pdf (проверено 20.02.2022).

Agamben G. (2020) «The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency» // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 22.10.2021).

Duarte A. (2006) «Biopolitics and the Dissemination of Violence: the Arendtian Critique of the Present» // Arendt H. *Critical Assessments of Leading Political Philosophers*. London: Routledge: 408—423.

Esposito R. (2008) *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.

Fourastié J. (2014) *Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975*. Paris: Fayard.

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Kjellen R. (1920) *Grundriss zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinckel Verlag.

Kjellen R. (2018) *Der Staat als Lebensform*. London: Forgotten Books.

Mbembe A. (2003) «Necropolitics» // *Public Culture*, vol. 15, no. 1: 11—40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (accessed on 20.02.2022).

McVeigh K. (2020) *Protests Predicted to Surge Globally as Covid-19 Drives Unrest*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jul/17/protests-predicted-to-surge-globally-as-covid-19-drives-unrest> (accessed on 22.10.2021).

политика

A.V.Yarkeev, D.V.Popov
BIOPOLITICAL REVOLUTION:
PRO ET CONTRA

Aleksey V. Yarkeev — Doctor of Philosophy; Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: alex_yarkeev@mail.ru.

Dmitry V. Popov — Ph.D. in Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Email: DmitriVPopov@mail.ru.

Abstract. The establishment of the biopolitical paradigm of state governance, which views its main task in the implementation of ambitious socio-economic and military-political projects in close connection with the control over individuals and even care for their living, has produced a fundamentally new type of social contract that puts the authorities and the population who they patronize into mutual dependence. The balance of interests manifests itself in the form of a welfare state that embodies the positive side of biopolitical governance and provides the public with numerous benefits associated with the admission to participation in the economic and political life.

Based on the analysis of the processes unfolding in the recent years, the authors come to the conclusion that the consensus reached during the “great biopolitical game” is not unshakable. The long journey to include the population into the economy and politics in the interests of the authorities resulted in an unintended long-term consequence for the latter — a progressive decline in the productivity of the investment into the population within the established status quo. The effectiveness of such investments is almost exhausted. The growing demands of the population, who expects greater care from the authorities, reflect the trend towards a consumer revolution from below. However, these demands may turn out to be overwhelming for the biopower that could in the blink of an eye reverse the costly policy that stopped being beneficial, which creates a tendency towards the counter-revolution from above. Against this background, the authorities could regress to the forms of government that deny the people the living standards that they became used to.

Keywords: biopower, biopolitics, revolution, counter-revolution, population, state, violence

References

Agamben G. (2015) *Sredstva bez tseli: Zametki o politike* [Mezzi senza fine: Note sulla politica]. Moscow: Gileja. (In Russ.)

Agamben G. (2020) “The State of Exception Provoked by an Unmotivated Emergency” // *Positions Politics*, 26.02. URL: <http://positionswebsite.org/giorgio-agamben-the-state-of-exception-provoked-by-an-unmotivated-emergency/> (accessed on 22.10.2021).

Arendt H. (1996) *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism]. Moscow: TsentrKom. (In Russ.)

Arendt H. (2011) *O revoljutsii* [On Revolution]. Moscow: Evropa. URL: http://www.al24.ru/wp-content/uploads/2014/12/%D0%B0%D1%80%D0%B5_1.pdf (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Arendt H. (2014a) *Mezhdu proshlym i budushchim: Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Arendt H. (2014b) *O nasilii* [On Violence]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Arendt H. (2017) *Vita Activa, ili O dejatelnoj zhizni* [The Human Condition]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Boltanski L. and E. Chiapello. (2011) *Novyj dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Comaroff J. (2021) “Po tu storonu goloj zhizni: SPID, (bio)politika i neoliberal'nyj porjadok” [Beyond Bare Life: AIDS, (Bio)Politics, and the Neoliberal Order] // *Logos*, no. 1: 3–34. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/fcd/Logos%201-2021-9-40.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Duarte A. (2006) “Biopolitics and the Dissemination of Violence: the Arendtian Critique of the Present” // Arendt H. *Critical Assessments of Leading Political Philosophers*. London: Routledge: 408–423.

Esposito R. (2008) *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.

Fishman L.G., V.S. Martianov, and D.A. Davydov. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Foucault M. (1996) *Volja k istine: Po tu storony znaniya, vlasti i seksual'nosti* [La volonté de savoir]. Moscow: Kastal'. (In Russ.)

Foucault M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Il faut défendre la société: Cours au Collège de France (1975–1976)]. St Petersburg: Nauka. URL: http://studies.in.ua/pravo/soc_meh/Fuko_M_-_Nuzhno_zashchishchat_obschestvo.pdf (accessed on 20.02.2022). (In Russ.)

Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [Naissance de la biopolitique: Cours au Collège de France (1978–1979)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Foucault M. (2011) *Bezopasnost', territorija, naselenie: Kurs leksij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population: Cours au Collège de France (1977–1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fourastié J. (2014) *Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975*. Paris: Fayard.

Fromm E. (1994) *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomie der menschlichen Destruktivität]. Moscow: Respublika. (In Russ.)

Fukuyama F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Heidegger M. (1993) “Preodolenie metafiziki” [Überwindung der Metaphysik] // Heidegger M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika: 177–191. URL: https://imwerden.de/pdf/heidegger_vremya_i_bytie_1993.pdf (accessed on 22.10.2021).

Kapustin B. (2010) *Kritika politicheskoi filosofii: Izbrannye esse* [Critique of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Territorija budushchego. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/2010/03/05/1211344593/Kapustin.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Kjellen R. (1920) *Grundriss zu einem System der Politik*. Leipzig: Kurt Vowinckel Verlag.

Kjellen R. (2018) *Der Staat als Lebensform*. London: Forgotten Books.

Luhmann N. (2001) *Vlast'* [Macht]. Moscow: Praxis. URL: <https://iphras.ru/uplfile/socep/macht.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Maturana H. and F.Varela. (2019) *Drevo poznanija: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimanija* [El árbol del conocimiento: Las bases biológicas del entendimiento humano]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)

Mbembe A. (2003) “Necropolitics” // *Public Culture*, vol. 15, no. 1: 11–40. URL: https://warwick.ac.uk/fac/arts/english/currentstudents/postgraduate/masters/modules/postcol_theory/mbembe_22necropolitics22.pdf (accessed on 20.02.2022).

McVeigh K. (2020) *Protests Predicted to Surge Globally as Covid-19 Drives Unrest*. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/jul/17/protests-predicted-to-surge-globally-as-covid-19-drives-unrest> (accessed on 22.10.2021).

North D., J.Wallis, and B.Weingast. (2011) *Nasilie i sotsial'nye porjadki: Kontseptual'nye ramki dlja interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. URL: <https://nsu.ru/filf/rpha/lib/north-violence.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Olson M. (2012) *Vlast' i protsvetanie: Pererastaja kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury* [Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Piketty T. (2015) *Kapital v 21 veke* [Le Capital au XXIe siècle]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Rancière J. (2006) *Na kraju politicheskogo* [Aux bords du politique]. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Schwab K.M. (2016) *Chetvertaja promyshlennaja revoliutsija* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo. URL: <http://ncrao.rsvpu>.

ru/sites/default/files/library/k._shvab_chetvertaya_promyshlennaya_revolyuciya_2016.pdf (accessed on 20.02.2022). (In Russ.)

Solovey V. (2016) *Revoljution! Osnovy revoljutsionnoj bor'by v sovremennuju epokhu* [Revolution! Fundamentals of the Revolutionary Struggle in the Modern Era]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. URL: <http://spkurd-yumov.ru/uploads/2016/05/prekariat-novyj-opasnyj-klass.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Stiglitz J. (2015) *Tsena neravenstva: Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow: Eksmo. (In Russ.)

Stoddard L. (2016) *Bunt protiv tsivilizatsii* [The Revolt Against Civilization]. Moscow: Belye al'vy. (In Russ.)

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropejskie gosudarstva: 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990—1990]. Moscow: Territorija budushchego. URL: https://socioline.ru/files/5/316/tilli_3.pdf (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

Žižek S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynju Real'nogo!* [Welcome to the Desert of the Real: Five Essays on September 11 and Related Dates]. Moscow: Fond “Pragmatika kul'tury”. (In Russ.)

Žižek S. (2021) “Volja k neznaniju” [The Will Not to Know] // *Logos*, no. 2: 63—78. URL: <https://logosjournal.ru/upload/iblock/aa2/Logos%202-2021-69-84.pdf> (accessed on 22.10.2021). (In Russ.)

политика

И. Б. Филиппов

СИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ: СИЛОВОЕ ПОДАВЛЕНИЕ АКЦИЙ ПРОТЕСТА КАК ДРАЙВЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОНЛАЙН-СЕТЯХ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90078 «Влияние применения негативных санкций в отношении протестующих на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных медиа».

Илья Борисович Филиппов — аспирант аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: ibfilippov@gmail.com.

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния силового подавления уличных выступлений на политическую коммуникацию в социальных сетях. Опираясь на корпус сообщений, опубликованных в социальной сети «ВКонтакте» в рамках обсуждения серии протестных выступлений, происходивших в Москве летом 2019 г. в преддверии выборов в городскую думу, автор анализирует, как полицейское насилие сказывается на публикационной активности в интернете и востребованности публикуемого контента, фиксируя положительную связь между применением силы со стороны полиции и интенсивностью обсуждения соответствующей акции. По его заключению, помимо всплеска интереса даже не к самым значительным по масштабу акциям, в основе данного эффекта лежит возможность мотивированных пользователей искать и находить дополнительную аудиторию посредством обращения к механизму комментирования. Рассказывая о случившемся в комментариях к нейтральным сообщениям в изначально неполитизированных сообществах, такие пользователи втягивают их в протестную коммуникацию. В случае полицейского разгона число комментариев, составляющих наиболее «демократическую» часть политической коммуникации в новых медиа, открытую даже для пользователей с низким медийным ресурсом, резко возрастает. Одновременно возрастает и их эффективность, в том числе с точки зрения вовлечения в дискуссию новых пользователей, что ведет к распространению ее на страницы, где протестные акции обычно не обсуждаются.

Ключевые слова: политический протест, репрессии, полицейское насилие, социальные сети, политическая коммуникация

**Протестная
коммуникация
как пространство
политического
участия**

Изучение изменяющихся стратегий и паттернов политического участия в цифровизирующемся мире — одна из наиболее динамично развивающихся областей политологии и социальных наук в целом. Уже в конце 2000-х годов комментаторы заговорили о том, что возникновение и распространение социальных медиа меняет расклад сил настолько, что революции могут превратиться чуть ли не в побочный эффект коммуникации на онлайн-платформах или, по крайней мере, оказаться от нее в существенной зависимости. Так, массовые протесты в Молдове и Иране, а также более поздние события «арабской весны», широко освещавшихся на сайтах и в социальных сетях, поспешили назвать «Twitter-революциями». И хотя последующие исследования показали ограниченность подобной трактовки², наличие связи между протестами и онлайн-коммуникацией подтверждается и статистически³, и в описаниях личного опыта протестующих⁴. Одновременно появились работы, демонстрирующие, что новейшие коммуникационные технологии могут повышать устойчивость режима, помогая ему справляться с исходящими снизу угрозами⁵.

Исследования социальных сетей как предиктора протестной мобилизации зачастую исходят из посылки, что интернет — это своего рода аналог радио, предоставляющий слушателю возможность попасть в эфир. Однако по мере углубления цифровизации становится очевидно, что, помимо снижения издержек координации, у нее есть и иные последствия. Одним из них является возникновение новых пространств для политической коммуникации и политического активизма в целом, что влечет за собой изменение стратегий, к которым прибегают участники состязательной политики, и форм, которые эта политика принимает. Протестная активность на сайтах и в социальных сетях не просто взаимосвязана с уличными акциями, но формирует особый способ политического участия⁶. Происходящее на улицах медиатизируется: уличная активность находится в контексте сетевой коммуникации и ее законов⁷, а сетевая коммуникация — в контексте событий офлайна⁸.

Растущая популярность политического участия этого типа даже вызвала опасения, что «действенные» мероприятия с физическим присутствием людей будут постепенно уступать место выступлениям в социальных сетях, которые de facto могут рассматриваться как механизм выпуска пара, стерильный в смысле своих политических последствий. «Имитационный» активизм, замещающий «подлинный», уличный, уничижительно именуют «диванным», или slactivism'ом (от англ. slacker — бездельник)⁹. Хотя подобная логика и кажется убедительной, эмпирические данные на сегодняшний день не подтверждают обоснованности таких опасений ни в части замещения улицы интернетом, ни в части стерильности последствий. Если человек активно участвует в протестной деятельности онлайн, то он с большей вероятностью будет вовлечен и в традиционную¹⁰, а репрессивные действия государств в интернете свидетельствуют о том, что сами правящие режимы не считают онлайн-активизм безобидным механизмом выпуска пара¹¹.

² Morozov 2009.

³ Steinert-Threlkeld et al. 2015; Jost et al. 2018; Larson et al. 2019.

⁴ Howard and Hussain 2011.

⁵ Gunitsky 2015; Deibert 2015.

⁶ Архипова 2018.

⁷ Ним 2016.

⁸ Ахременко и Филиппов 2019; Азаров и др. 2014.

⁹ Christensen 2011. Впрочем, используется и более нейтральный термин «clicktivism» (Halupka 2014).

¹⁰ Kwak et al. 2018.

¹¹ Honari 2018.

Описанные трансформации имеют значение не только для репертуара возможных действий активистов, но и для социальных последствий уличной активности. Понятно, что политические режимы не рвутся от переизбытка лайков на постах оппозиционеров, но было бы ошибкой недооценивать эффект протестной коммуникации и цифрового активизма: во многих отношениях производство социального факта акции протеста из физического факта присутствия на площади нескольких тысяч человек происходит именно в социальных сетях. Сама архитектура текстоцентричных социальных сетей способствует быстрому распространению информации¹². Именно благодаря грамотному медийному освещению многие акции со скромной «физической» составляющей получают резонанс, невозможный при аналогичных затратах на мобилизацию в ином случае¹³. Более того, особенности протекания самих акций могут привести к неожиданному росту интереса и вовлеченности публики в социальных сетях. Одной из ключевых таких особенностей является ответ правящего режима. Этот ответ может лежать в диапазоне от игнорирования до применения летального насилия, хотя, как правило, рассматриваются опции невмешательства и полицейского подавления.

Исследования последствий вмешательства полиции обычно сводятся к изучению влияния силового принуждения на дальнейшую динамику уличного протеста. Полицейское насилие — существенный фактор, меняющий восприятие протестной активности в целом. С одной стороны, оно усиливает гнев в среде протестующих и их сторонников, создает потенциал групповой депривации¹⁴, порождает сомнения в легитимности режима ввиду его репрессивности¹⁵ и ощущение его слабости — ввиду того, что он увидел в протесте угрозу¹⁶. С другой стороны, для протестующих меняется «стоимость» участия в физическом протесте, поскольку оно становится более рискованным¹⁷; одновременно может снижаться и вера в успех¹⁸. На сегодняшний день исследователи склоняются к тому, что эффект насильственного подавления с точки зрения «физического» развития протеста зависит от целого ряда конкретных условий — от интенсивности репрессий до особенностей динамики вовлечения социальных групп¹⁹.

Гораздо менее изучена реакция на полицейское насилие в социальных медиа, хотя она выглядит более однозначной и понятной в плане своих последствий. Полицейское насилие вызывает эмоции и надеяет сообщения о прошедшей акции новыми смыслами: протестующие могут говорить о делегитимации действующей власти, репрессивности и слабости режима. При этом «раздвоение» информационного повода на сам митинг и ответ властей дает авторам публикаций бóльшую свободу в написании текстов, работающих на расширение коммуникации. Фото- и видеосвидетельства применения насилия также повышают коммуникативные возможности авторов, позволяя им апеллировать к этическим (а не политическим) аргументам. Все это должно приводить к более интенсивному вовлечению пользователей в сопут-

¹² *Gil-Lopez and Shen 2021.*

¹³ *Нум 2016.*

¹⁴ *Drury and Reicher 2000.*

¹⁵ *Peterson and Wahlström 2015.*

¹⁶ *Davenport 2007.*

¹⁷ *Opp and Gern 1993.*

¹⁸ *McAdam et al. 1996.*

¹⁹ *Akhremenko and Petrov 2020.*

ствующую митингам протестную коммуникацию, особенно с учетом того, что ее основной объем составляют именно рефлексия и информирование²⁰.

²⁰ *Theocharis et al. 2015.*

Эмпирическая проверка приведенных соображений проводилась в ограниченном масштабе. На материале обсуждения московских протестов 2018 г. в социальной сети «ВКонтакте» было показано, что полицейский разгон протестующих способствует интенсификации вертикальной коммуникации: возросшее число крупных сообществ продуцирует больше сообщений, которые, в свою очередь, встречают больший отклик у подписчиков и читателей соответствующих ресурсов. Как следствие, происходит существенное усиление протестной повестки в лентах пользователей, включенных в политическую коммуникацию, и повышается вероятность ее попадания в ленты остальных²¹, поскольку сообщения крупных сообществ составляют львиную долю всего читаемого в социальных сетях.

²¹ *Ахременко и Филиппов 2019.*

Главенствующее положение контента крупных сообществ в структуре медиа-потребления обеспечивается специфическим распределением числа подписчиков отдельных страниц. Применительно к эмпирически наблюдаемым сайтам и социальным сетям это распределение подчиняется степенному закону²². На качественном уровне это означает, что страницы со значительным числом участников встречаются довольно редко, подавляющая же часть пользователей и сообществ имеет небольшое число подписчиков и, следовательно, ограниченное число потенциальных читателей. В современных социальных сетях этот эффект усиливается наличием рекомендательных систем²³, которые помогают популярным площадкам стать еще популярнее, что способствует закреплению «цифрового неравенства» между страницами. И хотя такое положение дел подрывает представление об интернете как о пространстве горизонтальных взаимодействий и коннективного действия²⁴, именно оно и обеспечивает быстрое распространение информации²⁵.

²² *Asur and Huberman 2010.*

²³ *Venturini 2019.*

²⁴ *Bennet and Segerber 2012.*

²⁵ *González-Bailón 2013; Jost et al. 2018.*

Существующие на сегодняшний день исследования не дают ответа на вопрос, является ли всплеск коммуникации в этом сегменте страниц эффектом насилия как такового, или насилие выступает одним из факторов, который *ceteris paribus* делает акцию как новостной повод более обсуждаемой, наравне с неожиданно широким ее размахом или важными заявлениями, сделанными по ее ходу. Как бы то ни было, данный эффект фиксируется практически повсеместно, причем обнаруженная вариация не связана с аффективным изменением текстовых характеристик публикаций (длина сообщения, чрезмерное использование пунктуации, употребление смайлов)²⁶. При этом известно, что содержание коммуникации меняется вместе с содержанием офлайн-событий²⁷, а протестно заряженные сообщения обеспечивают большее вовлечение активной части пользователей²⁸.

²⁶ *Филиппов 2020.*

²⁷ *Азаров и др. 2014.*

²⁸ *Бродовская и Хуанг 2019.*

Стремясь расширить имеющееся знание о коммуникации в социальных сетях, рассматриваемой сегодня преимущественно в медийном аспекте, в настоящей статье я обращаюсь к «активистской» ее

стороне. Важный механизм, позволяющий пользователям распространять информацию о прошедших событиях, — это комментарии, или публикации-ответы, то есть тексты, которые размещаются в ответ на оригинальную публикацию сообщества либо отдельного пользователя. Исходная идея, лежащая в основе указанного механизма, — дать возможность читателям развернуто отреагировать на пост хозяина страницы и вступить с ним в дискуссию. Тем не менее, если хозяин страницы не модерировать раздел комментариев или делает это с опозданием, там вполне могут размещаться материалы, не относящиеся к теме исходной публикации. Данный механизм зачастую используется для того, чтобы распространить какую-либо информацию в обход «магистральных» путей, задействовав медийный капитал владельца страницы и войдя в контакт с его аудиторией.

Таким образом, комментирование является способом коммуникативного участия, с одной стороны, достаточно демократичным, ибо не сопряжено с какими-либо требованиями к медийному капиталу комментирующего, а с другой — достаточно продуктивным по сравнению со способами участия в обсуждении, не предполагающими производства собственного контента (текстов). Тем самым комментарии предстают идеальным каналом коммуникации для мотивированных, но малоресурсных пользователей, тем более что наряду с доступом к относительно большому числу читателей они позволяют им находить таковых за пределами собственно протестных сообществ.

Выход мобилизации за пределы узкого круга «профессиональных недовольных» требует вовлечения в коммуникацию тех, кто обычно не высказывает интереса к политике и протестной повестке. Нормальный ход обсуждений, как правило, этому не благоприятствует: одним из принципов, регулярно воспроизводящихся в процессе политической коммуникации в социальных сетях, является гомофилия, то есть склонность пользователей избегать общения с теми, кто транслирует отличающиеся взгляды и предпочтения²⁹. Однако социальные сети не статичны, и изменение инфоповодов и различные экзогенные шоки могут приводить к расширению кросс-идеологических взаимодействий³⁰. В ряде социальных сетей, включая «ВКонтакте», именно комментирование представляет собой самый простой и доступный способ выйти за рамки своей эхо-камеры. Согласно опросам, немаловажным мотивом написания политически ангажированных комментариев выступает желание «сбалансировать» текущий обмен мнениями или что-то «объяснить» другим³¹, из чего следует, что комментарии служат площадкой для встречи прежде всего с носителями противоположных взглядов, а не просто с нейтральными пользователями.

Хотя публикации этого типа не слишком популярны у читателей и привлекают внимание относительно небольшого числа пользователей, это самый распространенный вид креативного участия в политической и протестной коммуникации: комментарии пишут чаще, чем оригинальные посты. И, как показывают опросы³², усилия авторов

²⁹ McPherson, Smith-Lovin, and Cook 2001; Himelboim et al. 2016.

³⁰ Barberá et al. 2015.

³¹ Springer, Engelmann, and Pfaffinger 2015; Stroud, van Duyn, and Peacock 2016.

³² Stroud, van Duyn, and Peacock 2016; Kalogeropoulos et al. 2017.

приносят определенные плоды: они получают какую-то аудиторию, позитивные пользовательские реакции (лайки, репосты) и ответные комментарии.

Можно ожидать, что сетевые активисты будут реагировать на силовое подавление протестов не менее остро, чем администраторы сообществ. Ведь жизненный цикл крупных пабликов так или иначе ограничен медиа-логикой, и потребление аудиторией любого сообщества контента на одну тему имеет пределы, тогда как простор для захвата пространства комментариев и коллективной рефлексии в социальной сети выглядит почти неограниченным, особенно в случае ее изначально слабой политизации.

Для проверки данного предположения, а также общего прояснения вопроса о воздействии полицейского насилия на протестную коммуникацию мною было проведено эмпирическое исследование, результаты которого представлены ниже. Рассмотрение проводилось как на агрегированном уровне, так и с точки зрения изменения публикационной активности разного типа авторов. В центре моего внимания находился механизм комментирования, его роль в протестной коммуникации в принципе и влияние на него силового подавления уличных выступлений.

**Как полицейское
насилие влияет
на активность
в комментариях**

Эмпирической базой исследования послужили публикации в социальной сети «ВКонтакте», появившиеся в ходе обсуждения серии протестных выступлений, происходивших в Москве с 20 июля по 10 августа 2019 г. в преддверии выборов в городскую думу, и их метаданные. На протяжении четырех недель каждую субботу в центре столицы проводились акции протеста, главным требованием которых был допуск до участия в выборах кандидатов, ранее снятых избирательной комиссией. Две из четырех рассматриваемых акций сопровождалась массированным полицейским подавлением, одна — локальным вмешательством сил правопорядка, еще одна прошла без заметного применения насилия и последующих административных задержаний. Краткая характеристика вошедших в выборку протестных эпизодов и их обсуждения в сети «ВКонтакте» представлена в *табл. 1*.

Выбор сети «ВКонтакте» в качестве основы для эмпирического анализа протестной онлайн-коммуникации объясняется тем, что это самая популярная и вместе с тем наименее политизированная социальная сеть в России³³. Иначе говоря, политической коммуникации в ней есть куда расти и какие площадки захватывать (ибо в обычном состоянии подавляющая часть коммуникации не связана с политикой), и она обладает наибольшим потенциалом с точки зрения мобилизации.

Ограниченность протестной повестки московскими выборами и стабильный состав задействованных акторов обеспечивают сравнимость коммуникации вокруг отдельных протестных эпизодов. Во-первых, коммуникацию не искажают дополнительные сюжеты, которые

³³ Reuter and Szakonyi 2015.

Таблица 1 Краткая характеристика протестных акций лета 2019 г. в Москве и их обсуждения в сети «ВКонтакте»

<i>Акция</i>	<i>Силовое подавление</i>	<i>Число участников</i>	<i>Даты обсуждения</i>	<i>Число авторов</i>	<i>Число постов</i>
20.07.2019	Отсутствовало	Около 20 тыс.	20—22 июля	12711	19526
27.07.2019	Многочисленные случаи полицейского насилия; более 1,3 тыс. задержанных	10—20 тыс.	27—29 июля	46398	83013
3.08.2019	Многочисленные случаи полицейского насилия; около тысячи задержанных	Несколько тыс.	3—5 августа	37955	66000
10.08.2019	Локальное применение силы полицией	Около 50 тыс.	10—12 августа	48945	88673

могли бы затруднить отслеживание ее динамики и фиксацию влияния событий, имевших место в ходе самих протестных акций, на их обсуждение; во-вторых, нет оснований полагать, что различия в интенсивности обсуждения таких акций обусловлены различиями в медийной базе, изначально имевшейся у их организаторов. Соответственно, рассмотрение этой серии протестов позволяет, с одной стороны, проследить воздействие полицейского насилия на последующую коммуникацию и стратегии ее участников, а с другой — проверить и уточнить выводы, полученные по результатам анализа менее связанных акций³⁴.

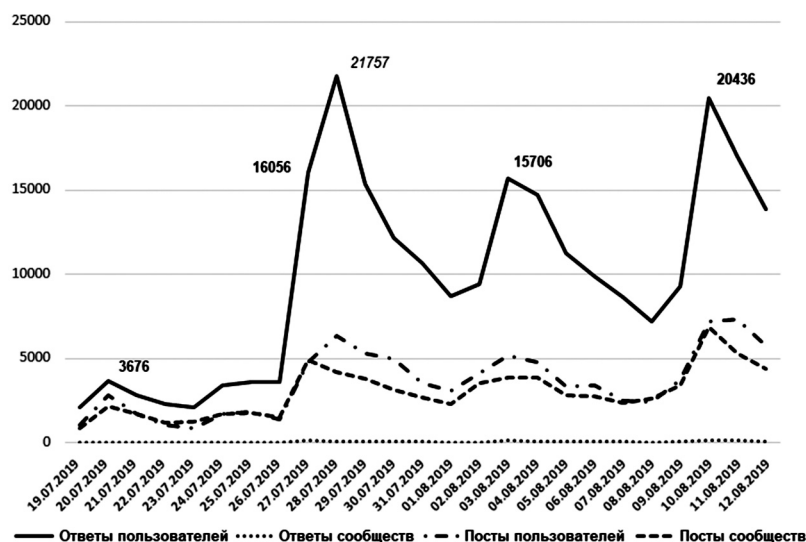
³⁴ Ахременко и Филиппов 2019.

Сбор, фильтрация и обработка сообщений из сети «ВКонтакте» осуществлялись машинным способом. Сообщения отбирались по наличию слова «митинг» в любой форме. При этом из выборки исключались все сообщения с упоминаниями не связанных с Москвой топонимов и не относящихся к рассматриваемому сюжету групп (например, обманутых дольщиков). Затем из полученного блока сообщений были отобраны те, что публиковались в дни самих акций и последующие два дня. Так, обсуждением акции 20 июля 2019 г. считались все отвечающие упомянутым выше требованиям сообщения, опубликованные с 0 часов 20 июля до 23 часов 59 минут 22 июля; обсуждением акции 27 июля — сообщения, опубликованные с 0 часов 27 июля до 23 часов 59 минут

29 июля, и т.д. Всего было проанализировано 257 тыс. сообщений от 116 тыс. авторов.

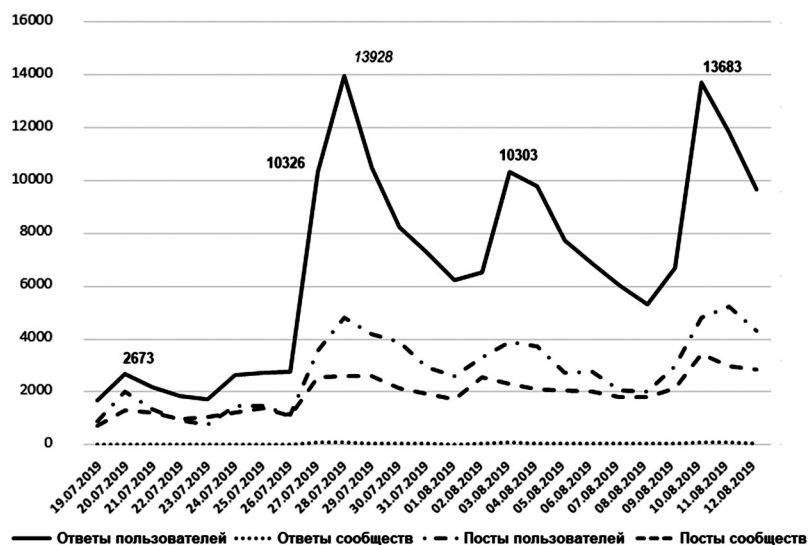
На *рис. 1* отражена динамика упоминаемости слова «митинг» в сети «ВКонтакте» в период с 19 июля по 12 августа 2019 г. Как видно из рисунка, четырем состоявшимся в это время акциям протеста соответствуют четыре пиковых периода на графиках. Как правило, пик публикационной активности приходился на сам день акции, но были и исключения. В этом плане особенно выделяется 28 июля — день, последовавший за первым силовым разгоном в этой серии протестных выступлений, который ознаменовался самым бурным всплеском активности рядовых пользователей. В следующие выходные основная масса пользовательских сообщений была опубликована непосредственно в день акции.

Рисунок 1 Динамика числа сообщений с упоминанием слова «митинг»

Те же регулярности наблюдаются на *рис. 2*, где отображена динамика числа уникальных авторов, вовлеченных в протестную коммуникацию. На обоих рисунках легко заметить, что формат пользовательского комментария (ответа) доминирует над всеми остальными и по объему контента, и по количеству авторов. При этом даже за вычетом комментариев активность обычных пользователей в целом превосходит активность сообществ. Однако результаты этой активности — число читателей и пользовательских реакций — оказываются скромнее, поскольку именно большие сообщества консолидируют вокруг себя зна-

Рисунок 2 Динамика числа авторов сообщений с упоминанием слова «митинг»

чительную аудиторию и влияют на продвижение в социальных сетях той или иной повестки.

Анализ межакционных вариаций числа оригинальных постов и пользовательской реакции на них (см. табл. 2) подтверждает выводы относительно влияния различного течения митингов на протестную коммуникацию в социальных сетях, сделанные на основе исследования протестных акций в Москве в 2018 г.³⁵ По мере включения сил правопорядка в протестные события участие в протестной коммуникации в сети «ВКонтакте» увеличивается и качественно, и количественно: растет как среднее число публикаций на одного автора, так и число авторов, а сами публикации получают больше положительных реакций от читателей. Это касается публикаций на всех типах страниц — и пользовательских, и страниц сообществ.

И все же динамика пользовательской активности во время рассматриваемой серии выступлений предостерегает от прямолинейной интерпретации воздействия полицейских санкций на коммуникацию в сети. Действительно, изменение стратегии правящего режима ознаменовалось драматическим ростом вовлеченности в протестную коммуникацию, однако в итоге наибольший размах обсуждения пришелся на эпизод, в ходе которого полицейское насилие было спорадическим и не затмевало основной информационный повод — массовость митинга. С другой стороны, такой размах обсуждения вряд ли был бы возможен без двух предшествующих акций, но достоверно выявить влияние на-

³⁵ См. Ахременко и Филиппов 2019.

Таблица 2 Межакционные вариации числа оригинальных постов и пользовательской реакции на них

<i>Публикации обычных пользователей</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авто-ры</i>	<i>Посты</i>	<i>Про-мотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репос-ты</i>	<i>Коммен-тарии</i>
20.07.2019	3746	5558	1512983	61099	5606	7005
27.07.2019	10792	16466	2686759	97370	11528	18283
3.08.2019	8905	13387	1859908	67326	6992	10285
10.08.2019	11923	20342	3150764	117312	11338	15205
Всего	26986	55753	9210414	343107	35464	50778
<i>Публикации сообществ</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авто-ры</i>	<i>Посты</i>	<i>Про-мотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репос-ты</i>	<i>Коммен-тарии</i>
20.07.2019	2832	5046	14947403	296044	17970	43069
27.07.2019	5315	12958	45624927	812958	43894	183660
3.08.2019	4752	10603	37791664	673866	32561	132361
10.08.2019	6135	16677	78534487	1564022	60055	222180
Всего	11609	45284	176898481	3346890	154480	581270

силія на последующие эпизоды многосерийных протестов с помощью данных по одной серии акций нельзя.

При сравнении публикаций на двух типах площадок — в сообществах и на личных страницах — нетрудно заметить, что публикации обычных пользователей собирают меньше читателей и пользовательских реакций как в сумме, так и в пересчете на один пост. В то же время при пересчете на один просмотр выясняется, что с точки зрения вовлечения в обсуждение эффективность таких публикаций в полтора раза выше: посты виртуальных и реальных друзей больше располагают к дискуссии и положительной реакции, нежели публикации администраторов сообществ.

Хотя читателей в большей степени интересуют именно оригинальные посты, самая массовая форма участия в коммуникации после потребления контента — это комментирование. Судить о пользовательских реакциях в разрезе различных типов публикаций позволяют данные, приводимые в *табл. 3*. Поскольку интерфейс сети «ВКонтакте» не содержит информации о числе просмотров публикаций-ответов, их оценка в таблице представлена в виде интервала, левую границу которого составляет произведение числа лайков и отношения числа лайков к просмотрам для оригинальных постов в сообществах, правую — аналогичное произведение применительно к оригинальным постам обыч-

Таблица 3 Масштабы участия в протестной коммуникации с помощью оригинальных постов и публикаций-ответов

<i>Оригинальные публикации</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авто-ры</i>	<i>Посты</i>	<i>Про-смотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репос-ты</i>	<i>Коммен-тарии</i>
20.07.2019	6578	10604	16460386	357143	23576	50074
27.07.2019	16107	29424	48311686	910328	55422	201943
3.08.2019	13657	23990	39651572	741192	39553	142646
10.08.2019	18058	37019	81685 51	1681334	71393	237385
Всего	38595	101037	186108895	3689997	189944	632048
<i>Публикации-ответы</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авто-ры</i>	<i>Посты</i>	<i>Про-смотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репос-ты</i>	<i>Коммен-тарии</i>
20.07.2019	6352	8922	704007— 1435444	28430	49	8998
27.07.2019	31180	53589	6449022— 13116694	233717	224	76539
3.08.2019	24949	42010	4162071— 8449350	150661	199	51478
10.08.2019	31802	51654	5278991— 9869497	196552	210	70974
Всего	80775	156175	16357748— 32207470	609 360	682	207989

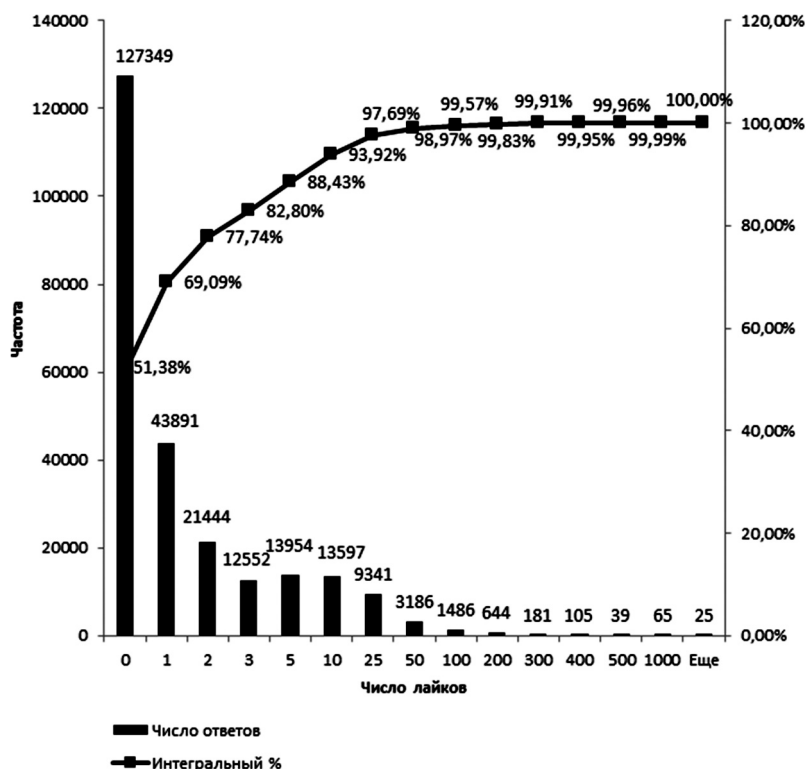
ных пользователей. Думается, что истинное значение лежит где-то в этих пределах, так как, с одной стороны, к чтению комментариев обращаются прежде всего мотивированные пользователи, что повышает вероятность реакции при просмотре, с другой — авторы комментариев лично не знакомы большинству читателей, что ее снижает.

Из табл. 3 следует, что число участвующих в коммуникации через написание комментариев, как правило, в полтора-два раза превосходит число авторов оригинальных постов. При этом число прочтений комментариев кратно уступает числу прочтений оригинальных постов, что вполне ожидаемо, так как не каждый пользователь в принципе читает комментарии и не каждый комментарий из множества будет прочитан даже активным пользователем. Отношение к лайкам у публикаций-ответов намного выше, чем у оригинальных сообщений, что можно объяснить как уже упомянутой повышенной мотивацией посетителей страницы комментариев, так и тем, что функционал социальной сети располагает к вовлечению в комментирование. Оставив комментарий на

ответ, пользователь с большей вероятностью может рассчитывать на реакцию автора исходного комментария, чем в случае комментирования оригинальной публикации, особенно исходящей от сообщества. В то же время репосты комментариев редки. В целом с точки зрения потребляемого контента «вертикальная» коммуникация (от сообществ — к подписчикам) доминирует над «горизонтальной», но публикации-ответы составляют большую часть того, что публикуется активными пользователями социальной сети.

Как показано на *рис. 3*, половина всех постов остается без реакции со стороны читателей, и 10 лайков — недостижимый рубеж для более чем 90% всех комментариев. На практике подавляющая часть всех публикаций-ответов не привлекает сколько-нибудь заметного внимания публики. Однако тот факт, что в каждом втором случае такие публикации находят хотя бы одного оставившего лайк читателя, выступает достаточным стимулом для участников коммуникации, демонстрируя возможность использовать для донесения своих взглядов площадки с аудиторией, привлечение которой ложится на плечи администрато-

Рисунок 3 Распределение публикаций-ответов по числу лайков

ров сообществ. Иначе говоря, комментирование есть способ вступить в коммуникацию с широким кругом пользователей, не вкладываясь в развитие и продвижение собственной страницы. Более того, хотя наличие «раскрученной» страницы и позволяет стабильно коммуницировать с большой аудиторией, оно же и консервирует эту аудиторию, тогда как размещение постов в разделе комментариев открывает доступ к разнообразной аудитории, привлеченной администраторами разных сообществ.

Наибольшая комментаторская активность наблюдается на площадках с наибольшим числом прочтений — в сообществах, на них же приходится и большая часть реакций на комментарии других пользователей — и в абсолютных цифрах, и в пересчете на один пост (см. табл. 4). Но поскольку ни с точки зрения пользовательских механик, ни с точки зрения поакционной динамики разницы между публикациями-ответами на страницах пользователей и сообществ нет, в дальнейшем я буду рассматривать такие публикации вместе.

Таблица 4 Динамика участия в протестной коммуникации с помощью публикаций-ответов на различных площадках

<i>Публикации-ответы на страницах пользователей</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Просмотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репосты</i>	<i>Комментарии</i>
20.07.2019	678	1022	33826—68970	1366	8	1053
27.07.2019	2661	3885	232115—472099	8412	34	4271
3.08.2019	2038	2862	123734—251191	4479	47	2523
10.08.2019	2544	3552	171085—319858	6370	25	2683
Всего	7143	11321	553714—1090232	20627	114	10530
<i>Публикации-ответы на страницах сообществ</i>						
<i>Акция</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Просмотры</i>	<i>Лайки</i>	<i>Репосты</i>	<i>Комментарии</i>
20.07.2019	5762	7900	670181—1366474	27064	41	7945
27.07.2019	29037	49704	6216907—12644594	225305	190	72268
3.08.2019	23321	39148	4038337—8198160	146182	152	48955
10.08.2019	29732	48102	5107905—9549639	190182	185	68291
Всего	75658	144854	15804034—31117238	588733	568	197459

Как уже отмечалось, пользователь может оставлять комментарии во многих сообществах. В большинстве случаев крупные сообщества открыты для вступления и комментирования, причем членство в сообществе чаще всего не является необходимым условием для коммуникации в его рамках. Это позволяет пользователям «захватывать» пространство в комментариях, отесняя политически нейтральные публикации, и принудительно вовлекать сообщество и его аудиторию в политическую коммуникацию. Данные, характеризующие динамику всех публикаций-ответов и публикаций-ответов, вовлекавших в коммуникацию новые сообщества (те, что не публиковали от своего имени постов, посвященных соответствующей акции), представлены в *табл. 5*. Как видно из таблицы, «вовлекающие» ответы в среднем получали меньшую пользовательскую реакцию, что ожидаемо — политическая коммуникация находит больший отклик у аудитории сообществ, стабильно вовлеченных в обсуждение протестных акций.

Пик коммуникации посредством публикаций-ответов приходится на 27 июля — первый случай применения полицейского насилия против протестующих. В этот день мы видим наибольшее число таких публика-

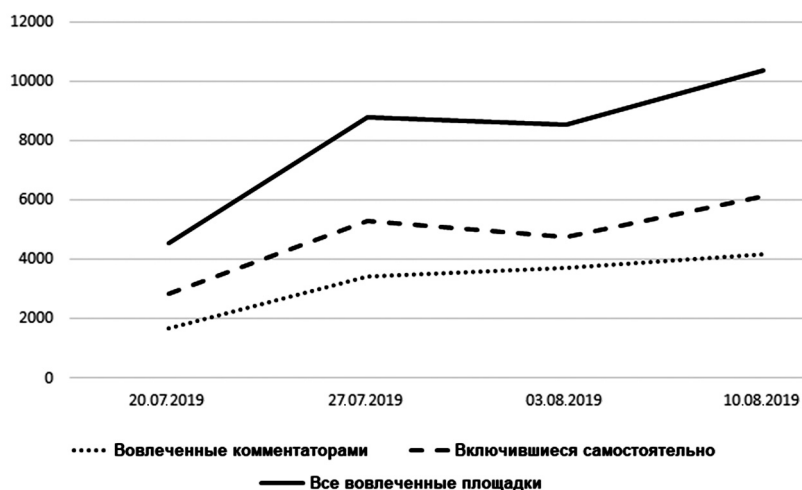
Таблица 5 Публикационная активность и успешность продвижения «вовлекающих» публикаций-ответов на фоне публикаций-ответов в целом

<i>Все публикации-ответы</i>							
<i>Акция</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Лайки</i>	<i>Комментарии</i>	<i>Посты / авторы</i>	<i>Лайки / посты</i>	<i>Комментарии / посты</i>
20.07.2019	6352	8922	28430	8998	1,40	3,19	1,01
27.07.2019	31180	53589	233717	76539	1,72	4,36	1,43
3.08.2019	24949	42010	150661	51478	1,68	3,59	1,23
10.08.2019	31802	51654	196552	70974	1,62	3,81	1,37
<i>Вовлекающие публикации-ответы</i>							
<i>Акция</i>	<i>Авторы</i>	<i>Посты</i>	<i>Лайки</i>	<i>Комментарии</i>	<i>Посты / авторы</i>	<i>Лайки / посты</i>	<i>Комментарии / посты</i>
20.07.2019	3261	4022	10024	3577	1,23	2,49	0,89
27.07.2019	12742	18840	74813	25980	1,48	3,97	1,38
3.08.2019	11452	16374	46983	18275	1,43	2,87	1,12
10.08.2019	12077	16895	49765	21181	1,40	2,95	1,25

ций и реакций на них как в целом, так и применительно к подвыборке «вовлекающих» публикаций-ответов. Пользователи были более активны, чем при обсуждении любого другого протестного эпизода, причем именно тогда активные пользователи проявляли наибольшую склонность к экспорту протестной коммуникации в незатронутые ею сообщества. Примечательно, что тогда же наблюдался наименьший разрыв в метриках успешности продвижения между «вовлекающими» и «невовлекающими» постами. Это означает, что полицейское насилие повышает восприимчивость к политическим высказываниям в неполиitizedированной среде.

На *рис. 4* отражена динамика соотношения между сообществами, включившимися в протестную коммуникацию самостоятельно, и теми, чье приобщение к ней связано с механизмом комментирования. Из рисунка следует, что при обсуждении акции 27 июля усилия активных пользователей были направлены не столько на вовлечение в протестную коммуникацию как можно большего числа сообществ, сколько на повышение ее плотности в целевых группах. При том что и «вовлекающих» комментариев, и авторов таковых 27–30 июля было больше, чем в последующие дни, вовлеченных сообществ оказалось меньше. Это означает, что в среднем на одно сообщество приходилось больше постов и авторов.

Рисунок 4 Самостоятельное и стимулированное извне включение сообществ в протестную коммуникацию

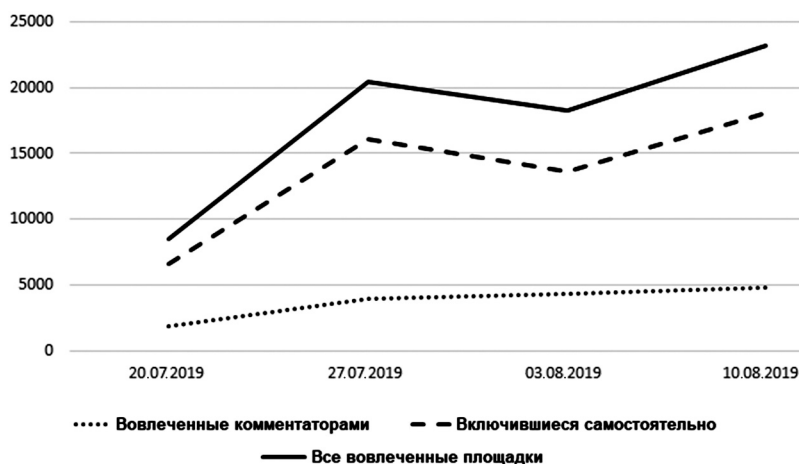

Стоит отметить, что число сообществ, которые включились в протестную коммуникацию самостоятельно, сопоставимо с числом вовлеченных в нее извне. Хотя сообществ первого типа стабильно больше,

доля вторых среди всех задействованных в такой коммуникации сообществ составляет от 37% до 43%.

При переходе от площадок-сообществ ко всем площадкам (включая страницы обычных пользователей) доля тех, что были вовлечены в протестную коммуникацию авторами публикаций-ответов, снижается (см. рис. 5). Это обусловлено тем, что большая часть таких публикаций приходится на сообщества и 75% «вовлекающих» комментариев были оставлены именно там. Вместе с тем общие паттерны поакционной динамики остаются прежними.

Рисунок 5 Самостоятельное и стимулированное извне включение площадок всех типов в протестную коммуникацию

Динамику подключения площадок к протестной коммуникации отражают данные, приводимые в табл. 6. Согласно этим данным, 40% всех площадок, на которых фиксируется протестная коммуникация, были вовлечены в нее не публикациями администратора/хозяина страницы, а комментариями сторонних пользователей. Именно обсуждение акции 27 июля характеризуется наиболее массовым включением в дискуссию сообществ, причем как самостоятельным, так и стимулированным извне.

Заключение

Итак, проведенное исследование подтверждает, что обсуждение акции, подавленной полицией, оказывается более интенсивным как с точки зрения публикационной активности, так и в плане востребованности публикуемого контента. И хотя оно по-прежнему не позволяет судить о том, является ли это эффектом исключительно полицейско-

Таблица 6 Динамика подключения площадок к протестной коммуникации

	Всего		Включились сами		Вовлечены комментаторами		Вовлечены комментаторами, %	
	Пользователи	Сообщества	Пользователи	Сообщества	Пользователи	Сообщества	Пользователи	Сообщества
Акция первого обращения к протестной коммуникации								
20.07.2019	3961	4535	3802	2856	159	1679	4%	37%
27.07.2019	10141	6268	9640	3801	501	2467	5%	39%
3.08.2019	6693	4106	6327	2314	366	1792	5%	44%
10.08.2019	8178	4575	7871	2771	307	1804	4%	39%
Всего	28973	19484	27640	11742	1333	7742	5%	40%

го насилия, или речь идет лишь об одном из сценариев, провоцирующих более широкое обсуждение в сети, по его итогам можно говорить о некоторых эксклюзивных последствиях полицейского насилия для политической коммуникации в социальных сетях. Помимо того, что полицейский разгон приводит к всплеску интереса даже не к самым значительным по масштабу акциям, такой поворот событий позволяет активным пользователям искать и успешно находить дополнительную аудиторию. Это происходит за счет механизма комментирования: активисты рассказывают о случившемся в комментариях к нейтральным сообщениям в изначально неполитизированных сообществах, тем самым вовлекая их в протестную коммуникацию. Как показывают полученные данные, взлет подобной активности приходится именно на день с наиболее жестким подавлением акции полицией. Самое примечательное, что тогда же эта активность встречает максимально благосклонный отклик со стороны публики. В случае с обсуждением серии протестных выступлений в Москве летом 2019 г. половина всех комментариев в выборке получила хотя бы одну положительную пользовательскую реакцию, четверть — хотя бы две. Это означает, что рассмотренная стратегия не бесплодна и публикации-ответы — действенный способ вступления в коммуникацию и обретения новой аудитории.

В завершение следует сказать несколько слов о возможных направлениях дальнейшего изучения влияния полицейского насилия на протестную коммуникацию в социальных сетях. Представленному выше исследованию присущ целый ряд ограничений. Во-первых, в нем никак не оценивалось содержание постов и комментариев: протестной коммуникацией по умолчанию считались все упоминания митингов,

при том что далеко не во всех случаях такие упоминания носили позитивный характер. И хотя подобный подход мне кажется вполне допустимым, ибо полемика между сторонами могла сказаться только на величине выявленного эффекта, но не на самом его наличии (сомнительно, чтобы приверженцы правящего режима повышали упоминаемость протестных эпизодов не в ответ на действия протестных активистов, а по собственной инициативе), проблема остается. Во-вторых, отсутствовала корректировка на серийный характер протеста: поскольку протестные эпизоды следовали один за другим, интерес публики мог разогреваться сам по себе, а не под влиянием насилия. Этот эффект не стоит преувеличивать (так, обсуждение третьей акции в рассматриваемой серии было менее активным, чем обсуждение второй), но, чтобы оценить реальный его масштаб, необходимо сравнение нескольких серий протестных выступлений. В-третьих, в исследовании не учитывался фактор ботов. Конечно, существенного влияния на его результаты этот фактор оказать не мог (в условиях, когда у акций были одни и те же организаторы и одна и та же повестка, маловероятно, чтобы боты включались во время обсуждения одних акций и выключались при обсуждении других), однако в иных ситуациях дело может обстоять иначе. Таким образом, можно выделить три основных направления дальнейших исследований: (автоматизированный) анализ содержания публикуемых сообщений, прояснение, в том числе на теоретическом уровне, динамики коммуникации во время многодневных серийных акций протеста и, наконец, изучение роли и поведения ботов в различных политических обстоятельствах.

Библиография

Азаров А.А., Е.В.Бродовская, О.В.Дмитриева, А.Ю.Домбровская и А.А.Фильченков. (2014) «Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (На примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.)». Ч. II // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, т. 121, № 3: 56–74. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014/121/2014_121_5_A.A.Azarov_E.V.Brodovskaja_O.V.Dmitrieva_A.Ju.Dombrovskaja_A.A.Filchenkov.pdf (проверено 28.09.2021).

Архипова А.С., Д.А.Радченко, А.С.Титков, И.В.Козлова, Е.Ф.Югай, С.В.Белянин и М.В.Гаврилова. (2018) «„Пересборка митинга“: Интернет в протесте и протест в интернете» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, т. 143, № 1: 12–35. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/143/2018_143_02_Arkipova.pdf (проверено 28.09.2021).

Ахременко А.С. и И.Б.Филиппов. (2019) «Влияние силового давления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, т. 153, № 5: 200–225. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/316197002.pdf> (проверено 28.09.2021).

Бродовская Е.В. и Т.Хуанг. (2019) «Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи» // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, т. 153, № 5: 3—18. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/926/708> (проверено 28.09.2021).

Ним Е.Г. (2016) «„Игрушко митингуэ“: в поисках теории медиатизации гражданского протеста» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 14, № 1: 55—70. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3287/2855> (проверено 28.09.2021).

Филиппов И.Б. (2020) «Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 13, № 2: 249—268.

Akhremenko A. and A.Petrov. (2020) «Modeling the Protest-Repression Nexus» // *Proceedings of the MACSPro Workshop 2020*. Venice, October 22—24. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/448511769.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Asur S. and B.A.Huberman. (2010) «Predicting the Future with Social Media» // *Proceedings of 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology*. Toronto, 31 Aug. — 3 Sept.: 492—499. URL: <https://cmps-people.ok.ubc.ca/bowenhui/iui/asur-wic2010.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Barberá P., J.T.Jost, J.Nagler, J.A.Tucker, and R.Bonneau. (2015) «Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber?» // *Psychological Science*, vol. 26, no. 10: 1531—1542.

Bennett W.L. and A.Segerberg. (2012) «The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics» // *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5: 739—768.

Christensen H.S. (2011) «Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means?» // *First Monday*, vol. 16, no. 2. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/3336> (accessed on 28.09.2021).

Davenport C. (2007) «State Repression and Political Order» // *Annual Review of Political Science*, vol. 10: 1—23.

Deibert R. (2015) «Authoritarianism Goes Global: Cyberspace under Siege» // *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 3: 64—78.

Drury J. and S.Reicher. (2000) «Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities» // *British Journal of Social Psychology*, vol. 39, no. 4: 579—604.

Gil-Lopez T. and C.Shen. (2021) «„Go, Vote, and Tweet It“: Interactivity in Online Protest-Related Discussions about the 2014 Catalan Referendum for Independence» // *International Journal of Communication*, vol. 15: 3864—3886. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/15700/3538> (accessed on 28.09.2021).

González-Bailón S., J.Borge-Holthoefer, and Y.Moreno. (2013) «Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion» // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 7: 943—965.

- Gunitsky S. (2015) «Corrupting the Cyber-Commons: Social Media as a Tool of Autocratic Stability» // *Perspectives on Politics*, vol. 13, no. 1: 42–54.
- Halupka M. (2014) «Clicktivism: A Systematic Heuristic» // *Policy & Internet*, vol. 6, no. 2: 115–132.
- Himmelboim I., K.D.Sweetser, S.F.Tinkham, K.Cameron, M.Danelo, and K.West. (2016) «Valence-based Homophily on Twitter: Network Analysis of Emotions and Political Talk in the 2012 Presidential Election» // *New Media & Society*, vol. 18, no. 7: 1382–1400.
- Honari A. (2018) «From „the Effect of Repression“ toward „the Response to Repression“» // *Current Sociology*, vol. 66, no. 6: 950–973.
- Howard P.N. and M.M.Hussain. (2011) «The Role of Digital Media» // *Journal of Democracy*, vol. 22, no. 3: 35–48.
- Jost J.T., P.Barberá, R.Bonneau, M.Langer, M.Metzger, J.Nagler, J.Stegler, and J.A.Tucker. (2018) «How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks» // *Political Psychology*, vol. 39, no. 11: 85–118.
- Kalogeropoulos A., S.Negredo, I.Picone, and R.K.Nielsen. (2017) «Who Shares and Comments on News? A Cross-national Comparative Analysis of Online and Social Media Participation» // *Social Media + Society*, vol. 3, no. 4: 1–12.
- Kwak N., D.S.Lane, B.E.Weeks, D.H.Kim, S.S.Lee, and S.Bachleda. (2018) «Perceptions of Social Media for Politics: Testing the Slacktivism Hypothesis» // *Human Communication Research*, vol. 44, no. 2: 197–221. URL: http://www.daniel-lane.com/wp-content/uploads/2018/06/Kwak-et-al_2018_Perceptions-of-Social-Media-for-Politics.pdf (accessed on 28.09.2021).
- Larson J.M., J.Nagler, J.Ronen, and J.A.Tucker. (2019) «Social Networks and Protest Participation: Evidence from 130 Million Twitter Users» // *American Journal of Political Science*, vol. 63, no. 3: 690–705.
- McAdam D., S.Tarrow, and C.Tilly. (1996) «To Map Contentious Politics» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 1, no. 1: 17–34.
- McPherson M., L.Smith-Lovin, and J.M.Cook. (2001) «Birds of a Feather: Homophily in Social Networks» // *Annual Review of Sociology*, vol. 27, no. 1: 415–444.
- Morozov E. (2009) «Iran: Downside to „the Twitter Revolution“» // *Dissent*, vol. 56, no. 4: 10–14.
- Opp K.D. and C.Gern. (1993) «Dissident Groups, Personal Networks, and Spontaneous Cooperation: The East German Revolution of 1989» // *American Sociological Review*, vol. 58, no. 5: 659–680.
- Peterson A. and M.Wahlström. (2015) «Repression: the Governance of Domestic Dissent» // Della Porta D. and M.Diani, eds. *The Oxford Handbook of Social Movements*. Oxford: Oxford University Press: 634–652.
- Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2015) «Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes» // *British Journal of Political Science*, vol. 45, no. 1: 29–51.

Springer N., I.Engelmann, and C.Pfaffinger. (2015) «User Comments: Motives and Inhibitors to Write and Read» // *Information, Communication & Society*, vol. 18, no. 7: 798—815.

Steinert-Threlkeld Z.C., D.Mocanu, A.Vespignani, and J.Fowler. (2015) «Online Social Networks and Offline Protest» // *EPJ Data Science*, vol. 4, no. 1: 1—9.

Stroud N.J., E. van Duyn, and C.Peacock. (2016) *News Commenters and News Comment Readers*. URL: <https://mediaengagement.org/wp-content/uploads/2016/03/ENP-News-Commenters-and-Comment-Readers1.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Theocharis Y., W.Lowe, J.W. van Deth, and G.García-Albacete. (2015) «Using Twitter to Mobilize Protest Action: Online Mobilization Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi Movements» // *Information, Communication & Society*, vol. 18, no. 2: 202—220.

Venturini T. (2019) «From Fake to Junk News: The Data Politics of Online Virality» // Bigo D., E.Isin, and E.Ruppert, eds. *Data Politics: Worlds, Subjects, Rights*. London, New York: Routledge: 123—144. URL: <https://research.gold.ac.uk/id/eprint/24517/1/9781315167305.pdf> (accessed on 28.09.2021).

³⁶ This research study was funded by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the project № 20-311-90078 “The Impact of Negative Sanctions against Protesters on the Communication around Protest Movement in Social Media”.

I.B.Philippov
**SYMMETRICAL ANSWER:
 POLICE SUPPRESSION OF PROTESTS
 AS A DRIVER OF POLITICAL
 COMMUNICATION IN SOCIAL MEDIA³⁶**

Ilya B. Philippov — Ph.D. Student, Doctoral School of Political Science, HSE University. Email: ibfilippov@gmail.com.

Abstract. The article presents the results of the empirical study about the impact of the police suppression of street rallies on the political communication in social networks. Based on the messages published in the social network *Vkontakte* during the discussion of a series of protests that took place in Moscow in the summer of 2019 on the eve of the City Duma elections, the author analyzes how police violence affects publishing activity on the Internet and the demand for the published content. The author reveals a positive relationship between the use of force by the police and the

intensity of the discussion of the relevant event. According to his conclusion, the effect can be explained not only by a surge of interest in the protest events of a lesser scale, but also by the ability of motivated users to search and find an additional audience via the commenting mechanism. By communicating about what happened in the comments on neutral messages within the initially non-politicized communities, such users draw new people into the protest communication. In the event of a police crackdown, the number of comments that make up the most “democratic” part of the political communication in the new media, which is available even to users with low media capital, increases dramatically. The effectiveness of these comments is also increasing, in a sense that they are attracting new users into the discussion, which results in spreading the content to the pages, where protest actions are normally not discussed.

Keywords: political protest, repressions, police violence, social networks, political communication

References

Akhremenko A. and A.Petrov. (2020) “Modeling the Protest-Repression Nexus” // *Proceedings of the MACSPro Workshop 2020*. Venice, October 22–24. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/448511769.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Akhremenko A.S. and I.B.Filippov. (2019) “Vlijanie silovogo podavlenija protesta na obsuzhdenie protestnoj aktsii v sotsial'nykh setjakh” [Impact of the Violent Suppression of Protest on Its Discussion in Social Networks] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], vol. 153, no. 5: 200–225. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/316197002.pdf> (accessed on 28.09.2021). (In Russ.)

Arkhipova A.S., D.A.Radchenko, A.S.Titkov, I.V.Kozlova, E.F.Yugai, S.V.Belyanin, and M.V.Gavrilova. (2018) “„Peresborka mitinga“: Internet v proteste i protest v internete” [“Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], vol. 143, no. 1: 12–35. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2018/143/2018_143_02_Arkhipova.pdf (accessed on 28.09.2021). (In Russ.)

Asur S. and B.A.Huberman. (2010) “Predicting the Future with Social Media” // *Proceedings of 2010 IEEE/WIC/ACM International Conference on Web Intelligence and Intelligent Agent Technology*. Toronto, 31 Aug. – 3 Sept.: 492–499. URL: <https://cmps-people.ok.ubc.ca/bowenhui/iui/asur-wic2010.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Azarov A.A., E.V.Brodovskaya, O.V.Dmitrieva, A.Iu.Dombrovskaia, and A.A.Filchenkov. (2014) “Strategii formirovanija ustanovok protestnogo povedenija v seti internet: opyt primenenija kiberneticheskogo analiza (Na primere Evromajdana, nojabr' 2013 g.)” [Strategies Forming Protest

Behavior in the Internet: Cybermetric Analysis (Based on Evromaydan Case Study, November 2013)]. Part II // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], vol. 121, no. 3: 56–74. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014/121/2014_121_5_A.A.Azarov_E.V.Brodovskaja_O.V.Dmitrieva_A.Ju.Dombrovskaja_A.A.Filchenkov.pdf (accessed on 28.09.2021). (In Russ.)

Barberá P., J.T.Jost, J.Nagler, J.A.Tucker, and R.Bonneau. (2015) “Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber?” // *Psychological Science*, vol. 26, no. 10: 1531–1542.

Bennett W.L. and A.Segerberg. (2012) “The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics” // *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5: 739–768.

Brodovskaya E.V. and T.Huang. (2019) “Tsifrovoe pokolenie: grazhdanskaja mobilizatsija i politicheskij protest rossijskoj molodezhi” [Digital Generation: Civil Mobilization and Political Protest among Russian Youth] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], vol. 153, no. 5: 3–18. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/926/708> (accessed on 28.09.2021). (In Russ.)

Christensen H.S. (2011) “Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means?” // *First Monday*, vol. 16, no. 2. URL: <https://firstmonday.org/ojs/index.php/fm/article/view/3336> (accessed on 28.09.2021).

Davenport C. (2007) “State Repression and Political Order” // *Annual Review of Political Science*, vol. 10: 1–23.

Deibert R. (2015) “Authoritarianism Goes Global: Cyberspace under Siege” // *Journal of Democracy*, vol. 26, no. 3: 64–78.

Drury J. and S.Reicher. (2000) “Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities” // *British Journal of Social Psychology*, vol. 39, no. 4: 579–604.

Filippov I.B. (2020) “Kolichestvennye tekstovye kharakteristiki kak faktor uspešnosti prodvizhenija publikatsij v ramkakh protestnoj kommunikatsii v sotsial'nykh setjakh” [Quantitative Indicators of Text Style as a Factor of the Post Promotion in a Social Media Protest Communication] // *Kontury global'nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 13, no. 2: 249–268. (In Russ.)

Gil-Lopez T. and C.Shen. (2021) “„Go, Vote, and Tweet It“: Interactivity in Online Protest-Related Discussions about the 2014 Catalan Referendum for Independence” // *International Journal of Communication*, vol. 15: 3864–3886. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/15700/3538> (accessed on 28.09.2021).

González-Bailón S., J.Borge-Holthoefler, and Y.Moreno. (2013) “Broadcasters and Hidden Influentials in Online Protest Diffusion” // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 7: 943–965.

- Gunitsky S. (2015) “Corrupting the Cyber-Commons: Social Media as a Tool of Autocratic Stability” // *Perspectives on Politics*, vol. 13, no. 1: 42–54.
- Halupka M. (2014) “Clicktivism: A Systematic Heuristic” // *Policy & Internet*, vol. 6, no. 2: 115–132.
- Himmelboim I., K.D.Sweetser, S.F.Tinkham, K.Cameron, M.Danelo, and K.West. (2016) “Valence-based Homophily on Twitter: Network Analysis of Emotions and Political Talk in the 2012 Presidential Election” // *New Media & Society*, vol. 18, no. 7: 1382–1400.
- Honari A. (2018) “From „the Effect of Repression“ toward „the Response to Repression“” // *Current Sociology*, vol. 66, no. 6: 950–973.
- Howard P.N. and M.M.Hussain. (2011) “The Role of Digital Media” // *Journal of Democracy*, vol. 22, no. 3: 35–48.
- Jost J.T., P.Barberá, R.Bonneau, M.Langer, M.Metzger, J.Nagler, J.Stegler, and J.A.Tucker. (2018) “How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks” // *Political Psychology*, vol. 39, no. 11: 85–118.
- Kalogeropoulos A., S.Negredo, I.Picone, and R.K.Nielsen. (2017) “Who Shares and Comments on News? A Cross-national Comparative Analysis of Online and Social Media Participation” // *Social Media + Society*, vol. 3, no. 4: 1–12.
- Kwak N., D.S.Lane, B.E.Weeks, D.H.Kim, S.S.Lee, and S.Bachleda. (2018) “Perceptions of Social Media for Politics: Testing the Slacktivism Hypothesis” // *Human Communication Research*, vol. 44, no. 2: 197–221. URL: http://www.daniel-lane.com/wp-content/uploads/2018/06/Kwak-et-al_2018_Perceptions-of-Social-Media-for-Politics.pdf (accessed on 28.09.2021).
- Larson J.M., J.Nagler, J.Ronen, and J.A.Tucker. (2019) “Social Networks and Protest Participation: Evidence from 130 Million Twitter Users” // *American Journal of Political Science*, vol. 63, no. 3: 690–705.
- McAdam D., S.Tarrow, and C. Tilly. (1996) “To Map Contentious Politics” // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 1, no. 1: 17–34.
- McPherson M., L.Smith-Lovin, and J.M.Cook. (2001) “Birds of a Feather: Homophily in Social Networks” // *Annual Review of Sociology*, vol. 27, no. 1: 415–444.
- Morozov E. (2009) “Iran: Downside to „the Twitter Revolution“” // *Dissent*, vol. 56, no. 4: 10–14.
- Nim E.G. (2016) “„Igrushko mitingue“: v poiskakh teorii mediatizatsii grazhdanskogo protesta” [“I Can Haz Toy Protezt”: in Search of a Theory of Social Movement Mediatization] // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 14, no. 1: 55–70. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3287/2855> (accessed on 28.09.2021). (In Russ.)
- Opp K.D. and C.Gern. (1993) “Dissident Groups, Personal Networks, and Spontaneous Cooperation: The East German Revolution of 1989” // *American Sociological Review*, vol. 58, no. 5: 659–680.
- Peterson A. and M.Wahlström. (2015) “Repression: the Governance of Domestic Dissent” // Della Porta D. and M.Diani, eds. *The Oxford Handbook of Social Movements*. Oxford: Oxford University Press: 634–652.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2015) “Online Social Media and Political Awareness in Authoritarian Regimes” // *British Journal of Political Science*, vol. 45, no. 1: 29—51.

Springer N., I.Engelmann, and C.Pfaffinger. (2015) “User Comments: Motives and Inhibitors to Write and Read” // *Information, Communication & Society*, vol. 18, no. 7: 798—815.

Steinert-Threlkeld Z.C., D.Mocanu, A.Vespignani, and J.Fowler. (2015) “Online Social Networks and Offline Protest” // *EPJ Data Science*, vol. 4, no. 1: 1—9.

Stroud N.J., E. van Duyn, and C.Peacock. (2016) *News Commenters and News Comment Readers*. URL: <https://mediaengagement.org/wp-content/uploads/2016/03/ENP-News-Commenters-and-Comment-Readers1.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Theocharis Y., W.Lowe, J.W. van Deth, and G.García-Albacete. (2015) “Using Twitter to Mobilize Protest Action: Online Mobilization Patterns and Action Repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi Movements” // *Information, Communication & Society*, vol. 18, no. 2: 202—220.

Venturini T. (2019) “From Fake to Junk News: The Data Politics of Online Virality” // Bigo D., E.Isin, and E.Ruppert, eds. *Data Politics: Worlds, Subjects, Rights*. London, New York: Routledge: 123—144. URL: <https://research.gold.ac.uk/id/eprint/24517/1/9781315167305.pdf> (accessed on 28.09.2021).

Фэй Хайтин
**НЕРАВНОМЕРНОЕ
РЕФОРМИРОВАНИЕ
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ОПЫТА КИТАЯ И РОССИИ**

Фэй Хайтин — кандидат исторических наук, доцент Исследовательского центра китайской политики Пекинского университета (КНР). Для связи с автором: feihaiting@outlook.com.

Аннотация. Трансформация политической системы — всегда не легкая задача. Реформы, запустившие этот процесс, легко могут попасть в «ловушку балансирования», когда значительная часть политического капитала направляется на обеспечение баланса интересов различных социальных групп, что неминуемо приводит к свертыванию реформ и, как следствие, застою. Статья посвящена сравнительному анализу подходов Китая и России к решению этой проблемы.

Суть китайского подхода, для обозначения которого обычно используется термин «политика экспериментов», заключается в том, что сначала реформы проводятся в отдельном регионе, а затем, в случае успеха, постепенно распространяются на всю страну. Однако ключ к успеху Китая кроется не только в экспериментах, но и в разнообразии стратегий реформ, выбор которых определяется конкретными условиями, сложившимися в том или ином регионе. Эта модель, известная как «неравномерное реформирование» и нацеленная на поиск зон наименьшего сопротивления, дабы не допустить объединения усилий противников преобразований и прямой конфронтации между государством и обществом, применяется и в России. Вместе с тем ее российская версия заметно отличается от китайской.

По заключению автора, различия между китайской и российской моделями реформ уходят корнями в политическую сферу и связаны со спецификой избирательной и партийной систем этих стран, а главное — с характером отношений в системе «центр—регионы». Если в Китае при проведении реформ делается упор на инициативу снизу, то Россия отдает предпочтение политическим инструментам, находящимся под прямым контролем федеральных структур.

Ключевые слова: Китай, Россия, реформы, ловушка балансирования, политика экспериментов, неравномерное реформирование

**Политика реформ
как потенциальное
направление
политической
науки**

Реформы как предмет исследования. Существует немало терминов, описывающих политические изменения, — например, «трансформация», «перемены» и др. Они так или иначе указывают на коренные или как минимум значительные изменения в политической системе. Однако возникают определенные трудности, когда нам необходимо охарактеризовать комплекс политических решений, которые, будучи направлены на преобразование политической жизни страны, не предполагают изменения существующего режима. К их числу можно отнести такие варианты государственной политики, как «электронное правительство» (E-government), «ответственное правительство», «эффективное правительство», «открытое правительство» и т.д. Несмотря на то что цель подобных решений сводится к повышению качества государственного управления, они могут способствовать политическому развитию.

Возможно, термин «развитие» здесь как раз более уместен, нежели «трансформация». Вместе с тем и у него есть недостатки. Во-первых, слово «развитие» уже имеет определенное смысловое наполнение, связывающее его с модернизацией, а также с политическими и социально-экономическими моделями государств Европы и Северной Америки. Однако социально-политические процессы в Китае и России отличаются от тех, что протекают в западных странах, хоть и обладают рядом схожих черт. Во-вторых, понятие «развитие» не всегда подразумевает сознательное совершенствование политической системы со стороны государства и ориентацию последнего на поиск в политическом процессе.

Важно также отметить, что даже при единстве целей отдельных элит, регионов и правительств пути их достижения могут различаться. Как нам отразить такие различия? Например, если мы относим курс на создание пилотных зон и преобразование государственных предприятий исключительно к вопросам экономического развития, то существенно недооцениваем его политические последствия. Именно поэтому китайские ученые предпочитают термин «инновация», который отражает как процесс поиска, так и перемены, а также преемственность на основе политических традиций страны. Однако он может показаться в определенной степени идеологизированным и выступать в качестве своеобразного лозунга.

В связи с этим в настоящей статье мы решили использовать понятие «реформы», которое имеет более широкий характер. При этом в его трактовке мы будем отталкиваться от определения «инноваций», предложенного профессором Ли Цзинпэном, в соответствии с которым «пространство для инноваций в политической системе — это разрыв между действующей структурой, деятельностью государственного аппарата и желаемым состоянием. Любые усилия по ликвидации этого разрыва являются инновацией»¹. Подобно «желаемому состоянию», цели реформ могут быть разнородными и разнообразными, но именно в таком разнообразии и кроются возможности, а также альтернативные пути политического прогресса.

¹ Ли Цзинпэн
2007: 1.

Почему реформы становятся проблемой? На сегодняшний день существует множество исследований, показывающих, что любые реформы, комплексные или точечные, политические или экономические, оказываются вызовом для политической системы. Одной из теоретических моделей, описывающих процесс реформ, является J-кривая Адама Пшеворского. Согласно этой модели, прежде чем подняться на «высоты реформированной системы» (higher hills of the reformed system), реформы должны пройти через «долину транзита» (valley of transition), или «долину слез» (valley of tears)². Проблема в том, что сопротивление реформам зачастую исходит не только от консерваторов и групп, интересы которых были ущемлены в ходе реформ, но и от тех, кто воспользовался ими на ранних этапах. Как справедливо отмечает Джоэл Хеллман, после «долины слез» системе далеко не всегда удается достичь желаемых высот. Напротив, в результате многих экономических реформ складываются ситуации, известные как «победитель получает все» (winner takes all) и «баланс частичных реформ» (partial reform equilibrium)³. Суть их заключается в том, что основные бенефициары ранних этапов реформ начинают препятствовать реформаторскому процессу, а порой и вовсе останавливают его, чтобы сохранить полученные ресурсы и привилегии. Создавая для себя сравнительные преимущества, они вынуждают общество платить высокую цену за проведение реформ, провоцируя дальнейший застой.

² Przeworski 1991.

³ Hellman 1998.

⁴ Melville and Mironyuk 2016. Второй концепт представляет собой сознательную аллюзию на образ «good enough governance», предложенный Мерили Гриндл (Grindle 2004, 2007).

Анализируя опыт постсоветских стран (за вычетом Латвии, Литвы и Эстонии), Андрей Мельвиль и Михаил Миронюк использовали для его описания концепты «царь горы» (king of the mountain) и «неудовлетворительное („плоховатое“, „так себе“) управление» (bad enough governance)⁴. Группы, завладевшие в ходе реформ контролем над значительными ресурсами и благами, превращаются в «царя горы», создавая единую политико-экономическую монополию, основанную на извлечении политической и экономической ренты. Делать это вполне возможно и в относительно закрытой и неэффективной системе, более того, такая система даже больше подходит для решения данной задачи. И поскольку дальнейшее развитие институтов и повышение качества управления затрудняет получение ренты, эти группы оказываются заинтересованы в том, чтобы затормозить этот процесс, оставив качество управления и институтов на неудовлетворительном уровне.

Но дело не только в разнообразии источников сопротивления, но и в его многоуровневости. Здесь важно учитывать, что управление государством должно опираться на многоуровневую структуру, которая и делает политику чрезвычайно сложной и насыщенной в смысловом отношении.

В горизонтальном плане сопротивление реформам усиливают различия между регионами с точки зрения природных ресурсов, демографии, исторических традиций и политических условий, вследствие чего в результате реформ одни выигрывают, а другие проигрывают. В плане

вертикальном существенное значение имеют отношения между региональными властями и центром, инициировавшим преобразования. В странах с сильными регионами и относительно слабым центром региональные власти могут блокировать реформы или как минимум препятствовать их проведению, стремясь добиться увеличения своего административного ресурса. В странах с сильным центром и относительно слабыми регионами возможностей для проведения реформ больше, поскольку региональные власти там вынуждены демонстрировать лояльность центру, дабы расширить поддержку с его стороны. Не следует также забывать, что бенефициары и пострадавшие от реформ на ранних этапах их проведения будут присутствовать не только на общегосударственном или федеральном, но и на региональном и местном уровнях. Это означает, что на разных этапах одни и те же реформы будут встречать поддержку разных акторов и регионов. Мало того, в процессе реформирования группы интересов могут менять свое место в сложившейся структуре. В частности, в случае России некоторые группы интересов, теряющие преимущества в общенациональной конкуренции, постепенно перемещаются в регионы⁵.

⁵ См. Гаман-Голутвина 2004.

Вопрос о том, какой из уровней сопротивления реформам играет решающую роль, остается открытым. Так, Хеллман делает акцент на сопротивлении реформам на горизонтальном уровне⁶. В свою очередь Оксана Гаман-Голутвина полагает, что оно чаще всего имеет вертикальную природу⁷. Согласно же мнению Мельвиля и Миронюка, сопротивление реформам исходит от коалиций групп интересов, которые коллективно оказывают давление на потенциальных реформаторов⁸.

⁶ Hellman 1998.

⁷ См. Гаман-Голутвина 2004.

⁸ Melville and Mironyuk 2016.

Пространство для реформ. Экономический и/или политический капитал, приобретенный в ходе раннего этапа реформ его бенефициарами, открывает перед ними больше возможностей для продвижения своих интересов по сравнению с другими акторами, причем на всех этажах власти. В результате политика реформ часто попадает в «ловушку балансирования». В условиях противостояния интересов влиятельных социальных групп существенная часть политического капитала и внимания государства переключается на поддержание баланса между ними.

Ключевой проблемой в данном случае является пространство для реформ. Отношения регионов с центральными властями зависят от целого ряда факторов, таких как политический статус, экономический потенциал, исторические традиции и др. Несколько упрощая, эти отношения можно свести к двум типам: «принципал-агент» и «торг» (bargaining). В первом случае слабые регионы конкурируют за поддержку со стороны центра и предоставляемые им ресурсы; во втором сильные регионы могут формировать коалиции и совместно бойкотировать реформы, инициированные слабым центром⁹. С точки зрения пространства для реформ первый вариант выглядит предпочтительнее, поскольку при наличии сильной и централизованной власти регио-

⁹ Sharafutdinova and Turovsky 2017.

¹⁰ Treisman 2007.

ны вынуждены развиваться по отдельности и региональные элиты не могут объединиться для давления на центр¹⁰. Но, облегчая проведение реформ, такое положение дел может мешать развитию регионов. При децентрализованной структуре возможностей для развития регионов, которые могут выстраивать между собой как кооперативные, так и конкурентные отношения с целью получения разнообразных ресурсов вне контроля центра, больше, но выше и способность регионов тормозить и даже блокировать реформы.

Однако пространство для реформ определяется не только существующей моделью отношений между центром и регионами; оно во многом складывается в их постоянном взаимодействии. Таким образом, многоуровневая структура власти оказывает инструментальное влияние на процесс реформ. Не порождая прямого сопротивления, она требует разработки более сложных и прицельных механизмов реформирования, а также четкой идентификации его объектов, исходя из сложившихся условий.

Политика экспериментов: опыт Китая и возможность его применения в России. Рассмотрим в качестве примера случаи Китая и России.

¹¹ Ясин и др. 2013: 33.

В 2012 г. Евгений Ясин, Наталья Акиндинова, Лев Яковсон и Андрей Яковлев обозначили три возможных варианта будущего развития РФ: модернизация сверху, решительный рывок и постепенное развитие¹¹. По их оценке, до сих пор Россия развивалась преимущественно по первому сценарию, но по большей части без особых успехов. Второй вариант тоже потерпел неудачу. Соответственно, с учетом социально-экономического положения страны ей, по-видимому, лучше всего подходит третий вариант, что, в свою очередь, делает актуальным обращение к опыту Китая.

¹² Maskin, Qian, and Xu 2000.

Весьма плодотворным в этом плане является сравнение советской и китайской моделей управления экономикой, представленное в работе известного экономиста Эрика Маскина и его соавторов¹². Согласно Маскину, советская экономика была похожа по своей структуре на корпорацию Ford, организованную по «унитарной» схеме с делением на специализированные подразделения, каждое из которых выполняло собственные задачи. Напротив, китайская плановая экономика скорее напоминала модель, впервые примененную General Motors, где внутрикорпоративная система управления опиралась на подразделения в виде самостоятельных компаний, нацеленных на производство различных марок автомобилей. Подобная мультидивизионная структура, или так называемая М-форма, позволяла сравнивать результаты деятельности средних звеньев управления и обеспечивала более эффективные стимулы для менеджеров внутри фирмы¹³. Зафиксированная Маскином с коллегами структура управления была характерна для Китая со времен революции. В определенной степени она объясняет и ныне действующую стратегию реформ в стране.

¹³ Ясин и др. 2013: 43.

¹⁴ Хань Ботьян и Ши Лэй 2008: 34.

¹⁵ Ю Кепин 2003: 31.

Типы, последовательность и механизмы реформ

Обобщенно эту стратегию принято называть «политикой экспериментов» (policy experimentation), «поэтапным копированием» (staged replication)¹⁴ или, используя терминологию китайских исследователей, «инновациями местного самоуправления» и «инновационным правительством»¹⁵. Суть ее заключается в том, что сначала реформы проводятся в отдельном регионе, а затем, в случае успеха, постепенно распространяются на всю страну. Но подходит ли данная стратегия для России? Можно ли сказать, что политика экспериментов и поэтапное копирование — главные составляющие китайского опыта?

Сущность политики экспериментов. Механизм реформирования в Китае отличается тем, что, охватывая широкие категории реформ, он вместе с тем способен преобразовывать небольшие экспериментальные проекты в национальную политику. Ключ к успеху Китая заключается в сочетании местных инициатив с поддержкой со стороны центра. Государственная политика в КНР — это не просто набор директивных указаний центра местным властям, а результат многоуровневого взаимодействия. В рамках этой модели местные органы власти проводят эксперименты, а центральное правительство сосредотачивается на отборе успешных образцов, которые можно распространить на другие территории.

Опираясь на концепцию политики экспериментов, Себастьян Гейльман выделяет восемь этапов реформаторского процесса в Китае: местные эксперименты — отбор успешных кейсов — дискуссия — первые проекты реформ — распространение успешного опыта — законодательное оформление — осуществление политики на всей территории — обратная связь¹⁶. Но, давая полный перечень мероприятий на различных стадиях эксперимента, эта модель не отражает той роли, которую играют в данном процессе центральные и местные власти.

¹⁶ Хань Ботьян и Ши Лэй 2008: 37. (Хань Ботьян — китайский эквивалент имени Sebastian Heilmann, использованный в этой публикации. — Ред.)

Следует отметить, что, наряду с экспериментальными решениями, предлагаемыми местными властями, важнейшими составляющими политики экспериментов являются отбор и подтверждение образцов центральными властями. Реформы в Китае не всегда проходят через все обозначенные Гейльманом этапы, но могут начаться и закончиться на любом из них. Пространство для маневра здесь в значительной степени зависит от центральных, а не от местных властей. Ключевым фактором, влияющим на инновационную деятельность местных правительств, выступает отношение к реформам со стороны центра, которое может принимать форму поддержки, согласия (в том числе молчаливого), возражения или отказа.

Китайские исследователи уже достаточно далеко продвинулись в изучении политики экспериментов и поэтапного копирования. Так, Ли Цзинпэн зафиксировал пять стимулов, подталкивающих местные власти к созданию инноваций: чувство социальной ответственности, стремление к достижению политических целей, давление со стороны

¹⁷ Ли Цзинпэн
2007: 2.

¹⁸ Ян Сюэдун 2008:
19; 2011: 87.

¹⁹ Чэнь Сюэлянь
2010: 118.

вышестоящих властных структур, содействие академического сообщества и СМИ, давление со стороны граждан¹⁷. Ян Сюэдун подразделил инновационную деятельность на четыре категории в зависимости от целеполагания (активное реагирование на кризис, пассивное реагирование на кризис, активное стремление к развитию, пассивное стремление к развитию) и идентифицировал такие ее типы, как адаптация, прикладное применение и обучение¹⁸. В свою очередь Чэнь Сюэлянь выявил восемь моделей производства инноваций: 1) реакция на те или иные проблемы/вызовы; 2) превосходящая инициатива; 3) ответ на необходимость; 4) вынужденные действия; 5) предварительные мероприятия; 6) мероприятия, ориентированные на долгосрочную перспективу; 7) импорт; 8) конверсия¹⁹.

Неравномерное реформирование и типы реформ. Тщательный анализ китайского опыта показывает, что ключевым элементом действующей в стране стратегии реформ является совсем не эксперимент. Гораздо важнее условия для рождения инновационных идей, их последующий отбор и наличие альтернативных вариантов реформ. В ходе преобразований китайские политики осознали, что, хотя трансформации происходят прежде всего в политической сфере, реформаторы неизбежно сталкиваются с множеством социально-экономических проблем. Попытка справиться со всеми этими проблемами сразу сопряжена с большими социальными издержками. Однако вовсе не обязательно решать все задачи одновременно. Главное в процессе реформ — последовательность.

Вместо того чтобы связывать механизм реформ в Китае исключительно с политикой экспериментов сверху или снизу, следует обратить внимание на его горизонтальное измерение. В этом случае мы можем наблюдать процесс неравномерного реформирования, который подразумевает, что стратегия реформ должна варьировать от региона к региону, чтобы в максимальной степени соответствовать местным условиям, тем самым уменьшая сопротивление со стороны региональных властей и групп интересов. Иначе говоря, любые реформы предполагают наличие множества вариантов и планов, которые разрабатываются на всех уровнях управления. Данный механизм требует четкого государственного регулирования, поэтому центр в свою очередь рассматривает и сравнивает проекты реформ, имея при этом возможность и сам заниматься реформаторской деятельностью. В итоге центральные власти могут проводить сравнительный анализ поступающих проектов, обеспечивая их дальнейшую интеграцию и совершенствование, а также выявлять причины успеха тех или иных экспериментов и инноваций на местах.

²⁰ Ю Кепин 2003,
2005.

Необходимо учитывать, что глубина реформирования во многом зависит от типа реформ. Опыт Китая дает богатый материал для изучения этой проблематики. Основываясь на классических работах Ю Кепина²⁰, можно выделить три основных типа реформ: политиче-

ские реформы, административные реформы и реформы общественного управления.

Политические реформы касаются таких областей, как демократические выборы, политическое участие, прозрачность и открытость государственного управления, кадровая политика, контроль над властями, функционирование законодательной и судебной систем, а также процесс принятия решений. Административные реформы затрагивают институциональное строительство, административную ответственность, административные расходы, административный контроль, административные процедуры, управление служебной деятельностью, административные стимулы и гражданскую службу. Реформы общественного управления включают в себя общественные блага, социальные льготы, общественную безопасность, образование, здравоохранение, охрану окружающей среды, вопросы бедности и неравенства²¹.

²¹ Ю Кепин 2005: 138.

При анализе глубины реформирования целесообразно воспользоваться классификацией Гейльмана, выделившего четыре типа объектов реформаторской политики: 1) замкнутые подсистемы (к их числу относятся, например, государственные предприятия), 2) ограниченные подсистемы (например, частные предприятия), 3) открытые подсистемы (например, предприятия с иностранным капиталом) 4) несогласованные подсистемы (например, фондовый рынок)²². Этот подход применим не только к Китаю, но и к России (см. табл. 1).

²² Хань Ботян и Ши Лэй 2008: 40—44.

Последовательность реформ и типы реформаторских стратегий в Китае и России. Последовательность в проведении реформ прежде всего связана с выбором отправной точки, которая может располагаться в политической, экономической или социальной сфере²³. Первоначальные приоритеты реформаторов часто находят отражение в различных типах реформ. Так, если экономическая реформа уже затронула некую замкнутую подсистему (например, зону свободной торговли), а политические и социальные реформы все еще не вышли за уровень открытых подсистем (скажем, образования и создания инфраструктуры), можно утверждать, что реформаторы выбрали в качестве приоритета экономические реформы, рассматривая политические и социальные преобразования как дополнительные задачи. В целом можно выделить шесть возможных стратегий реформ: 1) политико-экономико-социальную (ПЭС), 2) политико-социально-экономическую (ПСЭ), 3) экономико-политико-социальную (ЭПС), 4) экономико-социально-политическую (ЭСП), 5) социально-политико-экономическую (СПЭ) и 6) социально-экономико-политическую (СЭП).

²³ Отметим, что вопрос о практической эффективности реформ выходит за рамки настоящей статьи.

В зависимости от того, в какой сфере начинаются реформы, эти шесть стратегий в свою очередь распадаются на три группы:

- 1) ***ПЭС и ПСЭ.*** Упор на политических изменениях характерен для развитых регионов и регионов с бурным ростом экономики, где такого рода изменения позволяют сбалансировать интересы разных социальных групп, стимулировать социальную активность

Таблица 1 Типы и направления реформ в Китае и России

<i>Политические реформы</i>	<i>Экономические реформы</i>	<i>Реформы общественной управления</i>
<p><i>Замкнутые подсистемы</i></p> <p>демократические выборы (КНР); кадровая политика; законодательная реформа; судебная реформа; процесс принятия решений</p>	<p>особые экономические зоны; пилотные зоны; зоны свободной торговли</p>	<p>общественная безопасность; общественный порядок</p>
<p><i>Ограниченные подсистемы</i></p> <p>демократические выборы (РФ); контроль над властью; институциональное строительство; административная ответственность; административные расходы; административный контроль; административные процедуры</p>	<p>реформа государственных предприятий; реорганизация экономической структуры</p>	<p>развитие неправительственных организаций; гражданский контроль; участие гражданского общества</p>
<p><i>Открытые подсистемы</i></p> <p>общественные блага; социальные льготы; общественное образование; здравоохранение; охрана окружающей среды</p>	<p>инвестиции в малые и средние предприятия; привлечение инвестиций; финансирование крупных проектов</p>	<p>создание инфраструктуры; снижение уровня бедности; строительство медицинских учреждений, жилья, общественных зданий, объектов связи и энергообеспечения</p>
<p><i>Несогласованные подсистемы</i></p> <p>прозрачность; электронное правительство; управление служебной деятельностью; административные стимулы; гражданская служба</p>	<p>сочетание производственных и научных исследований; новые отрасли экономики; цифровая экономика; электронная торговля; инновационный комплекс; региональная экономическая интеграция; модернизационный порт</p>	<p>электронная медицина; полицес ОМС; онлайн-образование; распространение интернета; автоматизированное управление; цифровое телевидение</p>

и в конечном итоге создать благоприятные условия для дальнейшего экономического развития;

- 2) *ЭПС и ЭСП*. Экономические реформы приоритетны в регионах с низким уровнем благосостояния, где необходимо запустить экономический рост, чтобы предотвратить обострение социальных проблем, которые препятствуют любым попыткам реформирования политической системы;
- 3) *СПЭ и СЭП*. Социальные реформы требуются в регионах, сталкивающихся с серьезными препятствиями на пути дальнейшего экономического развития. В этом случае главными проблемами являются бедность, неравенство, задержавшаяся модернизация, разрушение окружающей среды и отсутствие стабильного социального порядка.

При анализе стратегии китайских реформ мы опирались на выступления генерального секретаря ЦК КПК в ходе его рабочих визитов в провинции Китая, на заседаниях Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) и специальных заседаниях правительства. Выбор этих материалов в качестве основы для исследования объяснялся следующими соображениями. (1) Цели рабочих визитов генерального секретаря ЦК КПК в провинции страны определяются совместно центральными и региональными властями, причем за формирование маршрута отвечают именно последние, что позволяет зафиксировать их приоритеты. (2) На заседаниях ВСНП региональные делегации затрагивают прежде всего положение дел в своих провинциях, а генеральный секретарь ЦК КПК подводит итоги и формулирует выводы. В своем заключительном выступлении он дает своего рода обзор приоритетов регионального управления и при необходимости вносит в них коррективы. (3) На специальных заседаниях правительства происходит обсуждение проектов реформ и местных экспериментов, а их решения отражают сложившийся консенсус между центральными и региональными властями.

При изучении стратегии реформ в России тоже необходимо использовать материалы, где находят отражение позиции как центральных, так и региональных властей. Однако здесь важно учитывать специфику России. В отличие от Китая, визиты президента РФ в регионы не всегда заканчиваются публичными выступлениями с детальным обсуждением итогов инспектирования. В связи с этим целесообразно сделать упор на материалы рабочих встреч президента с главами субъектов Федерации. Во-первых, в такой крупной стране, как Россия, внимание и время президента сами по себе являются политическим капиталом. Частота встреч президента с руководителями тех или иных регионов — надежный индикатор интереса центра к региональной политике. Во-вторых, в рамках ограниченной по времени рабочей встречи главы субъектов Федерации не могут дать полную картину положения дел в регионе, а потому фокусируются на наиболее значимых (и выигрышных) для себя аспектах региональной жизни. В-третьих, доклады реги-

ональных руководителей сигнализируют о потребности в проведении реформ в определенных регионах и намерении государства их осуществить.

Неравномерное реформирование: выбор стратегий в Китае и России

Несколько упрощая, китайские провинции можно разделить на четыре категории: 1) регионы с особым политическим значением, 2) регионы с открытой и развитой экономикой, 3) регионы с сильной традиционной промышленностью 4) регионы с относительно слабой экономикой. Сходное деление просматривается и в современной России. Однако стратегии реформ в соответствующих группах регионов двух стран далеко не всегда совпадают (см. *табл. 2*). Рассмотрим эти стратегии подробнее.

Таблица 2 Примеры выбора стратегии реформ в регионах Китая и России

<i>Тип регионов</i>	<i>КНР</i>	<i>РФ</i>
Регионы с особым политическим значением	Пекин (ПЭС) Тибет и Синьцзян (ПСЭ)	Москва и Севастополь (СПЭ) Санкт-Петербург (СЭП)
Регионы с открытой и развитой экономикой	Шанхай и Хайнань (ЭПС) Цзянсу (ЭСП)	Новгородская и Калининградская области (ЭПС) Нижегородская область (ЭСП)
Регионы с сильной традиционной промышленностью	Хэйлунцзян (ЭПС) Аньхой (ЭСП)	Свердловская и Ростовская области (ЭСП)
Регионы с относительно слабой экономикой	Гуйчжоу (СЭП) Нинся (СПЭ)	Дальневосточные субъекты Федерации (ПЭС)

Регионы с особым политическим значением. К регионам этого типа в Китае относятся столичный регион и районы проживания национальных меньшинств. Политические функции в них имеют особое значение, и экономическое развитие и социальная жизнь служат достижению определенных политических целей. Только политические реформы могут обеспечить там дальнейший рост экономики и улучшение социальных условий. Наиболее важной задачей для реформаторов в данном случае является достижение баланса между интересами различных ведомств, институтов, организаций и элитных групп, а затем постепенное продвижение реформ на основе сложившегося общественного консенсуса.

Наиболее показательна в этом отношении стратегия реформ ПЭС, используемая в Пекине. Ведь Пекин — это не только столица Китая, но и мегаполис, где сосредоточено огромное количество населения и промышленных предприятий. В связи с этим региональная стратегия реформ предполагает четкое разделение двух функций Пекина — как столицы в политическом плане и мегаполиса в плане географическом²⁴. Суть ее заключается в том, чтобы отстроить субцентр и оттуда регулировать отраслевую структуру города. Важно отметить, что эта стратегия, которой безоговорочно должны придерживаться городские власти, была разработана центральным правительством.

²⁴ Си Цзиньпин 2014а.

По сходному пути движутся Тибет и Синьцзян, избравшие стратегию ПЭС. Главная задача реформ в этих приграничных регионах — создание стабильного правового пространства, а также установление верховенства права²⁵. После достижения этой цели региональные власти смогут перейти к таким вопросам, как борьба с нищетой, благосостояние граждан, экология, культура, общественные блага и т.д. В данных регионах целью экономического развития является не прибыль или создание инноваций, а политический и социальный порядок.

²⁵ Си Цзиньпин 2020а, 2020б.

В России тоже есть регионы, имеющие особое политическое значение, например Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Однако, в отличие от своих китайских коллег, главы этих регионов отдают предпочтение стратегии СПЭ или СЭП, поскольку испытывают давление со стороны гражданского общества, особенно на выборах. Вследствие сильного социального расслоения, а иногда и сложного экономического положения такие регионы сталкиваются с наиболее мощным сопротивлением бенефициаров ранних этапов реформ. В этих условиях проведение политических реформ выглядит дорогостоящим и вместе с тем малоэффективным выбором. Прежде чем приступать к решению этой задачи, необходимо обеспечить социальную стабильность, завоевать поддержку всех слоев общества, свести к минимуму конфликты интересов разных социальных групп. Только после этого можно постепенно проводить реформы, в том числе путем подбора нового корпуса руководителей, а также точечной коррекции политических процессов и институтов.

Регионы с открытой и развитой экономикой. Власти регионов, движущей силой реформ в которых является экономика, обычно выбирают стратегию ЭПС. Особенность этих регионов заключается в том, что при достигнутом ими уровне экономического развития существующая система управления не способна обеспечить решение актуальных экономических задач, в связи с чем возникает потребность в определенных политических и/или социальных реформах. Поскольку в экономическом развитии заинтересованы все слои общества, бенефициары ранних этапов реформ в таких регионах будут в меньшей степени препятствовать дальнейшим преобразованиям, и при их проведении региональные власти могут опереться на сложившийся социальный

консенсус. В случае Китая к данной категории относятся прежде всего особые экономические зоны и пилотные зоны реформ, расположенные на юго-востоке и в прибрежных районах страны.

Классическими примерами регионов данного типа являются Шанхай и Хайнань. В Шанхае создана зона свободной торговли, открытая для всего мира. Это требует не только значительного уровня демократии, но и более совершенного правового пространства. Необходимо также адаптация правящих групп к саморегулированию экономических агентов. Именно поэтому шанхайские власти не только проводят судебную реформу, но и предпринимают усилия для совершенствования институтов регионального Собрания народных представителей в целях развития демократических форм управления. Кроме того, центр предписывает им обеспечить условия для подготовки специалистов в области городского управления, а также проводить мероприятия по регулированию отношений между политической элитой и бизнесом²⁶.

²⁶ Си Цзиньпин 2015b, 2019.

Несколько иная ситуация сложилась в провинции Цзянсу, что нашло отражение в выборе ею стратегии ЭСП. Несмотря на наличие крепкой экономической базы, дальнейшее развитие региона сдерживает дисбаланс между промышленными и сельскохозяйственными отраслями, а также городскими и сельскими территориями. В этих условиях центральные власти делают ставку на продвинутые районы, которым отводится ведущая роль, и ставят во главу угла сбалансированное региональное развитие, с тем чтобы индустриализация, информатизация, урбанизация и модернизация сельского хозяйства стали первыми шагами на пути к фундаментальной модернизации и построению среднезажиточного общества²⁷.

²⁷ Си Цзиньпин 2014b.

Регионы, где сосредоточены особые экономические зоны, имеются и в России, и некоторые из них (например, Новгородская, Калининградская и Нижегородская области) добились заметных успехов. Главы этих регионов также отдают предпочтение стратегиям ЭПС и ЭСП. Как и в случае Китая, экономические реформы здесь становятся движущей силой политических реформ. Как правило, в подобных регионах создается один или несколько «полигонов» для реализации экспериментальных проектов, и накопленный в ходе их осуществления опыт постепенно распространяется на другие субъекты РФ.

Важно отметить, что при проведении реформ в регионах данного типа часто удается избежать ситуаций, описываемых концепциями «баланса частичных реформ» и «царя горы». То обстоятельство, что коренные преобразования там начинаются с небольших пилотных зон под полным контролем региональных властей, позволяет минимизировать сопротивление реформам — сперва в этих зонах, а впоследствии и во всем регионе.

Регионы с сильной традиционной промышленностью. Китайские регионы этой группы тоже делают акцент на экономических

реформах, однако региональные власти там сфокусированы на социальных последствиях экономического развития, что побуждает их склоняться скорее к стратегии ЭСП, нежели к ЭПС. Важная особенность таких регионов заключается в том, что, несмотря на относительно высокие экономические показатели, их потенциал в этой сфере далеко не исчерпан и действующие там системы управления пока не препятствуют продвижению по этому пути. В данном случае барьерами для реформ выступают объективные обстоятельства. Это требует от региональных органов власти усилий по активизации экономического роста путем увеличения числа высокопроизводительных рабочих мест и расширения местного рынка.

В рамках указанной группы четко просматриваются два типа регионов: 1) провинции, где сосредоточены переставшие отвечать современным требованиям предприятия традиционных отраслей, нуждающиеся в срочной модернизации; 2) крупные сельскохозяйственные территории.

К первому типу относятся северо-восточные провинции — ядро старой промышленной базы Китая. В настоящее время эти регионы столкнулись с необходимостью структурной перестройки промышленности, что ставит на повестку дня реорганизацию отсталых государственных предприятий и привлечение частных инвестиций. Однако в ходе этого процесса возникает пространство для формирования коррупционных связей. В этих условиях региональные власти должны уделять особое внимание укреплению верховенства права и повышению качества управления путем сокращения правительственных учреждений, упрощения бюрократических процедур и передачи на места хозяйственных вопросов²⁸.

²⁸ Си Цзиньпин 2016с.

Примером регионов второго типа может служить провинция Аньхой, которая взяла курс на развитие новых высокотехнологичных отраслей. Однако, поскольку Аньхой изначально является сельскохозяйственным регионом, главная задача реформ здесь заключается в последовательной урбанизации и модернизации сельских территорий²⁹, увеличении численности городского населения и промышленных рабочих с высоким уровнем образования. Реформы в регионе нацелены главным образом на совершенствование общественного управления, а также интеграцию сельских и городских районов.

²⁹ Си Цзиньпин 2016а.

В России в регионах с сильной традиционной промышленностью (например, в Свердловской области) предпочтение обычно отдается стратегии ЭСП. Аналогичным образом обстоит дело в регионах с развитым сельским хозяйством (Ростовская область). Этот выбор объясняется как экономическими, так и политическими соображениями. С одной стороны, крупные государственные предприятия в таких регионах зачастую относятся к числу опорных для страны в целом (оборона, металлургия, энергетика, машиностроение), и для их реформирования требуется решение не региональных, а центральных властей. С другой стороны, эти предприятия влияют на жизнь большого числа

местных жителей, и, если не наладить хорошие отношения с их руководством, это непосредственно отразится на социальной стабильности в регионе.

Кроме того, в отличие от Китая, в России регионы данного типа уже в значительной степени урбанизированы, и главной задачей их руководства является регулирование предпринимательской деятельности и управление городами, а не интеграция городских и сельских районов. Следует отметить, что в этом случае сопротивление реформам может исходить от предпринимателей в союзе с частью городской бюрократии.

Регионы с относительно слабой экономикой. Власти китайских провинций этого типа уделяют основное внимание социальной сфере, что предопределяет их выбор в пользу стратегий СЭП и СПЭ. В этих провинциях есть немало территорий, еще только осуществляющих переход от традиционного к современному обществу. Нищета — следствие не только низкого уровня доходов, но и банального отсутствия у значительной части населения образования и навыков, которых сегодня требует производство, что делает нереалистичным решение данной проблемы за счет развития крупных предприятий и новых высокотехнологичных отраслей. Понятно также, что в подобных условиях едва ли возможна и развитая система управления современно-го образца.

В густонаселенных юго-западных провинциях, в частности в Гуйчжоу, власти фокусируются на борьбе с нищетой, улучшении условий жизни населения, а также гармоничном развитии городских и сельских районов³⁰. Только в случае победы над нищетой возможно движение к формированию современной экономической системы путем урбанизации и создания образовательной инфраструктуры. Но успех в борьбе с нищетой зависит прежде всего от усилий, предпринимаемых на низовом уровне, особенно когда речь идет о регионах с небольшим и рассредоточенным населением. Проводниками политики региональных властей в таких регионах становятся низовые отделения КПК. Однако при всех обстоятельствах главной целью политических реформ в этой группе регионов является укрепление местного самоуправления³¹, развитие управленческих структур на уровне деревень, общин, городских кварталов, а также малых и средних предприятий.

В российских регионах рассматриваемой группы местному самоуправлению уделяется гораздо меньше внимания. Ключевые решения принимаются здесь на региональном или даже на федеральном уровне (учреждение специального министерства, федеральные ассигнования и программы, перераспределение налогов и т.д.).

В случае регионов с относительно слабой экономикой особенно наглядно проявляются общие различия между китайской и российской стратегиями реформ. Если в Китае власти опираются на партийные организации и низовую инициативу, то в России делается ставка на уч-

³⁰ Си Цзиньпин 2015а.

³¹ Си Цзиньпин 2016в.

реждения, проекты, капиталы и элитные группы, находящиеся под прямым контролем федерального центра, который пытается стимулировать экономическое развитие с помощью политических инструментов. Типичным примером подобного подхода является стратегия развития дальневосточных субъектов РФ.

Заключение

Примечательно, что ни в одной из концепций сопротивление реформам не связывается с какими-то конкретными лицами или группами интересов. На разных этапах реформы давление на реформаторов может оказывать любая социальная группа, стремящаяся приобрести или сохранить ресурсы и привилегии. В итоге реформы легко могут попасть в «ловушку балансирования», когда значительная часть политического капитала направляется на обеспечение баланса интересов различных социальных групп, что неминуемо приводит к свертыванию реформ и, как следствие, застою. Таким образом, важнейшим фактором успеха реформ является не степень их радикальности на начальном этапе, а устойчивость и способность преодолевать возникающие препятствия. Огромное значение в этом плане имеет так называемое пространство для реформ, которое определяется характером отношений между центром и регионами, а также используемыми государством механизмами взаимодействия между центральными, региональными и местными органами власти. Применительно к Китаю такими механизмами выступают политика экспериментов и поэтапное копирование.

При всей уникальности китайского опыта присутствие сходных элементов в моделях реформ в Китае и России позволяет говорить о наличии неких закономерностей. Вне зависимости от особенностей конкретной страны при проведении реформ важно обеспечить широкий набор программ развития для сравнения и отбора, а сам процесс реформирования не должен быть одномоментным и повсеместным. Опыт Китая и России свидетельствует о том, что:

- 1) реформы должны проводиться последовательно, иначе они могут встретить сильное сопротивление;
- 2) ключ к успеху реформ — противодействие объединению усилий противников преобразований, недопущение прямой конфронтации между государством и обществом;
- 3) любая стратегия реформ должна включать в себя поиск зон наименьшего сопротивления, которые станут полигоном для реформаторской политики;
- 4) успешный опыт должен распространяться не за счет принуждения сверху, а благодаря инициативе снизу.

Вместе с тем следует констатировать, что между китайской и российской моделями реформ имеются серьезные различия даже в близких по своим условиям регионах. Истоки этих различий кроются в политической сфере и связаны прежде всего с особенностями избирательной

и партийной систем двух стран, а также со спецификой отношений между центром и регионами. От избирательной системы зависит достижение консенсуса между государством и обществом в регионе. (При наличии такого консенсуса, как правило, используются сходные стратегии реформ.) Дизайн партийной системы влияет на способность контролировать политическую элиту и возможности согласования интересов элитных групп. (Там, где элитные группы едины в оценке желательных направлений реформ, стратегии их проведения, как правило, похожи.) Отношения между центром и регионами задают инструменты воплощения воли государства на низовом уровне. (Регионы, изначально обладающие развитой политической и экономической базой, освобождающей их от потребности в государственном вмешательстве, как правило, выбирают аналогичные стратегии реформ.)

Таким образом, применительно к Китаю и России наиболее схожие стратегии реформ наблюдаются в регионах с открытой и развитой экономикой, где экономические преобразования могут быть использованы для совершенствования политической сферы. Некоторые различия в стратегиях в регионах этого типа объясняются прежде всего давлением электоральных процедур: в России региональные власти вынуждены тратить гораздо больше политического и экономического капитала, чтобы обеспечить себе социальную поддержку. В регионах с сильной традиционной промышленностью различия более заметны. В этом случае решающее значение имеет партийная система. В Китае разветвленная сеть низовых партийных организаций способствует минимизации сопротивления со стороны предпринимателей и граждан. В России же подобные организации развиты гораздо хуже и практически не имеют влияния. Но максимальные различия обнаруживаются в регионах со слабой экономикой, где наиболее отчетливо проявляется общая специфика подходов китайских и российских властей. Если Китай делает упор на партийные организации и инициативу снизу, то Россия предпочитает политические инструменты, находящиеся под контролем федеральных или региональных структур.

Библиография

Гаман-Голутвина О.В. (2004) «Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I)» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 6—19. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/2/Polis-2004-2-Gaman-Golutvina.pdf> (проверено 15.03.2022).

Ли Цзинпэн. (2007) «Инновации в местном самоуправлении и структурная реформа государственного управления» // *Журнал Пекинского института управления*, № 3: 1—4. (На кит.)

Си Цзиньпин. (2014а) *Си Цзиньпин инспектирует Пекин*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/24476753> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2014б) *Си Цзиньпин инспектирует Цзянсу*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26207159> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2015a) *Си Цзиньпин инспектирует Гуйчжоу*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/27179687> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2015b) *Си Цзиньпин принимает участие в делегации Шанхая*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26644528> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016a) *Выступление Си Цзиньпина на конференции по сельской реформе*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/28/content_5068843.htm (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016b) *Си Цзиньпин инспектирует Нинся*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28571281> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2016c) *Си Цзиньпин принимает участие в делегации Хэйлуцзяна*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28178832> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2019) *Си Цзиньпин инспектирует Шанхай*. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-11/03/c_1125187413.htm (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2020a) *Выступление Си Цзиньпина на 3-й конференции Центрального комитета КПК по работе в Синьцзяне*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31876110> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Си Цзиньпин. (2020b) *Выступление Си Цзиньпина на 7-й конференции Центрального комитета КПК по работе в Тибете*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31841784> (проверено 15.03.2022). (На кит.)

Хань Ботян и Ши Лэй. (2008) «Политика поэтапных экспериментов в условиях экономического подъема Китая» // *Открытые времена*, № 5: 31—51. (На кит.)

Чэнь Сюэлянь. (2010) «Исследования и практика зарубежных правительственных инноваций» // *Журнал Национальной школы управления*, № 1: 116—120. (На кит.)

Ю Кепин. (2003) «Реформа и инновация местного самоуправления в Китае» // *Сравнительные исследования экономических и социальных систем*, № 4: 31—34. (На кит.)

Ю Кепин. (2005) «О некоторых ключевых проблемах государственных инноваций» // *Журнал гуманитарных наук Китая*, № 4: 138—146. (На кит.)

Ян Сюэдун. (2008) «О десяти проблемах в исследовании инноваций в местном самоуправлении в Китае» // *Журнал государственного управления*, № 1: 16—26. (На кит.)

Ян Сюэдун. (2011) «Реформирование местного самоуправления в Китае за последние 10 лет» // *Журнал государственного управления*, № 1: 81—93. (На кит.)

Ясин Е.Г., Н.В.Акиндинова, Л.И.Якобсон и А.А.Яковлев. (2013) *Состоится ли новая модель экономического роста в России? Доклад к XIV Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2—5 апр. 2013 г.)*.

М.: Издательский дом Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293957000/yasin-ru.pdf> (проверено 15.03.2022).

Grindle M. (2004) «Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries» // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 17, no. 4: 525–548. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGov.pdf (accessed on 15.03.2022).

Grindle M. (2007) «Good Enough Governance Revisited» // *Development Policy Review*, vol. 25, no. 5: 553–574. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGovRevisited.pdf (accessed on 15.03.2022).

Hellman J. (1998) «Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions» // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 203–234.

Maskin E., Y.Qian, and Ch.Xu. (2000) «Incentives, Information, and Organizational Form» // *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 2: 359–378.

Melville A. and M.Mironyuk. (2016) «Bad Enough Governance: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 2: 132–151.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press.

Sharafutdinova G. and R.Turovsky. (2017) «The Politics of Federal Transfers in Putin’s Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 161–175.

Treisman D. (2007) *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Fei Haiting
UNBALANCED REFORM
COMPARATIVE ANALYSIS
OF CHINA’S AND RUSSIA’S EXPERIENCE

Fei Haiting — Ph.D. in History; Assistant Professor at the Research Center for Chinese Politics, Peking University (China). Email: feihaiting@outlook.com.

Abstract. Transforming a political system is never an easy task. The reforms that launched this process can easily fall into the “balancing trap”, when

a lion's share of political capital is directed to ensure a balance of interests of various social groups, which inevitably leads to the curtailment of reforms and, as a result, stagnation. The article is devoted to a comparative analysis of the approaches of China and Russia to solving this problem.

The essence of the Chinese approach, which is usually referred to as the “policy experimentation”, is that reforms are first carried out in a separate region, and then, if successful, gradually spread to the whole country. However, the key to China's success lies not only in experimentation, but also in a variety of reform strategies, the choice of which is determined by the specific conditions prevailing in a given region. Russia also uses this model, which is known as an “unbalanced reform” and aimed at spotting areas of least resistance to reforms in order to prevent the unification of the efforts of the opponents to reforms and direct confrontation between the state and the society. However, its Russian version differs remarkably from the Chinese one.

According to the author, the differences between the Chinese and the Russian models of reforms are rooted in the political sphere and are associated with the specifics of the electoral and party systems of these countries, and most importantly, with the nature of the relations in the “center-regions” system. In China, when carrying out reforms, the emphasis is placed upon the initiative from below, while Russia prefers political instruments that are under the direct control of the federal structures.

Keywords: China, Russia, reforms, balancing trap, policy experimentation, unbalanced reform

References

- Chen Xuelian. (2010) “Research and Practice of Foreign Government Innovation” // *Journal of National School of Administration*, no. 1: 116–120. (In Chin.)
- Gaman-Golutvina O.V. (2004) “Regional'nye elity Rossii: personal'nyj sostav i tendentsii evolutsii (I)” [Russia's Regional Elites: Whom They Consist of, and What Are the Tendencies of Their Evolution (I)] // *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 6–19. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2004/2/Polis-2004-2-Gaman-Golutvina.pdf> (accessed on 15.03.2022). (In Russ.)
- Grindle M. (2004) “Good Enough Governance: Poverty Reduction and Reform in Developing Countries” // *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 17, no. 4: 525–548. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGov.pdf (accessed on 15.03.2022).
- Grindle M. (2007) “Good Enough Governance Revisited” // *Development Policy Review*, vol. 25, no. 5: 553–574. URL: https://courses.washington.edu/pbaf531/Grindle_GoodEnoughGovRevisited.pdf (accessed on 15.03.2022).
- Han Botian and Shi Lei. (2008) “The Staged Policy Experimentation in Economic Rise of China” // *Open Times*, no. 5: 31–51. (In Chin.)

Hellman J. (1998) “Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-Communist Transitions” // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 203—234.

Li Jingpeng. (2007) “Local Government Innovation and Structural Reform of Government” // *Journal of Beijing Administrative College*, no. 3: 1—4. (In Chin.)

Maskin E., Y.Qian, and Ch.Xu. (2000) “Incentives, Information, and Organizational Form” // *The Review of Economic Studies*, vol. 67, no. 2: 359—378.

Melville A. and M.Mironyuk. (2016) “Bad Enough Governance: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no. 2: 132—151.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press.

Sharafutdinova G. and R.Turovsky. (2017) “The Politics of Federal Transfers in Putin’s Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 161—175.

Treisman D. (2007) *The Architecture of Government: Rethinking Political Decentralization*. Cambridge: Cambridge University Press.

Xi Jinping. (2014a) *Xi Jinping Inspects Beijing*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/24476753> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2014b) *Xi Jinping Inspects Jiangsu*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26207159> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2015a) *Xi Jinping Inspects Guizhou*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/27179687> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2015b) *Xi Jinping Takes Part in Delegation of Shanghai*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/26644528> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016a) *Speech of Xi Jinping on Conference on Rural Reform*. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-04/28/content_5068843.htm (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016b) *Xi Jinping Inspects Ningxia*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28571281> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2016c) *Xi Jinping Takes Part in Delegation of Heilongjiang*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/28178832> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2019) *Xi Jinping Inspects Shanghai*. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-11/03/c_1125187413.htm (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2020a) *Xi Jinping’s Speech at the 3rd Conference of the CPC Central Committee on Work in Xinjiang*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31876110> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Xi Jinping. (2020b) *Xi Jinping’s Speech at the 7th Conference of the CPC Central Committee on Work in Tibet*. URL: <http://jhsjk.people.cn/article/31841784> (accessed on 15.03.2022). (In Chin.)

Yang Xuedong. (2008) “On Ten Problems in the Research of Local Government Innovation in China” // *Journal of Public Management*, no. 1: 16—26. (In Chin.)

Yang Xuedong. (2011) “Local Government Reform in China in the Past 10 Years” // *Journal of Public Management*, no. 1: 81—93. (In Chin.)

Yasin E.G., N.V.Akindinova, L.I.Yakobson, and A.A.Yakovlev. (2013) *Sostoitsja li novaja model' ekonomicheskogo rosta v Rossii? Doklad k 14 Aprel'skoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po problemam razvitija ekonomiki i obshchestva (Moskva, 2—5 apr. 2013 g.)* [Can the New Model of Russian Economic Growth Be Realized? Report to the 14th April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development (Moscow, 2—5 Apr. 2013)]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/04/02/1293957000/yasin-ru.pdf> (accessed on 15.03.2022). (In Russ.)

Yu Keping. (2003) “Reform and Innovation of Local Government in China” // *Comparative Economic and Social Systems*, no. 4: 31—34. (In Chin.)

Yu Keping. (2005) “On Some Basic Problems of Government Innovation” // *Journal of Chinese Humanities*, no. 4: 138—146. (In Chin.)

ПОЛИТИКА

Л.Е.Бляхер, К.В.Григоричев, И.О.Пешков
НА КРАЮ ГОСУДАРСТВА:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ
ПЕРИФЕРИИ ВЛАСТИ¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411.

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Константин Вадимович Григоричев — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского государственного университета, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск). Для связи с автором: grigoritchev@yandex.ru.

Иван Олегович Пешков — кандидат исторических наук, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук и университета им А.Мицкевича (Познань). Для связи с автором: ivanpeshkov2007@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу особой политической формы, возникающей в «пустом пространстве» на «краю государства», где властные акторы существуют удаленно, за границами «пустоты», но могут быть актуализированы в ней. Такую политическую форму авторы обозначают термином «периферия власти». «Пустое пространство», как показано в статье, это не вакуум, однако в нем нет того, что ожидает увидеть наблюдатель (в данном случае власть), того, что он может прочесть и осмыслить в качестве некоей сущности. Отсутствие ожидаемых объектов, акторов и практик и делает пространство «пустым».

В работе верифицируется гипотеза о том, что, являясь «пустым» для наблюдателя, такое пространство заселено и властно оформлено. Эмпирической основой исследования выступают результаты двух экспедиций в верховья р. Лены. На этой территории нет поселенческой структуры, не ведется легальной хозяйственной деятельности, минимально и число зарегистрированных жителей. Ближайшие представители власти (полиция, природоохрана, муниципальная власть и т.д.) находятся на границах территории, а расстояние до ближайшего крупного города (Иркутска) составляет 500—700 км. Тем не менее в ходе экспедиции там было обнаружено достаточно многочисленное сообщество со своей иерархией, устойчивыми формами коммуникации, легализации и мобилизации удаленной власти в своих ин-

тересах. Пребывание членов этого сообщества на «пустой территории» лишено хозяйственного смысла. Зарегистрированы они в других местах (райцентрах или иных городах области, включая региональную столицу), будучи более или менее успешными горожанами. Но город остается для них не более чем источником ресурсов (материальных, финансовых и т.д.). Живут же они именно в «пустом пространстве». В нем формируются социальные сети, выстраиваются статусы и коммуникация, которая может быть повернута и в пространство власти.

Полученный авторами материал дает основания предположить, что речь идет не о случайном кейсе, а о некоем более общем процессе разделения места для зарабатывания денег и места для жизни. По их заключению, при сохранении сложившихся на сегодняшний день тенденций зафиксированное ими «пространство выхода» будет расширяться, образуя все новые формы «пустоты».

Ключевые слова: периферия власти, пустое пространство, (ре)освоение, властный центр, политические акторы, неформальная коммуникация

Одно из самых устойчивых общих мест при анализе социального пространства заключается в том, что удаленность от центра пространственной системы, периферийность представляют собой своего рода проклятие². Особенно часто о проклятии удаленности говорится в отношении Сибири³. С удаленностью нужно бороться всеми мыслимыми способами: развитием транспортной системы, диверсификацией промышленных объектов, созданием системы льгот, стимулирующих приток новых жителей, и т.д. Если же по тем или иным причинам победить этот порок не удастся, надо просто сконцентрировать население в нескольких крупных городах («управляемое сжатие»), осваивая остальную территорию вахтовым методом⁴. И хотя последовательное изложение данной позиции⁵ вызвало острую дискуссию⁶, сам процесс сжатия пространства в ходе нее не оспаривался.

Кажется, что для подобного взгляда есть все основания. Именно центр выступает точкой наибольшей концентрации ресурсов, источником их распределения. В зависимости от того, о какой территории идет речь, этим центром может быть город федерального, регионального и районного значения. Соответственно, все прогрессивное, молодое и инновационное стремится именно в них⁷. Географическая мобильность трансформируется в мобильность восходящую. На периферии, тем более удаленной, остаются лишь аутсайдеры, которые постепенно исчезают. Мир человека превращается в мир городов.

И если идея «вахтового» освоения периферии особого воодушевления пока не вызвала, то мысль о борьбе с проклятием удаленности через развитие транспортной сети, строительство городов и т.д., похоже, становится значимым элементом не только политологического, но и политического дискурса⁸. Помимо активно обсуждаемых экономи-

² *Vone 2016.*

³ *См., напр. Кибалов 2005.*

⁴ *Гайдар 2005.*

⁵ *Hill and Gaddy 2003.*

⁶ *Мельникова 2004.*

⁷ *Sassen 2001.*

⁸ *Сергей Шойгу 2021.*

ческих причин для такого освоения пространства имеются не менее значимые политические резоны. Гигантская территория с крайне неравномерно распределенным населением и, как следствие, столь же неравномерным распределением властных структур не только порождает феномен социально-экономической удаленности, но и приводит к появлению особого образования — властной периферии, чреватому возвращением к классической войне всех против всех, а также формированием максимально жестких видов господства⁹.

⁹ Сулов 2011.

Лишь в немногих этнографических и крестьяноведческих исследованиях предлагается альтернативная точка зрения¹⁰. Удаленность обретает здесь неожиданный позитивный смысл, представая средством, с помощью которого периферийные социальные группы могут сохранить привычный образ жизни, собственную идентичность, да и просто возможность жить, как им хочется¹¹. Впрочем, речь в данном случае идет, строго говоря, о мировой экзотике. На волне экологической истерии, правда, может возникать (и порой возникает) более или менее массовое движение из городов «на природу». Но подобные переселения чаще всего оказываются временными и весьма относительно успешными, и в конце концов объективные обстоятельства возвращают переселенцев обратно в город.

¹⁰ См., напр. Scott 2009.

¹¹ Schweitzer, Povoroznyuk, and Schiesser 2017.

Важно, однако, что вне зависимости от контекста и оценки феномена удаленности *per se* властная периферия трактуется как безвластие, анархия¹². Эта трактовка кажется нам не вполне верной. Как мы попробуем показать ниже, периферия власти есть не ее отсутствие, но особая форма политического оформления удаленного пространства. Эта форма практически не описана в отечественной литературе, да и в мировой ее описания встречаются нечасто. Причина в том, что в этом случае полития почти лишена легальных, видимых проявлений, оставаясь за пределами и законодательной нормы, и статистического освещения. Власть там присутствует удаленно; не осуществляя постоянного и непосредственного регулирования, она оказывает влияние на происходящие процессы самим фактом своего существования и возможностью прямого вмешательства. И именно она создает условия для специфического (ре)освоения «пустого пространства», некогда бывшего частью индустриальной цивилизации, но выпавшего из нее. Иными словами, применительно к «ущербным», с точки зрения сторонников развития через индустриализацию и урбанизацию, территориям следует говорить не о безвластии, а об особенностях присутствия на них государства. Однако прежде чем переходить к такому разговору, необходимо уточнить, что мы понимаем под «пустым пространством».

¹² Scott 2009.

Вслед за Анри Лефевром¹³ мы рассматриваем социальное пространство как особого рода текст, который считывается наблюдателем или членом территориального сообщества, причем считывается часто по-разному, в зависимости от специфики взгляда и того, что именно считывающий ожидает увидеть. Этот текст (понимаемый как взаимное расположение артефактов, акторов, способов взаимодействия с ними,

¹³ Lefebvre 1991.

их властного оформления) предполагает некоторый набор практик и препятствует иным, не характерным для пространства данного типа. Наличие в пространстве ожидаемых предметов, явлений, практик осознается как его наполненность и освоенность. Их отсутствие осмысливается как пустота.

Та «пустота», о которой пойдет речь в настоящей статье, образовалась в ходе многократно описанного процесса «пространственного сжатия»¹⁴. Люди перебираются в крупные города или районные центры, закрываются школы, больницы, дома культуры и т.д. Исчезает или деградирует властная структура — местное самоуправление, органы охраны правопорядка, контролирующие ведомства. Оставшиеся старики (легальные жители) постепенно умирают, и властный взгляд фиксирует исчезновение населенного пункта (поселения). Возникающее в результате пространство и воспринимается в качестве пустого, того, где никого и ничего нет. И электорально, и экономически оно перестает быть интересным даже на уровне района, не говоря уже о регионе или стране в целом, и фактически уходит из фокуса властного внимания.

Такое восприятие закрепляется статистикой, где минимальной территориальной единицей выступает поселение с официально проживающими в нем людьми. Субпоселенческий уровень и отсутствие легальной регистрации делает эту часть пространства и его жителей невидимыми¹⁵ и для власти, и для статистики. Конечно, проверяющий из МВД, природоохранных или иных контролирующих структур вполне может обнаружить невидимок. Но для этого он должен приложить усилия, не оправданные ни экономически, ни политически. До тех пор, пока не возникают экстраординарные обстоятельства (пожар, наводнение, убийство и т.д.), пространство остается пустым для властного взгляда. Но этот взгляд не единственный. И здесь чрезвычайно важной представляется введенная Джеймсом Скоттом дихотомия: всеобщее знание и «метис». Первое знание опирается на властные институты, экономические и политические штудии, статистику. Оно и конструирует «пустоту», то есть отсутствие того, что могут «видеть» эти институты и штудии, что представляет для них интерес. Второе — на понимание того, «как делаются дела» в данное время и в данном месте¹⁶.

Именно о втором взгляде на «пустое пространство» и пойдет речь ниже. Существенно, что это взгляд не только тех, кто официально проживает на соответствующей территории, но и «невидимок», которых юридически на ней нет. И если с позиции внешнего наблюдателя (и всеобщего знания) совершенно отчетливо фиксируется «сжатие» пространства, то с позиции «метиса» мы видим иное — его расширение. В «пустоте» на долю каждого оставшегося (появившегося) приходится *больше* пространства. Ведь и «считываются» жителями не только и не столько социальная инфраструктура, наличие властных институций и легальной хозяйственной деятельности, сколько места рыбалки, охоты, других видов местной активности, снижение плотности властного регу-

¹⁴ См., напр. Трейвиш 2010.

¹⁵ Бляхер 2014.

¹⁶ Scott 2009.

лирования, возможности символического и фактического присвоения этого пространства.

Таким образом, задача настоящей статьи — попытаться проникнуть в «пустоту» на краю государства. При этом мы постараемся показать, что, казалось бы, отсутствующие там властные институты на самом деле не просто присутствуют — лишь благодаря им и оказывается возможным (ре)освоение «пустоты».

Горожане в тайге

¹⁷ *Его результаты см. Бляхер и Григоричев 2020.*

Основанием для такого проникновения выступают два полевых исследования, проведенные авторами в 2018 (пилотное¹⁷) и 2021 (основное) гг. в верхнем течении Лены в 400—700 км от Иркутска. Маршрут экспедиций проходил от с. Усть-Илга Жигаловского района Иркутской области до г. Усть-Кут (320 км). Эта территория подпадает под определение «пустого пространства» и с точки зрения власти, и с точки зрения внешнего наблюдателя.

¹⁸ *Данные Иркутского областного статистического управления.*

Большая часть этой территории относится к межселенной, то есть не имеет поселенческой структуры (за исключением Усть-Илги), и потому в минимальной степени охвачена статистикой. Это относительная новация. Судя по статистическим данным, еще 10 лет тому назад (до 2012 г.) поселенческая структура там частично сохранялась, а в более ранние времена (1980-е годы) полностью покрывала пространство. Официально здесь проживают 168 человек¹⁸, в число которых входят и жители лишенных поселенческой структуры частей Жигаловского и Усть-Кутского районов Иркутской области, лежавших в стороне от маршрута экспедиции. На территории отсутствует мобильная связь, круглогодичные дороги, нет больниц, в 2021 г., накануне проведения основного этапа полевого исследования, была закрыта последняя школа (в с. Боярск). Практически не ведется и легальной хозяйственной деятельности. Во время экспедиции наши собеседники упоминали о фермерах, однако в официальных отчетах районов они не значатся. Говорилось об охотниках, которые «заключили договор и ушли на участки», но в статистике эта деятельность не отмечена в качестве «местной», поскольку и контора, с которой заключался договор, и сами охотники зарегистрированы в райцентре Жигалово. Единственная «видимая» занятость тут связана с постепенно исчезающим социальным обслуживанием и представлена работниками двух библиотек¹⁹, двух магазинов, а также «дизелей», обеспечивающих периодическую подачу электричества в два крупнейших из сохранившихся населенных пунктов — Орлингу (17 жителей) и Боярск (около 30 жителей).

¹⁹ *По размерам напоминающих стандартный деревенский дом, но оснащенных несколькими солнечными панелями и спутниковой тарелкой.*

Готовясь к полевому этапу 2021 г., мы изучили местность по официальным документам и картам за последние 60 лет и провели несколько глубинных неформализованных интервью с ее уроженцами, ныне проживающими в Иркутске. Цель этой (предварительной) работы — построение ретроспективного образа территории до превращения ее в «пустое пространство», получение официальной картины

«пустых земель». На картах 1970-х годов на этой территории отмечены десятки поселений, в том числе достаточно крупные (в с. Орлинга, например, было более тысячи жителей). Основным занятием населения, по свидетельству одного из наших информантов, была охота, вокруг которой фактически выстраивалась не только вся хозяйственная деятельность, но и социальная организация. Именно охотники (с образованием не ниже техникума, а то и охотоведческого факультета вуза) и составляли местную элиту. Жили охотники в ближайших деревнях. Там же часто располагались зверофермы и обеспечивающие формы хозяйства (разведение скота, выращивание овощей, репе — зерновых). Как отмечалось в том же интервью, охотник на своем участке был полным хозяином. Тема охотника-хозяина постоянно всплывала в разговоре. Он определял время и место работы, воплощая высшую власть на участке; от мнения охотников зависела и жизнь поселений. Местные управляющие структуры обладали существенно меньшим престижем, как и иные «подсобные» виды деятельности. Иными словами, несмотря на постоянное институциональное присутствие, «власть» (сельские и поселковые советы) занимала подчиненное положение в социальной структуре, выступая скорее в роли инструмента социальной защиты. Настоящая власть — партийная и хозяйственная — оставалась удаленной, действуя из районного и областного центров преимущественно посредством экономических механизмов (закупка пушнины по «твердым» ценам, завоз техники и инвентаря) и гарантируя охотничьей элите право «быть хозяином».

Регулярное сообщение обеспечивалось катерами и баржами, ходившими в тот период до Жигалово и даже выше — до п. Качуг. В Качуге находился завод по производству малотоннажных плавсредств для Лены и Байкала. В Жигалово с 1933 г. располагалась большая судовой верфь (позднее судостроительный завод), где строились и ремонтировались сухогрузные теплоходы для навигации по Лене.

По Лене осуществлялся «северный завоз» в отдаленные районы Иркутской области и Якутии. Собственно, его наличием и объяснялась интенсивность сообщения в летний период. Информант вспоминал даже о возможности «поймать попутку» — катер для поездки в Усть-Кут или иной центр. В связи с «северным завозом» проводились регулярные работы по расчистке и углублению реки. Зимой функционировал оборудованный зимник по льду. В каждом поселении имелись школа (начальная, восьмилетка или полная средняя), почтовое отделение, клуб, магазины, фельдшерский пункт или больница, склады товаров, прибывающих в рамках «завоза», и заготконтор. Власть присутствовала именно в отдаленном формате. Представители власти назначали цену на продукцию, обеспечивали регулярную поставку товаров народного потребления, функционирование социальной инфраструктуры. Отношения местного населения с властью, судя по словам информанта, воспринимались как торговая сделка — продукты охоты в обмен на вознаграждение и обеспечение. Этот момент принципиально важен для

нашего рассмотрения. Хотя информант не акцентировал это обстоятельство, сама возможность быть хозяином (для охотника и, шире, местного жителя) гарантировалась государством.

Со строительством БАМа ситуация начала меняться. Железная дорога и автомобильная трасса прошли через Усть-Кут, откуда и стал осуществляться «северный завоз» по Лене. Интенсивность судоходства на участке выше Усть-Кута упала, ухудшились его условия, что привело к удорожанию социальной инфраструктуры и снижению рентабельности пушного промысла. Доходы охотников, а с ними и всех жителей уменьшились, наметилась тенденция к оттоку населения. Выпускники местных школ, отправлявшиеся учиться в Иркутск или Братск, не возвращались. Не приезжали и новые поколения охотников.

На первом этапе (до середины 1980-х годов) отток этот был не очень значительным. Однако в 1990-е годы в условиях деградации социальной инфраструктуры и распада хозяйственных связей он принял массовый характер. Место «удаленного» государства — торгового партнера занял частный собственник, превращающий охотника в наемного работника, гораздо жестче регламентирующий его деятельность и снижающий оплату. Регулярное судоходство (основная форма связи с Большой землей) на этом участке практически прекратилось. В результате плохо регулируемой вырубке лесов (в том числе «черными лесорубами»²⁰) заметно обмелело русло Лены, упала продуктивность охоты. Как следствие, население потянулось в Усть-Кут — узловой центр «северного завоза» и п. Жигалово с расположенным рядом Ковыктинским месторождением.

На некогда довольно плотно заселенной территории остались лишь представители старшей и сверхстаршей возрастных когорт, не имевшие возможности или желания перебраться на новое место. Исчезли промысловые хозяйства, а вместе с ними видимая хозяйственная деятельность, медицинская помощь, школы, клубы. Из 29 посещений, которые мы посетили в ходе экспедиции, в 19-ти просто не было зарегистрированных жителей, в остальных же их число колебалось от одного до 37-и. Исчезла и «власть». Ближайшие (районные) властные центры и структуры находятся отсюда на значительном расстоянии, что при отсутствии регулярного сообщения делает власть скорее предполагаемой, чем наличной сущностью. Она есть (наши информанты упоминали о «женщине-полковнице, бабе по-нашему»), которая иногда проезжает по реке и всех штрафует, и представителях природоохранных органов, «пасущих всех возле Усть-Кута»), но в повседневной жизни участия не принимает. То есть речь идет о классической «брошенной» земле, пустой территории, образовавшейся после «сжатия» социального пространства²¹.

Тем большее удивление у одного из авторов статьи, оказавшегося на этом участке реки в июле 2018 г. в составе экологической экспедиции, вызвала недавно выстроенная усадьба с многочисленными хозяйственными постройками, автономным электроснабжением и ото-

²⁰ Бухаева и Рагулина 2019.

²¹ Моляренко 2017.

²² Григоричев 2013.

плением, спутниковой связью, канализацией, водоснабжением и т.д. Повторим, что речь идет о территории, удаленной на сотни километров от больших городов. Даже дорога, хотя бы в виде грунтовки, заканчивается в 120 км отсюда. Здесь почти нет магазинов, больниц, не работают сотовые операторы. Если бы подобная усадьба располагалась в пригороде, ее можно было бы рассматривать как некий вариант субурбии²², дачу или даже основное место проживания состоятельного человека. Но в условиях столь отдаленной и необжитой местности такое проживание кажется малоосмысленным.

²³ Бляхер
и Григоричев 2020.

При подготовке статьи по результатам изучения этого феномена²³ было обнаружено несколько сходных кейсов на территории Алтайского и Хабаровского краев. Каждый раз речь шла о строительстве, заведомо не имеющем хозяйственного смысла, невероятно затратном (в иркутском кейсе все материалы для стройки, как и сами строители, завозились по реке или по зимнику). В каждом случае удаленность и труднодоступность становились важным *позитивным* фактором, детерминировавшим выбор места. Иными словами, мы имеем здесь дело не с аномалией, а с некоей более широкой практикой, не вписывающейся в устоявшиеся экономические представления.

Для того чтобы попытаться осмыслить логику столь необычного обживания «пустого пространства», и была организована экспедиция летом 2021 г. От Иркутска до Усть-Илги мы добирались автотранспортом. Уже на этом (предварительном) этапе была зафиксирована первая странность. Несмотря на то что участок Лены между Качугом и Жигалово активно посещается любителями рыбалки, там практически полностью отсутствует придорожная экономика, ориентированная на этот совсем не маленький поток потенциальных потребителей. Соответствующая инфраструктура появляется лишь вдоль автодороги, уходящей от Жигалово на северо-восток к п. Магистральный (БАМ). Участок же вдоль Лены уже здесь оказывается «пустыми землями», которые становятся все менее обжитыми на север от Жигалово, где гравийка превращается в грунтовку, лишь частично засыпанную гравием. На противоположном от Усть-Илги берегу Илги, притока Лены, дорога заканчивается. Усть-Илга, расположенная относительно недалеко от райцентра и обладающая дорогой, хотя и без переправы через мелководную реку, еще относится к «обжитому пространству» (есть социальная инфраструктура, связь, управленческие структуры со всеми должностными лицами). За ней начинается поле в «пустом пространстве».

Продвигаясь в течение двух недель по реке от Усть-Илги до Усть-Кута, мы обследовали, как уже упоминалось, 29 сел. Часть их полностью исчезла и официально, и фактически. Некоторые бывшие поселения успели покрыть вторичный лесной покров. Кое-где еще сохранились следы проживания людей — остовы жилых домов, обвалившиеся хозяйственные постройки, угадывающиеся улицы и т.д. Да и в тех поселениях, где жители еще остаются, много брошенных и разрушающихся жилых домов и иных строений. Так, при обследовании с. Орлинга было

обнаружено пять полуразрушенных зданий — три с вывеской «магазин», два с вывеской «клуб». Но разрушающаяся застройка советского периода была не единственным вариантом заполнения «пустого пространства».

²⁴ Нефедова 2012.

Не менее распространенным вариантом оказались «дачи». Подобная ситуация отчасти напоминает ту, что мы можем наблюдать вокруг мегаполисов в европейской части России²⁴, — с той лишь разницей, что речь идет о местах, удаленных от ближайшего даже не мегаполиса, а крупного города (Иркутска) на сотни километров. Собственно, «дачами» здесь обзаводятся жители Жигалово и Усть-Кута — райцентров, к которым административно относится соответствующая территория. Причем «дачи» совершенно явно распадаются на две группы. Одни из них представляют собой нечто вроде охотничьих заимок, рассчитанных на кратковременное проживание в период охоты или рыбалки. Вторые ориентированы именно на отдых в тайге, на природе.

Уже в первом по маршруту п. Молодежный, где официально обитает «ноль» жителей, были обнаружены новые добротные постройки, мало походившие на дома деревенских жителей. По сути дела, это были комплексы из сходных по материалу строений, в каждый из которых кроме жилого дома входили баня, беседка, зона барбекю, летний домик. «Дачи» этого типа нам встретились в четырех деревнях, причем чаще там, где присутствовали и местные жители, нередко выполняющие функцию сторожей. Иногда это были перестроенные дома сельчан, иногда — полностью новые строения. От привычных сельских домов они отличались формой, наличием (в большинстве случаев) второго этажа, отсутствием огорода и иных пространств, предполагающих сельские занятия (сенников, сараев, хлевов и т.д.). Зато обязательными элементами были зона барбекю и беседка. Часто имелась летняя кухня. Во многих домах были балконы с видом на реку и пластиковые окна.

Вторым типом «дачных» строений были дома местных жителей, переделанные их наследниками под новые задачи. При таких домах тоже отсутствовал огород, иные традиционные элементы крестьянского хозяйства. Зато появились новации. Например, в одном из поселений новые жители прорубили в стене дома ворота, установив сходни к реке. По существу, дом превратился в оборудованный под временное жилье гараж для моторной лодки и иной техники. Имелись и строения, напоминающие зимовья охотников. Отметим, что «дачи» данного типа более распространены в «живых» деревнях, где в каком-то виде сохранилось территориальное сообщество.

Наиболее необычным был третий вариант нового освоения (случайное обнаружение которого, как уже говорилось, и стимулировало нас на проведение исследования). Речь идет об усадьбах со всеми городскими удобствами и огромными высококачественными строениями при отсутствии какого-либо видимого экономического смысла. За время экспедиции были обнаружены три полностью построенные усадьбы и три усадьбы, находящиеся в процессе строительства. Из построенных

усадеб нам удалось обследовать только одну. Обитатели (работники, охранники) второй, владелец которой, бывший мэр Усть-Кута, содержась в иркутском следственном изоляторе, не разрешили ее осмотреть. Не получилось у нас осмотреть и третью. Но даже с реки тип строений и их предназначение были вполне очевидными, тем более что на территории усадьбы в тот момент проходила шумная вечеринка. Зато первую мы смогли обследовать достаточно подробно и в динамике, поскольку это была именно та усадьба, на которую мы натолкнулись в 2018 г.

Поселение, где она размещается, четко делится на две части — собственно усадьбу (дом хозяина, гостевой дом, баня, дом управляющего, службы и т.д.) и «деревню», на территории которой расположены дома работников и единственного местного жителя, баня для работников и церковь, построенная на деньги и по инициативе владельца усадьбы. К усадьбе примыкает поле солнечных батарей, обеспечивающих поселение энергией (мощностью, по словам информанта, до 100 кВт), рыбозаводная станция, обнесенный высокой изгородью расчищенный участок (около 25 га), где разводят кабанов и маралов, выпуская их во второй огороженный участок выше по реке. На противоположном берегу реки распахан участок в несколько гектаров. По сути, здесь сложилось новое население поселка. Точно оценить его численность мы не могли, поскольку часть работников находилась на реке и на участке для разведения кабанов и маралов, часть была отпущена в райцентр на выходной, но в беседе с информантом речь шла о 17 работниках со своей иерархией. В распоряжение работников предоставлены достаточно дорогостоящие транспортные средства — вездеходы, квадроциклы, моторки и даже аэролодки, позволяющие менее чем за два часа добраться до райцентра. Для сравнения: на моторной лодке участников экспедиции туда пришлось бы плыть более девяти часов.

В двух из недостроенных усадеб в момент обследования были работники, с которыми нам удалось побеседовать. В первом случае были уже выстроены «хозяйский дом» (хотя на первом этаже пока отсутствовали окна), баня, некоторые хозяйственные постройки. Но строительство продолжалось, работала пилорама, велись еще какие-то работы. Имелся здесь и подъем от реки, явно недавнего происхождения, по которому (как сообщил информант) доставлялись завозимые по реке материалы.

Во втором случае провести подробный осмотр не получилось. Сторож (работник?) усадьбы утверждал, что это база некоей организации, доступ на которую для посторонних закрыт. Однако каких-либо сведений о ней в открытых источниках мы не нашли. По внешнему виду строений, выходящих к реке, «база» не отличалась от усадьбы: четко выделялись «хозяйский дом», служебные помещения, зона барбекю, баня.

На третьей стройке мы не застали ни работников, ни сторожа (обследование пришлось на выходной день). Но расположение и явно не деревенский вид возводимых строений (окрашенное новое дерево, металлические крыши, «французские» окна в пол), а также их отделен-

ность от основной (пустой) деревни оврагом позволяют предположить, что это строящаяся усадьба.

Для корректирования и верификации нашей трактовки увиденного использовались беседы с информантами. При этом заранее подготовленные гайды для интервью оказались не вполне релевантными, поскольку обнаружилось, что наше исходное знание о «пустом пространстве» является как минимум неполным. В число информантов вошли четыре официально зарегистрированных местных жителя, три работника усадеб и один владелец «дачи». В связи с тем, что у нас далеко не всегда была возможность включить диктофон, часть ответов и рассказов информантов фиксировалась позже, по памяти. Наряду с результатами наблюдения и предварительного изучения массива статистических данных, интервью с информантами и стали эмпирической основой для наших построений.

**Новые
отходники:
исход
на периферию
власти**

Отходничество сегодня перестает быть социальной экзотикой²⁵. На материале периферийных территориальных систем²⁶, а также малых городов и сельских поселений²⁷ это явление довольно подробно описано. В соответствующих работах говорится о том, что привычная и комфортная для жителей реальность малых городов и поселков не позволяет человеку прокормить себя и свою семью. Потому люди *временно* перебираются в крупные города и мегаполисы, где есть работа с относительно приличным жалованием, позволяющим *прожить дома*. Казалось бы, ситуация, обнаруженная в ходе проведения полевого исследования, напоминает классический вариант современного отходничества. Люди уехали из распадающегося, «пустого» социального пространства туда, где могут заработать. То есть речь идет о взаимодействии двух хозяйственных систем²⁸. Однако здесь просматривается существенная специфика.

Наиболее близки к образу отходников бывшие «местные», перебравшиеся в райцентр (п. Жигалово, г. Усть-Кут) и передельывающие дома для более или менее кратковременного пребывания, охоты, рыбалки и др. Но и в данном случае отличие принципиальное. Даже эти «местные дачники» официально проживают в городе (поселке городского типа). В противовес отходникам, они не перекачивают ресурсы из большого города в малый с целью выживания. Они живут (квартира, семья и т.д.) там, где есть работа. Заработанное же инвестируется в «пустое пространство», лишенное утилитарного смысла.

Довольно сложно вписать эти «дачи» и в модель «совокупного жилья горожан»²⁹. Реализация рекреационной функции оказывается крайне затратной. Отсутствие минимальных удобств, удаленность (даже от райцентров), необходимость завозить большую часть необходимого для жизни по воде (в летний период) или по зимнику (зимой) делает полноценную рекреацию возможной лишь на границах «пустоты». (О приезде детей «на лето» нам рассказывали информанты из п. Усть-Илга близ

²⁵ Плюснин и др. 2013.

²⁶ Капустина 2008.

²⁷ Флоринская 2006.

²⁸ Плюснин и др. 2013.

²⁹ Вагин 1997.

Жигалово и п. Турука близ Усть-Кута, где, кстати говоря, присутствовали и привычные дачные домики.) Мало того, что подобная «дача» менее удобна, чем дача возле города или поселка, она еще и намного дороже. Ведь продукты, строительные материалы и т.д. сюда приходится везти издалека.

Еще менее осмысленной становится в этих условиях хозяйственная деятельность, присущая дачам 1990-х годов. По словам одного из информантов, сегодня убыточна в том числе и добыча пушного зверя — некогда самая прибыльная часть хозяйственной деятельности на территории, компенсировавшая убыточность всех остальных ее видов. Иными словами, ни отдых в привычном смысле, ни хозяйство не могут служить мотивом для содержания подобной «дачи» даже местными жителями, не говоря уже о жителях райцентра, заводящих себе «угодь» в «пустом пространстве». Примечательно, что зачастую сами «владельцы» затрудняются с ответом на вопрос, для чего им это владение.

«Я тут купил два гектара в деревне... этой... в Высоково. Да там и нет ничего. Был дом, но его сожгли. Этот сжег... мэр бывший, который сейчас у вас в Иркутске сидит. А дом хороший. Я думал, его отремонтировать можно. <...> Сейчас там ничего нет. Ну, я подумал: пусть будет» (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

³⁰ Моляренко 2013.

³¹ Etzioni 1998.

³² Маклюэн и Фиоре 2012.

Пожалуй, ближе всего к описываемой ситуации модель распределенного образа жизни в трактовке Ольги Моляренко³⁰. Справедливо отмечая, что классические формы дауншифтинга³¹ не вполне соответствуют российским условиям, она сосредоточивает внимание на различных типах домохозяйств. Объекты ее анализа — рантье самой разной природы, чье участие в хозяйственной деятельности ограничено потреблением, люди, для которых сельская местность выступает местом рекреации или удаленной работы (в духе «информационного коттеджа» Маршалла Маклюэна³²), и, наконец, те, кто прибегает к сельским занятиям, будучи не в состоянии полностью обеспечить себя в городе.

³³ Григоричев 2013.

На первый взгляд, картина получается сходная. Горожане так или иначе инвестируют в село, трансформируют сельское пространство, исходя из собственных представлений о том, как оно должно выглядеть. Они же образуют и рынок сбыта для селян, тем самым ориентируя их на виды хозяйства, необходимые горожанам или бывшим горожанам³³. Однако и здесь имеется принципиальное отличие от рассматриваемого кейса.

³⁴ Кордонский 2008.

Все процессы, анализируемые Моляренко (а также Симоном Кордонским³⁴), протекают между городом и сельской местностью, то есть между двумя видами социума. В нашем же случае второй (сельский) социум практически отсутствует. Остались его следы или сконструированная память о прошлом, причем далеко не во всех поселениях. Только в четырех из обследованных нами поселений «местные» образуют сколько-нибудь функционирующее сообщество. Показательно и то, что как раз в них и новые строения, и даже переделанные «дачи» встреча-

ются реже всего. Возникает ощущение, что горожан (от жителей райцентра до жителей региональной столицы) привлекает именно «пустота», а отнюдь не «сельская местность». Именно между городом и «пустотой» распределяется их жизнь.

³⁵ *Владелец усадьбы.*

«М.³⁵ — молодец. Другие себе дома в Европе строят, на теплых морях. А он в родные места вкладывает. До него здесь, считай, уже ничего не было. Он и церковь построил, дома все. Молодец, одним словом» (мужчина пенсионного возраста, единственный официальный житель поселения с усадьбой).

Важно и то, что, судя по наблюдениям и интервью, в рассматриваемом случае, в отличие от ситуации, характерной для «хоры» столиц и мегаполисов, все «новые жители» более или менее успешны. Да и райцентры (Жигалово и Усть-Кут) — относительно благополучные поселения с «работой и зарплатой». Через Жигалово осуществляется снабжение Ковыктинского месторождения, обеспечивающего работой многих жителей. В поселке имеются судовой завод, асфальтовый завод, предприятия бытового обслуживания, достаточно развитая сеть магазинов. Функционирует больница. Есть своя газета и телевизионная студия. Еще более развита социальная инфраструктура в Усть-Куте, одном из узловых центров «северного завоза», где пересекаются речной и железнодорожный пути, расположены управленческие структуры Верхленского речного пароходства, действуют предприятия нефтегазового сектора. Стоит отметить, что в недавнем прошлом оба райцентра были столицами лесной отрасли³⁶.

³⁶ *Тагиев 2018.*

Так что, как заметил один из наших информантов, *«те, кто крутятся, все... живут нормально»*. Характерны и его рассуждения о владельце усадьбы — экс-мэре Усть-Кута, оказавшемся в СИЗО: *«У него и так все было. Весь почти лес через него шел. „Леналессервис“, считай, его был. Полез в политику. Чего ему не хватало? Вот и получил сразу»* (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

Иными словами, речь идет отнюдь не о рантье или фрилансерах, а о вполне интегрированных в городское сообщество людях. Тем более это касается владельцев усадеб. Примечательно, что две из обнаруженных нами усадеб были представлены информантами (работниками) в качестве баз предприятия, которым руководит «хозяин». Является ли он директором или владельцем предприятия, информанты не знали. Он был для них просто «хозяин».

³⁷ *Город в Иркутской области, переживший в 2019 г. сильное наводнение.*

«Мы все из Тулуна³⁷. Когда город смыло, мы в Иркутск поехали. Там уже хозяин нас нанял. Отправил сюда, базу строить. Здесь все есть. Баня есть, вода, свет. Телефон есть спутниковый. Нормально живем. Работа. Платит тоже нормально. <...> Сам хозяин на вертолете прилетает. Иногда сам, иногда с гостями. Тут им все — охота, рыбалка, шашлыки. <...> А мы? Да, строим. Тут еще работы много» (строитель усадьбы, около 45 лет).

Вполне успешные и интегрированные в городское сообщество (райцентра, Братска, Иркутска) люди, изначально не предполагая по-

лучение дохода, инвестируют в «пустоту» огромные суммы, иногда, как в случае усадьбы с солнечными батареями, хозяйственными постройками, инфраструктурой и обслуживающими «угодья» работниками, достигающими десятков и даже сотен миллионов рублей. Отсутствие видимого хозяйственного смысла подобных «невозвратных вложений» заставляет предположить, что у них имеется какой-то иной смысл. Понятно, что на материале «полутора» экспедиций даже с привлечением дополнительных данных можно говорить только о более или менее обоснованной гипотезе. Суть этой гипотезы в специфической трансформации, переживаемой сегодня городами в восточной части страны.

³⁸ Алексеев 1998:
72—73.

На востоке России города изначально строились как военные ставки (крепости, остроги) или инициированные властью производственные центры³⁸, населенные «чужими», не по своей воле оказавшимися там людьми, выполнявшими предписанные им внешней силой функции. Разумеется, в чистом виде подобная структура невозможна даже в военном лагере или тюрьме. Механизм преобразования «незнакомца» в «своего», понятного и предсказуемого, работал. Удаленность властного центра, слабость коммуникации между городом на периферии и столицей создавали условия для выстраивания неформальных отношений, обеспечивающих необходимый уровень солидарности.

³⁹ Дятлов 2021.

Эта неформальность, встроенная в формальные структуры, продолжающая жить в их «прорехах», сохранялась и в имперский, и в советский период. Не случайно почти сразу после начала возведения на «пустом месте» новых городов советской эпохи возникала огромная «серая зона» частного сектора³⁹, где воспроизводились общинные отношения. По сути, именно на наличии такого «частного сектора», где была возможна приватность, солидарность, где выстраивались сетевые взаимосвязи, и базировалась устойчивость имперской системы от Московского царства до СССР. Да и любой империи, если вслед за Чарльзом

⁴⁰ Tilly 1997.

Тилли⁴⁰ трактовать ее как особый тип организации гетерогенного социального пространства, когда власть центра над любым сегментом этого пространства опосредована местной элитой, наделенной значительной автономией в обмен на полную лояльность центру.

По существу, имперской была и структура социального пространства, возникшая после крушения СССР. Центральная власть делегировала значительную часть полномочий «доверенным лицам» на местах. Собственно, это во многом и позволило остановить распад империи, лишь «обкрошившейся по краям»⁴¹. Коммунистическая идея уступила место ориентации на вхождение в «клуб цивилизованных стран», исчезла КПСС, но само пространство осталось имперским.

⁴¹ Выражение
Эмиля Паина.

Внезапный слом прежних порядков серьезно отразился на городах, лишившихся статуса ставки власти, упорядочивающего ока законов, привычных форм социального обеспечения и т.д. Однако города не исчезли и не деградировали. Более того, после относительно короткого «бандитского» этапа со множеством конфликтов при отсутствии устойчивых форм их разрешения возникли новые правила, причем впервые

⁴² *Bliakher 2013.*

в истории созданные не властью, а самим сообществом. «Региональных баронов» (губернаторов)⁴² тогда интересовали только «кормящие отрасли» и переизбрание на следующий срок. Все остальное отдавалось на откуп населению.

Советский принцип обеспечения жильем (от предприятия или учреждения) сам по себе был мощным источником неформальных соседских и семейных контактов. Появление в домах богатых жильцов и обнищание части других не сказались на этих контактах. В городах складывалось если не сообщество, то сообщества и совместности как особый тип социальных связей, обусловленных использованием общего пространства (подъездов, дворов, стоянок и т.д.). В ходе становления таких сообществ и совместностей и возникали относительно безопасные («для своих») и комфортные пространства. В рамках этих пространств формировались и виды деятельности, детерминированные наличием подобных связей. При этом, как и в средневековых городах, там далеко не все решала экономическая эффективность. Процветали спонсорство и меценатство, и статус человека не в последнюю очередь определялся участием в благотворительных проектах, позволявших сглаживать последствия скоропалительных реформ.

⁴³ *Бляхер и Огуцова 2006.*

Первые потоки нефтедолларов, хлынувших в страну в середине «нулевых» годов, потекли в эти уже сложившиеся структуры. Но так продолжалось недолго. Новая властная группа, утвердившаяся в федеральном центре в «нулевые» годы, не участвовала в неформальных договоренностях предшествующего периода, связывавших имперское пространство. Может быть, именно поэтому у нее и возникла мысль о необходимости «спасти Россию». Способом такого спасения стало построение «вертикали власти», камералистски привязывающей периферию к центру⁴³, а его инструментами — надзорные и силовые органы, жесткие правила и не менее жесткие формы контроля над их соблюдением.

⁴⁴ *Панеях 2003.*

Если раньше закон представлял собой высшую планку риска, за которой прекращалась любая деятельность⁴⁴, в связи с чем жизнь строилась по принципам обычного права, то теперь ситуация изменилась. Появилась возможность жить по закону. Но возникла новая сложность. Тенденция к нормализации права начала перерастать в гиперконтроль.

⁴⁵ *См. Каганский 2001.*

Трудно назвать конкретную причину такого развития событий. Понятно, что их множество и в каждом контексте актуализируется какая-то своя. Но наиболее важную роль, на наш взгляд, здесь сыграли особенности политического пространства страны, а именно эклектичность его ландшафта (в понимании Владимира Каганского⁴⁵). В подобных условиях попытки выработать единые для всех правила игры при полном нежелании делегировать часть власти агентам на местах неизбежно приводят к тому, что правила эти для всех же — от Москвы до самых до окраин — оказываются чужими. Противоречия между «чужими» всеобщими нормами и «метисом» порождают естественный оппортунизм, снижающий и без того невысокий уровень доверия между населением и центральной властью⁴⁶, что, в свою очередь, подталкивает

⁴⁶ *Вахтина 2011.*

ее к усилению контроля — сперва над территориями, затем над самими контролерами и, наконец, над теми, кто контролирует контролеров.

Издержки контроля возрастают, становясь для государства непосильным бременем. Соответственно, начинается сокращение аппарата — но без сокращения его функций. Для того чтобы эти функции как-то выполнять, аппарат создает свои нормы, отличные от заданных политической властью. В результате из просто машины аппарат трансформируется в совокупность «мыслящих машин» (силовых и надзорных органов, обладающих собственными интересами), что со временем оборачивается и «восстанием машин». При этом правила, по которым действуют «машины» (поскольку они не те, что заявлены формально), неизвестны ни подвластным, ни даже самой власти, которым приходится их угадывать⁴⁷.

⁴⁷ *Подробнее см. Бляхер, Григоричев и Елохина 2021.*

Для подвластных (населения) возникает ситуация не просто «презюмции виновности» (то есть потенциальной возможности подвергнуться санкции за неизбежный поступок), но виновности неожиданной, непредсказуемой. Все прежние способы компенсации рисков, обеспечения безопасного и комфортного существования начинают давать сбой. Вне зависимости от социального статуса человека жизнь в городе становится все более рискованной. Число «неприкасаемых», еще недавно довольно значительное, сегодня стремится к нулю — и не столько в силу торжества принципа равенства людей перед законом, сколько в силу внезапности и непредсказуемости наступления санкций.

Казалось бы, в этих условиях естественной реакцией населения должно было стать бегство из города. Но города продолжают оставаться главными ресурсными центрами. Именно туда направляются бюджетные средства, там расположены местные и центральные офисы госмонополий и предприятий с госзаказом или иными формами государственной поддержки, там сконцентрированы чиновники и военные с высокими зарплатами. Там есть работа и доход. Иными словами, и бежать из города, и жить в нем оказывается в равной степени невозможно, причем это касается не только еще недавно привилегированных групп, но и обитателей «социального дна»⁴⁸.

⁴⁸ *Бляхер и Ковалевский 2021.*

Здесь и возникает тенденция к распределенному образу жизни. Правда, «распределение» это имеет косвенное отношение к хозяйству. Речь идет скорее о разделении хозяйства (город) и жизни («пустое пространство»), стремлении не выйти за пределы государства, а выстроить дистанцию между собой и властью. Удаленность, традиционно рассматриваемая как проклятье (в хозяйственном смысле), становится ресурсом. Удаленную власть проще сделать предсказуемой, уменьшить риски при контакте с ней. Так формируется новая модель распределенного расселения. Люди уезжают в другое («невидимое») место не для того, чтобы заработать на жизнь (зарабатывают они в городе), а для того, чтобы жить.

⁴⁹ *Григоричев 2013.*

Стремление к «невидимости» проявляется уже в российских практиках субурбанизации⁴⁹, когда новые пригороды чаще возника-

ют за рамками формализованного пространства. Строго говоря, такое дистанцирование не очень эффективно, поскольку в данном случае власть остается слишком близкой. Однако большее удаление требует и больших ресурсов — не бесконечных, но значительных. Причем эта стратегия едва ли подойдет представителям экономической или политической верхушки. Они слишком «видимы». Невидимое пространство не столько «прикроет» их, сколько проявится само. Иными словами, «пустота» является пустотой не для всех. Освоить ее может богатый, но не очень известный человек. Собственно, именно к этой категории богатых, но не входящих в «первый круг» региональных и тем более федеральных деятелей, по сведениям авторов, и относятся владельцы усадеб.

«Дачников» из Жигалово и Усть-Кута, а также «бывших местных», на наш взгляд, следует рассматривать как локальный вариант жителей субурбий. Но если в случае с дачами и заимками вполне возможна легальная покупка или наследование (дома, земли и т.д.), то с усадьбами все сложнее. И дело отнюдь не в том, что у их владельцев не хватает денег для легальной покупки своих угодий, и даже не в том, что такая сделка противоречит существующим экологическим стандартам, ведь речь идет о многих гектарах земли и километрах берега реки. Гораздо важнее, что при оформлении подобной сделки «пустота» мгновенно исчезает. Появляется нечто, что может быть «прочитано» властью, а значит, стать объектом ее внимания. В результате пропадают удаленность и невидимость, что лишает смысла и саму сделку. Соответственно, возникает необходимость поиска иных форм легализации своих владений. Зафиксированные в ходе экспедиции практики демонстрируют, как решается эта задача.

**«Невидимки»
и власть:
как легализовать
пустоту, или кто
в доме хозяин**

Отметим, что «пустое пространство» — это отнюдь не пространство без власти, эдакая свободная земля свободных людей. Власть здесь есть, и вполне материальная. О «женщине-полковнице», которая с автоматчиками ездит по реке, мы услышали уже в ходе первой беседы. Упомянул о ней и управляющий одной из усадеб, рассказывая, что «хозяин» ругался, что ее («полковницу») не пустили в усадьбу, *«хотя сам говорил, чтобы чужих не пускали»*. То есть «хозяин» прекрасно понимал потенциальную опасность, которую несет в себе недовольство начальника местной полиции. С вниманием со стороны власти — в лице сотрудников природоохраны — пришлось столкнуться и нам самим. Правда, проявлено оно было возле Усть-Кута, а не собственно на «пустой» территории, где мы были «обнаружены». Поскольку все документы у участников экспедиции были в порядке, нас с сожалением отпустили. Но в беседе с борцами за сохранность окружающей среды высветился любопытный момент: к «местным» они индифферентны, так как *«с них ничего не возьмешь»*. А приезжие («чужие») здесь редкость.

Иначе говоря, власть остается «далекой» до тех пор, пока в «пустоте» не оказывается объектов, которые она может «прочитать» как

интересные для себя. Здесь и возникают сложности легализации усадеб. Ведь невидимым и вместе с тем понятным необходимо быть и для власти местной (районной), и для власти областной. В ходе экспедиции мы получили лишь один достоверный кейс, связанный с такой легализацией. Но он очень показателен, ибо позволяет понять не только тактику, но стратегию бытия в «пустоте», проникнуть в логику периферии власти.

Итак, в 2012 г. на территории «мертвой» деревни, малой родины одного из влиятельных районных депутатов, иркутский предприниматель закладывает церковь. Строят ее единственный местный житель и его сыновья, проживающие в соседнем городе. Им помогают (церковь отнюдь не маленькая) нанятые предпринимателем рабочие. А так как рабочим нужно где-то жить, приобретается несколько строений в деревне. Параллельно начинается строительство усадьбы. Возведение церкви получает церковную и властную санкцию. Тем самым дается санкция и на пребывание здесь самого предпринимателя.

Этот шаг легализует присутствие предпринимателя и само строительство на уровне района. Не случайно освящение церкви становится событием районного масштаба, с прибытием массы гостей, включая районное руководство и священство. О том, что *«так и не выбрался тогда на церковь посмотреть»*, сожалел информант в 2021 г.

Но стройка закончена. Соответственно, существование в этом пространстве усадьбы, да и ее «хозяйина», утрачивает основания. И тут на помощь приходит модная экологическая тема. «Хозяин» организует зарыбление одного из притоков Лены, выпуская в нее привезенных мальков. Эффективность подобного предприятия с точки зрения восстановления рыбных богатств далеко не очевидна. Но его имиджевый эффект оказался значительным. О нем как о крайне важном и прогрессивном деянии социально ответственного бизнеса пишут областные газеты и таблоиды⁵⁰, «ответственного» бизнесмена приводят в пример представители власти. Однако для нашего рассмотрения важнее другое. В устье реки устанавливается станция, которая следит за ходом рыборазведения, отгораживается чуть ли не километр берега. Он, конечно, не принадлежит бизнесмену из региональной столицы. Но всякий проникший на этот берег посягает на наследие будущих поколений. Поэтому территория и охраняется тем, кто провел зарыбление.

Другим направлением экологической активности становится разведение кабанов и маралов. Для этого, разумеется, тоже нужны работники, а значит, жилье и условия обеспечения их деятельности. Необходимо и место, где бы можно было разводить этих ценных парнокопытных, адаптировать их к дикой природе.

В результате никакой усадьбы как бы и нет. Есть долгосрочный экологический проект, осуществляемый на средства частного лица. Поскольку деньги и инициатива его, естественно, что он там часто бывает и, следовательно, где-то живет.

⁵⁰ См., напр. *Река обетованная 2018*.

Таким образом, de facto имеется «барская усадьба» в глухой тайге, с автономным энергообеспечением, высоким уровнем комфорта, рыбными и охотничьими угодьями, где даже о лицензии на охоту не надо думать, ведь животные не природные, а разведенные. Есть деревня, заселенная обслуживающими усадьбу работниками, ведется разнообразная хозяйственная деятельность, пусть и не ориентированная на продажу готовой продукции. De jure же речь идет об энтузиастах-волонтерах, озабоченных сохранением природного наследия Сибири. Иными словами, происходит легализация присутствия, но пространство остается «пустым», понятным и не интересным для власти.

Как поняли мы из беседы с (предположительно) сторожем другой усадьбы, та тоже формально числится не усадьбой, а базой для работ по углублению фарватера реки и организации навигации на этом участке. Здесь формой легализации стал статус организации. О базе говорил и работник одной из строящихся усадеб (правда, затруднился сказать, что и зачем там будет «базироваться»).

«Невидимость» является важным фактором и для «обычных дачников». Так, обитатель «дачи» в п. Молодежный убеждал нас, что он — житель поселка, как и владельцы остальных строений, которые просто сегодня уехали в город.

При этом и в «невидимом» пространстве формируются властные отношения и иерархии. Конечно, эти иерархии не столь линейны, как в учебниках по социологии. Но определенные отношения старшинства и подчиненности можно проследить.

Владельцы усадеб («олигархи») — это не просто богатые люди, но люди, способные мобилизовать власть для решения своих проблем. В случае с мэром города ситуация очевидна, но не только с ним. В ходе экспедиции мы наткнулись на комплекс относительно новых строений (баня, беседка с расчищенной площадкой перед ними), явно переживших пожар. По словам информанта, здесь собирался строиться один из «олигархов», но недовольные этой неожиданной для того времени новацией «местные», тогда более многочисленные, пожгли уже построенное, что, вопреки обыкновению, вызвало серьезные «санкции» со стороны районной полиции, традиционно глядящей сквозь пальцы на локальные конфликты. Иначе говоря, существующая на удалении власть может быть актуализирована актором из «пустоты». Как следствие, определенные властные функции в отношениях с местным сообществом, видимым и невидимым, обретают и сами «олигархи».

Даже не будучи их подчиненными, местные жители об «олигархах» знают и признают их «старшинство» (хотя и не безоговорочно). Так, однажды, когда мы собирались сделать стоянку, нас предупредили, что в этом месте лучше не останавливаться, поскольку тут «поля... олигарха».

Сами «олигархи» к местному сообществу, похоже, себя не относят. Во время пилотной экспедиции владелец одной из усадеб, говоря о соседях, имел в виду отнюдь не своих работников и единственного жителя деревни, а владельцев других усадеб. Это позволяет предположить на-

личие между ними коммуникации и если не сложившегося сообщества, то совместности.

Вполне понятно, что для своих работников «олигарх» является «хозяином», полностью заслоняющим их от власти, но тем самым принимающим на себя властные функции. Именно он определяет их иерархию. Собранный нами материал не позволяет полностью реконструировать ее структуру, однако явно выделяются два уровня — «начальственный» (бригадир, управляющий, агроном) и уровень работников. Полномочия «начальника» в отношении работников достаточно велики. В частности, от него зависит предоставление выходного, в том числе без ведома «хозяина», что вполне можно трактовать как торговлю неформальными обязательствами, на которых строится иерархия. Только «начальник» может связаться с «хозяином», именно он представляет его во время отсутствия, выстраивает текущие отношения с местной (районной) властью.

Применительно к официально проживающим «местным» иерархия не столь очевидна. Во всяком случае управляющий усадьбой обращался к местному жителю, полностью зависящему от нее в хозяйственном плане, с «просьбой». То есть речь идет скорее о партнерстве, нежели о подчинении. Не исключено, что такое партнерство является еще одним механизмом легализации, когда строительство усадьбы и присвоение пространства становятся не вторжением, а договором. Договором не с формальным правообладателем (государством), а с символическим хозяином («местными»). Как к партнерам, хотя и младшим, к «местным» относятся и владельцы «дач». Судя по наблюдениям, наличие «местных», контакты с ними упрощают легализацию пребывания, уменьшают вероятность конфликта, способны привлечь власть извне. С позиции «местных» младшими партнерами, которых можно и «не пустить», выступают «городские». Это, на наш взгляд, тоже свидетельствует о партнерских отношениях. Здесь показательно, как именуют владельцев усадеб в разном окружении. Для работников они «хозяева», для дачников — «олигархи». А «местные» чаще всего называют их просто по имени.

Каких-либо регулярных контактов между «дачниками» и владельцами усадеб обнаружить не удалось. Возможно, что это два не вполне пересекающихся пространства. Впрочем, ситуация среди «дачников» тоже неоднородная. «Дачи» довольно серьезно различаются даже внешне. В одной из обследованных деревень четко выделялись три типа строений. Дом единственного местного жителя, по сути, представлял собой типичный для Сибири деревенский дом, правда, с антенной-тарелкой... и триколором как знаком власти. Необходимо отметить, что формально «власти» (администрации или какого-нибудь бюджетного учреждения) в деревне нет. Флаг выступает в данном случае скорее маркером символической власти («я тут местный»), требующей выстраивания договорных отношений. Большинство «жилых» домов составляли «дачи»-заимки и гаражи для лодок. Наконец, на некотором удалении от основной массы домов стояли три здания, приближавшиеся по виду

к «хозяйскому» дому в усадьбе, — двухэтажные или одноэтажные с жилым мезонином, балконом с видом на реку, беседками для приятного времяпрепровождения и т.д. Информант охарактеризовал их владельцев как «бандитов», судя по контексту, подразумевая под «бандитами» не столько криминальных деятелей, сколько потенциально опасных людей, способных на силовую акцию или мобилизацию закона. Если владельцы заимок и гаражей (по словам того же информанта, «*такие же, как я, предприниматели*») однозначно признают старшинство «олигархов», то «бандиты» просто образуют иной круг «хозяев». Причем важно, что и «олигархи», и «бандиты» в состоянии инициировать появление власти в «пустоте». Именно удаленная власть (точнее, возможность ее призвать) делает эти группы главными. Коммуникации между ними нам зафиксировать не удалось, хотя в подобной ситуации избегание тоже можно рассматривать как форму коммуникации.

А вот между работниками усадеб, «дачниками» и «местными» соседские отношения вполне выстраиваются, формируются более или менее стабильные контакты на повседневном уровне. Подчеркнем, что речь идет не об «инвестициях» горожан в сельскую экономику, а именно о взаимопомощи.

⁵¹ Жительнице села.

«Ну, мы бабушке⁵¹ помогаем. Если надо или если попросит, почему не помочь? Где-то дом обновить, вспахать, если что. И она нам всегда поможет. Разное бывает. Где-то и она помогает. Нормально живем. И люди нормальные» (строитель усадьбы, около 45 лет).

Поскольку «местных» становится все меньше, видимо, в ближайшее время начнут выстраиваться отношения между работниками и «дачниками». Проживая в относительной близости, они едва ли смогут оставаться «невидимыми» друг для друга. Уже сегодня их численность существенно превосходит число «местных». Какими будут эти отношения, пока сказать трудно. Можно предположить, что в той или иной мере они будут зависеть от степени укорененности, и может оказаться, что постоянно проживающие здесь работники окажутся «более местными», чем бывшие местные жители. Статус «местного» — чуть ли не единственный, но чрезвычайно важный ресурс, и именно «торговля локальностью» обеспечивает возможность выстраивать договорные отношения и обосновывать претензии на достойное место в новой социальной иерархии. Думается, что как раз такого рода контакты и сформируют новое сообщество в «пустоте». Правда, сообщество специфическое, члены которого разделены расстоянием в десятки километров.

Сообщества же или, точнее, совместности, объединенные рекой и особой формой пространства, судя по всему, стягиваются одним важнейшим качеством, которое и толкает жителей в «пустоту». В беседах с информантами это качество обозначалось словом «хозяин». Стоит вспомнить, что именно «хозяином» называли охотников в этих местах в советский период.

Именно о чувстве «хозяина» говорила респондентка на этапе подготовки к экспедиции, подчеркивая, что многие бежали на Лену «от

колхозов», поскольку только там в советские годы можно было чувствовать себя «хозяином». На то же чувство ссылалась она и при ответе на вопрос, что заставляло людей позднее возвращаться на эти окраинные земли.

«Конечно, здесь зарплаты в те годы, особенно у охотников, были хорошие. Больше, чем в городе. Но дело не только в этом. На участке охотник — это хозяин всего. Он сам решает, где зимовье ставить, где просеку рубить <...> Ему никто не указ» (бывшая жительница п. Орлинга, 54 года, преподаватель вуза).

Одна из причин резкого сокращения населения поселков в 1990-е годы, с ее точки зрения, заключалась в том, что на место «удаленного» государства пришел местный «бизнесмен», превративший свободного охотника в работника, ибо сам по себе доход (зарплата) не компенсировал сложные условия проживания. Иными словами, именно «удаленная» власть гарантировала охотникам право быть «хозяином», тем самым определяя и весь уклад хозяйственной и социальной жизни. С ее уходом был разрушен и статус «хозяина».

«Хозяевами» называют себя владельцы «дач». Так, уже неоднократно упоминавшийся нами информант — владелец двух гектаров земли «на всякий случай» отмечал, что только здесь ощущает себя человеком.

«В Усть-Куте все достают... начальников строят. Даже жена гоняет. Я ей сказал, что на два дня поехал, а сам думал, загашусь на неделю. Здесь я сам хозяин» (житель Усть-Кута, около 35 лет, предприниматель).

Вполне ощущают себя хозяевами этих территорий, которые пустили, а могли и не пустить гостей («дачников», «олигархов»), местные жители. Показательно, что единственный легальный житель деревни с полностью возведенной усадьбой воспринимает ее владельца как партнера, который правильно вкладывает свои деньги в эту землю. Но сама земля — его, жителя. Для «олигархов» же, как и для «дачников», такое восприятие — важная форма легализации себя в этом пространстве.

Двойственно и положение работников (строителей) усадеб. Они, конечно, зависимые люди. Многие, как, например, рабочий из подвергнувшегося наводнению Тулуна, соглашались на наем, находясь в сложном положении. Кроме собственно нанимателя, над ними стоит «управляющий» (бригадир, старший). Тем не менее, как говорили нам информанты из их числа, здесь они гораздо свободнее, чем на городской стройке. Удаленность от начальства, возможность «договориться со старшим» и у них порождает «хозяйское» чувство.

Впрочем, нанятые работники (чаще «рабочие») заметно уступают в этом плане лицам, работающим на владельца усадьбы, к которым относится усадебное начальство и некоторые специалисты. Рабочие — люди временные, чьи семьи остались в «заполненном пространстве». Их наем — на конкретную работу. «Свои» же действуют в рамках иного найма. Их зависимость от владельца усадьбы намного больше, но боль-

ше и делегируемая им доля власти. Как в римских латифундиях власть доверенного раба была выше, чем власть «свободного» колона.

Однако в наибольшей степени статусу «хозяина» соответствуют владельцы усадеб. Они не просто проживают в «пустом пространстве», бегут туда от городских проблем. Они конструируют его. По сути, именно усадьбы задают стилистику новых строений на «пустых территориях». «Дачники-бандиты» в меру своих возможностей стараются воспроизвести этот стиль, который, по нашему общему мнению, более всего отсылает к «Дикому Западу», причем не в аутентичном, а в голливудском его варианте⁵². Этакий Форт-Росс на сибирском фронтире, совмещающий элементы американской колониальной архитектуры и сибирского оборонного зодчества: мощные срубы из цельных бревен с ажурными окнами в пол, балконами, видовыми галереями, внешними лестницами на второй этаж и т.д. При этом чрезвычайно важным моментом выступает обращенность строений (окон, балконов) на «дикую природу».

⁵² Полетаев 2010.

Именно здесь, как представляется, и возникает тот единственный ориентированный на внешний рынок товар, который возможен и рентабелен в данных условиях. Этот товар — фронтир, само сконструированное пространство «пустой тайги», оснащенное вполне городскими удобствами. В единственной обследованной нами достроенной усадьбе по стенам «хозяйского» дома были развешаны фотографии хозяина с гостями — известными политиками, предпринимателями и деятелями искусства самой разной идеологической направленности. Едва ли для этих людей приглашение на элитный курорт или путешествие на яхте будет чем-то особо заманчивым. Другое дело поездка в «дикую тайгу», охота на маралов, рыбалка на дикой реке.

Более или менее очевидно, что речь не идет об оплате такой поездки. Рентабельность данной услуги скорее иного рода. Уникальная услуга в уникальном пространстве позволяет сконструировать сеть. Используется ли эта сеть как средство перемещения с регионально-го уровня на федеральный или повышает рейтинг хозяина в региональном сообществе, на основе наличного материала судить трудно. Но предположить ее эффективность вполне допустимо. В принципе изучение подобного рода сетей составляет отдельную исследовательскую задачу. В данном же случае для нас важно то, что именно здесь, в «пустоте», выстраиваются сети дружбы и привязанности. Тем более что статусное потребление «пустоты», использование ее для формирования связей просматриваются и на уровне «дач» и «заимок». Как заметил один из информантов, «обычные дачи» у ленивых или бедных, «крутые» же обзаводятся «дачами» тут (на обследуемом «пустом» участке). Сам он тоже ехал на «дачу» для встречи с «корешами».

Все это дает основания для гипотезы, что мы имеем дело не со случайным кейсом, а с неким более общим процессом разделения места для зарабатывания денег и места для жизни. Первое локализовано в городе и на сегодняшний день полностью детерминировано властью,

⁵³ См., напр. Ольденбург 2014.

причем чем крупнее город, чем он столичнее, тем проще заработать деньги. Второе, напротив, максимально дистанцировано, располагаясь на краю государства, но, что важно, не за его пределами. Если в классических моделях и работа, и дом, и локус формирования социальных взаимосвязей («третье место» в терминологии Рэя Ольденбурга) находятся в городе⁵³, то в нашем случае, который становится все более распространенным, полностью в городе остается только работа. Дом разделяется между пространством власти («городское жилье») и пространством на краю государства («жилье для жизни»). Третье же место целиком выносится на периферию. Там человек реализует себя с помощью городских ресурсов, там он любит, дружит, живет.

Но сама возможность появления подобного пространства, его границы и условия существования, как представляется, задаются тем типом власти, который мы обозначили термином «властная периферия». Здесь нет или почти нет властных агентов. Они присутствуют как потенция, но могут быть актуализированы привилегированными обитателями пространства, тем самым обретающими особый статус. Существовая в виде потенции, такая власть определяет и границы пространства — ведь совсем рядом (в райцентрах) ее присутствие вполне зримо. Устанавливает она и правила, в рамках которых реализуема «невидимость», а значит, и сама возможность пространства для жизни. Не случайно так тщательно выстраиваются модели легализации пребывания на этой территории «олигархов», да и не только «олигархов».

Насколько устойчивой окажется эта ситуация, на данный момент сказать трудно. Однако пока она есть, протестная активность в городах (центрах власти) на востоке России будет минимальной, а «пространство выхода» будет расширяться, образуя все новые формы «пустоты».

Библиография

- Алексеев Н.Н. (1998) *Русский народ и государство*. М.: Аграф.
- Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.
- Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2021) «Без лидеров, лозунгов и транспарантов: борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов востока России (На примере Хабаровска)» // *Полития*, № 1 (100): 75—105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (проверено 5.12.2021).
- Бляхер Л.Е. и К.В.Григоричев. (2020) «„Острова в тайге“: формы (ре)освоения „пустого пространства“ на востоке России» // *Полития*, № 2 (97): 158—181. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-158-181.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-158-181.pdf) (проверено 5.12.2021).
- Бляхер Л.Е. и Т.Л.Огурцова. (2006) «Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (проверено 5.12.2021).

Бляхер Л.Е., К.В.Григоричев и Ю.В.Елохина. (2021) «Принуждение к enforcement'у, или Государство в поисках силового оператора» // *Полития*, № 2 (101): 47–67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (проверено 5.12.2021).

Бухаева Т.Г. и М.В.Рагулина. (2019) «Криминальная география и незаконные рубки леса в Иркутской области» // *Московский экономический журнал*, № 9: 65–75.

Вагин В.В. (1997) «Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства» // *Мир России: Социология. Этнология*, т. 6, № 4: 53–88.

Вахтина М.А. (2011) «Доверие к государству как фактор повышения его эффективности» // *Журнал институциональных исследований*, т. 3, № 3: 57–65.

Гайдар Е. (2005) *Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории*. М.: Дело.

Григоричев К.В. (2013) *В тени большого города: социальное пространство пригорода*. Иркутск: Оттиск.

Дятлов В.И. (2021) «„Частный сектор“ советского города: дома, дворы и люди в словах и образах» // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 1: 19–29. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2021-1/_2021_1_19-29.pdf (проверено 5.12.2021).

Каганский В.Л. (2001) *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей*. М.: Новое литературное обозрение. URL: <http://identityworld.ru/Monograhii/Kaganskij.pdf> (проверено 5.12.2021).

Капустина Е.Л. (2008) «Практика сезонной трудовой миграции как механизм регулирования экономических и социальных отношений в республике Дагестан» // *Демоскоп Weekly*, № 355–356. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (проверено 26.10.2021).

Кибалов Е.Б. (2005) «Долгое время отрицательного отбора» // *ЭКО*, № 7: 61–75.

Кордонский С.Г. (2008) *Сословная структура постсоветской России*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Маклюэн М. и К.Фиоре. (2012) *Война и мир в глобальной деревне*. М.: АСТ; Астрель.

Мельникова Л.В. (2004) «Освоение Сибири: ревнивый взгляд из-за рубежа» // *ЭКО*, № 6: 99–119.

Моляренко О.А. (2013) «Распределенный образ жизни и контурбанизационные процессы как факторы развития сельских и городских поселений» // *Вопросы государственного и муниципального управления*, № 1: 48–71. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/04/1314335643/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (проверено 5.12.2021).

Моляренко О.А. (2017) «Государственные практики конструирования статистических иллюзий, или „Мертвые зоны“ отечественной статистики» // *Социологический журнал*, т. 23, № 4: 104–120. URL:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5531/5715> (проверено 5.12.2021).

Нефедова Т.Г. (2012) «Горожане и дачи» // *Отечественные записки*, № 3: 204—216.

Ольденбург Р. (2014) *Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества*. М.: Новое литературное обозрение.

Панеях Э.Л. (2003) «Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый» // *Политическая наука*, № 1: 33—52.

Плюсин Ю.М., Я.Д.Заусаева, Н.Н.Жидкевич и А.А.Позаненко. (2013) *Отходники*. М.: Новый хронограф.

Полетаев Д. (2010) *Форт Росс*. М.: АСТ; Зебра Е.

«Река обетованная, или Особенности национального зарыбления». (2018) // *Байкал* 24, 3.07. URL: https://baikal24.ru/text/03-07-2018/reka_obet/ (проверено 5.12.2021).

«Сергей Шойгу — о новых городах в Сибири. Полная версия» // *РБК*, 6.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (проверено 5.12.2021).

Сулов Е.В. (2011) «Политическая периферия как территория торжествующего авторитаризма» // *Политическая наука*, № 4: 242—244.

Тагиев М.И. (2018) «Формы проявления теневой экономики в лесозаготовительной промышленности и инструменты борьбы с ней» // *Известия Байкальского государственного университета*, т. 28, № 4: 711—718.

Трейвиш А.И. (2010) «„Сжатие“ пространства: трактовка и модели» // *Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования*. М.: Эслан: 16—31. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf> (проверено 5.12.2021).

Флоринская Ю.Ф. (2006) «Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания» // *Социологические исследования*, № 6: 79—87. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/199/801/1219/011_Florinskaya.pdf (проверено 5.12.2021).

Bliakher L. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Bone R.M. (2016) *The Canadian North: Issues and Challenges*. Oxford: Oxford University Press.

Etzioni A. (1998) «Voluntary Simplicity: Characterization, Select Psychological Implications, and Social Consequences» // *Journal of Economic Psychology*, vol. 19: 619—643.

Hill F. and C.Gaddy. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institution Press.

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Malden (MA): Blackwell.

Sassen S. (2001). *The Global City: New York, London*. Princeton: Princeton University Press.

Schweitzer P., O.Povoroznyuk, and S.Schiesser. (2017) «Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North» // *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1: 58—85.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

Tilly Ch. (1997) «How Empires End» // Barkey K. and M. von Hagen, eds. *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford: Westview Press: 1—11.

L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov
ON THE EDGE OF THE STATE:
POLITICAL FORMATION
OF THE PERIPHERY OF POWER

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Konstantin V. Grigorichev — Doctor of Sociology; Vice-Rector for Research and International Affairs at Irkutsk State University; Professor of Siberian Federal University (Krasnoyarsk). Email: grigoritchev@yandex.ru.

Ivan O. Peshkov — Ph.D. in History; Professor of the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences and Adam Mickiewicz University (Poznan). Email: ivanpeshkov2007@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of a special political form that arises in the “empty space” on the “edge of the state”, where actors of power exist remotely, beyond the boundaries of the “emptiness”, but they can be materialized in it. The authors use the term “periphery of power” to describe this political form. The article shows that “empty space” is not a vacuum, but it does not contain what the observer (in this case, the authorities) expects to see, what he can read and comprehend as some kind of entity. It is the absence of the expected objects, actors and practices that makes the space “empty”.

The paper verifies the hypothesis that, being “empty” for an observer, such space is populated and has authorities. Empirically, the study is based

on the results of two field works to the upper Lena River. The territory has neither settlement structure nor legal economic activity, and the number of registered residents is minimal. The nearest authorities (police, environmental protection, municipal authorities, etc.) are located on the borders of the territory, and the distance to the nearest large city (Irkutsk) is 500–700 km. Nevertheless, the field work there revealed a fairly large community with its own hierarchy, stable forms of communication, legalization and mobilization of remote authorities. For members of this community, staying in the “empty territory” makes no sense from the economic point of view. They are registered in other places (district centers or other regional cities, including capitals) and represent relatively successful citizens. However, the city remains for them nothing else but a source of resources (material, financial, etc.). They live exactly in the “empty space”. Social networks are formed in it, statuses and communication are built, which can be turned into the space of power.

The insights that the authors obtained give ground to assume that this process is not an outlier, but rather represented a more general process of separating a place to earn money and a place to live. According to their conclusion, while maintaining the current trends, the “exit space” documented by them will expand, forming more and more new forms of “emptiness”.

Keywords: periphery of power, empty space, (re)development, power center, political actors, informal communication

References

- Alekseev N.N. (1998) *Russkij narod i gosudarstvo* [The Russian People and the State]. Moscow: Agraf. (In Russ.)
- Bliakher L. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.
- Bliakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljajemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Unmanageable Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2021) “Bez liderov, lozungov i transparantov: bor'ba za gorod i rutinnoe soprotivlenie v chastnom sektore gorodov vostoka Rossii (Na primere Khabarovska)” [Without Leaders, Mottos or Billboards: Fight for the City and Routine Resistance in the Private Sector of Cities in East Russia (Case of Khabarovsk)] // *Politeia*, no. 1 (100): 75–105. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-75-105.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-75-105.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E. and K.V.Grigorichev. (2020) “„Ostrova v tajge“: formy (re)osvoenija „pustogo prostranstva“ na vostoce Rossii” [“Islands in Taiga”: Forms of (Re)Development of “Empty Space” in the East of Russia] // *Politeia*, no. 2 (97): 158–181. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2\(97\)-158-181.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-158-181.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)
- Bliakher L.E., K.V.Grigorichev, and Yu.V.Elokhina. (2021) “Prinuzhdenie k enforcement'u, ili Gosudarstvo v poiskakh silovogo operatora” [Forced Enforcement, or The State in Search of Enforcer] // *Politeia*, no. 2 (101):

47—67. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2\(101\)-47-67.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-2(101)-47-67.pdf) (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Blyakher L.Ye. and T.L.Ogurtzova. (2006) “Prıkljucheniya legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumptsii vinovnosti” [Adventures of Power Legitimacy in Russia, or Reviving of the Presumption of Culpability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Bone R.M. (2016) *The Canadian North: Issues and Challenges*. Oxford: Oxford University Press.

Bukhaeva T.G. and M.V.Ragulina. (2019) “Kriminal’naja geografija i nezakonnye rubki lesa v Irkutskoj oblasti” [Criminal Geography and Illegal Logging in Irkutsk Region] // *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal* [Moscow Journal], no. 9: 65—75. (In Russ.)

Dyatlov V.I. (2021) “„Chastnyj sektor“ sovetskogo goroda: doma, dvory i ljudi v slovakh i obrazakh” [“Private Sector” of the Soviet City: Houses, Yards and People in Words and Images] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ecumene. Regional Researches], no. 1: 19—29. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2021-1/_2021_1_19-29.pdf (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Etzioni A. (1998) “Voluntary Simplicity: Characterization, Select Psychological Implications, and Social Consequences” // *Journal of Economic Psychology*, vol. 19: 619—643.

Florinskaya Yu.F. (2006) “Trudovaja migratsija iz malykh rossijskikh gorodov kak sposob vyzhivaniya” [Labor Migration from Minor Russian Towns as a Way to Survival] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6: 79—87. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/199/801/1219/011_Florinskaya.pdf (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Gaidar E. (2005) *Dolgoe vremja. Rossija v mire: Oчерki ekonomicheskaj istorii* [A Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. Moscow: Delo. (In Russ.)

Grigorichev K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the Shadow of Big City: the Social Space of Suburbs]. Irkutsk: Ottisk. (In Russ.)

Hill F. and C.Gaddy. (2003) *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Washington: Brookings Institution Press.

Kaganskiy V.L. (2001) *Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sbornik statej* [Cultural Landscape and Soviet Habitable Space: Collection of Articles]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. URL: <http://identityworld.ru/Monograhii/Kaganskiy.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Kapustina E.L. (2008) “Praktika sezonnoj trudovoj migratsii kak mekhanizm regulirovaniya ekonomicheskikh i sotsial'nykh otnoshenij v respublikе Dagestan” [Seasonal Labor Migration as a Mechanism for Regulating Economic and Social Relations in the Republic of Dagestan] // *Demoskop*

Weekly, no. 355—356. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/analit03.php> (accessed on 26.10.2021). (In Russ.)

Kibalov E.B. (2005) “Dolgoe vremja otritsatel’nogo otbora” [A Long Time of Negative Selection] // *EKO* [ECO Journal], no. 7: 61—75. (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2008) *Soslovnaja struktura postsovetskoj Rossii* [Estate Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow: Institut Fonda “Obshchestvennoe mnenie”. (In Russ.)

Lefebvre H. (1991) *The Production of Space*. Malden (MA): Blackwell.

McLuhan M. and Q.Fiore. (2012) *Vojna i mir v global’noj derevne* [War and Peace in the Global Village]. Moscow: AST; Astrel’. (In Russ.)

Mel’nikova L.V. (2004) “Osvoenie Sibiri: revnivij vzgljad iz-za rubezha” [The Development of Siberia: a Jealous View from Abroad] // *EKO* [ECO Journal], no. 6: 99—119. (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2013) “Raspredeleennyj obraz zhizni i kontrurbanizatsionnye protsessy kak faktory razvitija sel’skikh i gorodskikh poselenij” [A Distributes Way of Life and Counter-Urbanization Processes as Development Factors of Rural and Urban Settlements] // *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravlenija* [Public Administration Issues], no. 1: 48—71. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/04/1314335643/%D0%9C%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Molyarenko O.A. (2017) “Gosudarstvennye praktiki konstruirovaniya statisticheskikh illjuzij, ili „Mertvye zony“ otechestvennoj statistiki” [The State Practice of Constructing Statistical Illusions, or “Dead Zones” in National Statistics] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], vol. 23, no. 4: 104—120. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5531/5715> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Nefedova T.G. (2012) “Gorozhane i dachi” [Townspeople and Dachas] // *Otechestvennye zapiski* [OZ: Journal of Russian Thought], no. 3: 204—216. (In Russ.)

Oldenburg R. (2014) *Tret’e mesto: kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafés, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons and Other Hangouts at the Heart of a Community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Paneyakh E.L. (2003) “Neformal’nye instituty i formal’nye pravila: zakon dejstvujushchij vs. zakon primenjaemyj” [Informal Institutions and Formal Rules: the Law in Force versus the Applicable Law] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 33—52. (In Russ.)

Plusnin Yu.M., Ya.D.Zausaeva, N.N.Zhidkevich, and A.A.Pozanenko. (2013) *Otkhodniki* [Wandering Workers]. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)

Poletaev D. (2010) *Fort Ross* [Fort Rozz]. Moscow: AST; Zebra E. (In Russ.)

“Reka obetovannaja, ili Osobennosti natsional’nogo zaryblenija” [The Promised River, or Features of National Stocking]. (2028) // *Baikal 24*,

3.07. URL: https://baikal24.ru/text/03-07-2018/reka_obet/ (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Sassen S. (2001). *The Global City: New York, London*. Princeton: Princeton University Press.

Schweitzer P., O.Povoroznyuk, and S.Schiesser. (2017) “Beyond Wilderness: Towards an Anthropology of Infrastructure and the Built Environment in the Russian North” // *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1: 58–85.

Scott J.C. (2009) *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven, London: Yale University Press.

“Sergey Shoygu — o novykh gorodakh v Sibiri. Polnaja versija” [Sergey Shoygu — about New Cities in Siberia. Full Version] // *RBC*, 6.09. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/09/2021/6131fab69a79471a71a0b412> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Suslov E.V. (2011) “Politicheskaja periferija kak territorija torzhestvujushchego avtoritarizma” [Political Periphery as the Territory of Triumphant Authoritarianism] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 242–244. (In Russ.)

Tagiev M.I. (2018) “Formy projavlenija tenevoj ekonomiki v lesozagotovitel’noj promyshlennosti i instrumenty bor’by s nej” [Shadow Economy Forms of Manifestation and Tools to Combat It in the Timber Industry] // *Izvestija Bajkal’skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], vol. 28, no. 4: 711–718. (In Russ.)

Tilly Ch. (1997) “How Empires End” // Barkey K. and M. von Hagen, eds. *After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*. Boulder, Oxford: Westview Press: 1–11.

Treivish A.I. (2010) “„Szhatie“ prostranstva: traktovka i modeli” [Space Compression: Interpretation and Models] // *Szhatie sotsial’no-ekonomicheskogo prostranstva: novoe v teorii regional’nogo razvitija i praktike ego gosudarstvennogo regulirovanija* [Compression of Socio-Economic Space: New in the Theory of Regional Development and the Practice of Its State Regulation]. Moscow: Eslan: 16–31. URL: <http://www.ecoross.ru/files/books2010/Sjatie%20prostranstva,%202010.pdf> (accessed on 5.12.2021). (In Russ.)

Vagin V.V. (1997) “Russkij provintsial’nyj gorod: kljuchevye elementy zhizneustrojstva” [The Russian Provincial City: Key Elements of the Structure of Life] // *Mir Rossii: Sotsiologija. Etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], vol. 6, no. 4: 53–88. (In Russ.)

Vakhtina M.A. (2011) “Doverie k gosudarstvu kak faktor povyshenija ego effektivnosti” [Thrust in the State as a Factor of Increasing Its Efficiency] // *Zhurnal institucional’nykh issledovanij* [Journal of Institutional Studies], vol. 3, no. 3: 57–65. (In Russ.)

ПОЛИТИЯ

А. В. Семенов

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ГОЛОСОВАНИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В РОССИИ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00444 А «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России»).

Андрей Владимирович Семенов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: andreysemenov@comparativestudies.ru.

Аннотация. Будучи одной из важнейших форм самоидентификации, этничность играет важную роль во многих политических процессах, в том числе в электоральном. Существует немало исследований, фиксирующих систематическую связь между этнической идентичностью и голосованием. Вместе с тем действие механизмов, связывающих этничность и голосование на индивидуальном уровне, изучено недостаточно. Остается дискуссионным и вопрос об их эффективности. В статье, опираясь на материалы фокус-групповых дискуссий в малых населенных пунктах пяти этнических республик РФ, автор анализирует работу таких механизмов и пытается оценить их возможные эффекты в российском контексте.

Проведенное им исследование показывает, что в голосовании на местном уровне этнический фактор проявляет себя очень слабо. Хотя этническая идентификация позволяет снизить информационную неопределенность за счет наличия общих культурных маркеров, эти маркеры не являются единственным и даже приоритетным основанием выбора — не меньшее, а то и большее значение имеют социально-экономическая повестка и личные качества кандидатов. Практически не прослеживается и влияние на электоральное поведение таких механизмов, как обусловленное этничностью групповое давление и политические машины. Полученные результаты ставят под вопрос ряд заключений, базирующихся на кросс-секционном анализе агрегированных данных, свидетельствуя о том, что если этничность и играет роль при голосовании, то эта роль опосредована другими факторами.

Ключевые слова: этничность, голосование, информационная неопределенность, эффекты группы, политические машины

Введение

Этничность, то есть разделяемые убеждения в общем происхождении группы, базирующиеся на единстве языка, религии и иных культурных маркеров, давно привлекает пристальное внимание политических исследователей. Будучи одной из важнейших форм самоидентификации, она в значительной мере задает пространство индивидуального политического выбора: формируя границы сообществ на основе языка, религии или общего наследия, этническая принадлежность определяет линии конфликтов и сотрудничества в обществе². Этнические группы становятся фундаментом для формирования политических партий, административно-территориальных единиц, электоральных машин и сетей доверия³. Иначе говоря, этничность играет фундаментальную роль во многих политических процессах, в том числе в электоральном.

Существует немало исследований, фиксирующих систематическую связь между этнической идентичностью и голосованием⁴. Вместе с тем, проанализировав большой пласт работ, посвященных этническому голосованию, Мидхат Фарукшин вынужден констатировать, что оно «представляет сложное и противоречивое явление»⁵. Консенсус по поводу эффектов этнической идентичности в электоральной сфере отсутствует. В немалой степени это объясняется тем, что такие эффекты чрезвычайно сложно изолировать от иных факторов — ведь, как справедливо замечает Джон Хьюбер, «у избирателей есть и другие интересы и идентичности, столь же или более важные»⁶.

Не раз становилось предметом изучения и этнически окрашенное голосование в России. По заключению Дмитрия Горенбурга, еще в советский период этническая идентичность стала «доминирующей формой самоидентификации среди нерусского населения по всему Советскому Союзу»⁷. Неопределенность первых постсоветских лет лишь усилила потребность в стабильных идентификационных маркерах, что привело к закреплению этничности в качестве устойчивого фактора электорального процесса⁸. И хотя в условиях, когда в стране доминирует русский этнос, а «другие являются небольшими по размеру и фрагментированными», этнические размежевания не имеют значимых электоральных последствий⁹, целый ряд недавних исследований указывает на роль в определении паттернов голосования не просто этнической идентичности, но и формального статуса ее носителей (титульный vs нетитульный этнос)¹⁰.

Тем не менее действие механизмов, связывающих этничность и голосование на индивидуальном уровне, изучено недостаточно. Остается дискуссионным и вопрос об их эффективности. В настоящей статье, отталкиваясь от имеющихся на сегодняшний день теоретических моделей этнического голосования, я попытаюсь проанализировать работу таких механизмов и, опираясь на данные эмпирического исследования, оценить их возможные эффекты в российском контексте.

² Lijphart 1979; Horowitz 2000; Esteban, Mayoral, and Ray 2012; Борусова 2017.

³ Chandra 2005, 2007; Wilkinson 2006; Hale 2008.

⁴ Dunning and Harrison 2010; Madrid 2011; Goodnow and Moser 2012.

⁵ Фарукшин 2016: 86.

⁶ Huber 2012: 1000.

⁷ Gorenburg 2003: 3.

⁸ Goodnow, Moser, and Smith 2014; Saikkonen 2015; Moser and White 2016.

⁹ Rose, Tikhomirov, and Mishler 1997: 805.

¹⁰ White 2015, 2021; White and Saikkonen 2017.

**Этническое
голосование:
теория
и методология
исследования**

Фактор этничности в голосовании во многом представляет собой загадку. С одной стороны, голосование является индивидуализированным актом и в первую очередь определяется персональными характеристиками голосующего. С другой стороны, электоральные предпочтения формируются под воздействием окружающей среды, значимым элементом которой выступают референтные группы. Каким образом этническая идентичность может влиять на индивидуальный политический выбор? Исследователями было выделено несколько механизмов, теоретически способных обеспечить такое влияние.

В основе первого механизма лежит информационная неопределенность, неизбежно сопутствующая ситуации выбора. Когнитивные издержки при принятии электорального решения чрезвычайно велики: избирателю нужно изучить и сопоставить программные установки множества кандидатов и партий, а также оценить вероятность их победы. Этническая идентичность сужает пространство возможного выбора по ряду принципиальных позиций (язык, культура, территориальное самоуправление и т.д.), тем более что принадлежность к этнической сети играет немаловажную роль в повседневной жизни человека, снижая риск оказаться без средств к существованию и помогая найти собственную нишу. Не случайно ряд кандидатов намеренно задействует этнические маркеры, чтобы мобилизовать избирателей¹¹.

¹¹ Hale 2008.

Вторым механизмом, связывающим этничность и голосование, являются разнообразные эффекты группы (peer-effects), включая групповое давление (peer-pressure). Поскольку для многих индивидов социальное одобрение важнее рациональных расчетов, в своем поведении они ориентируются на членов значимой группы, чье поощрение для них значит больше, чем потенциальные выгоды от идущих вразрез с групповыми установками действий. Эффекты группы особенно сильны в сообществах с сильной внутригрупповой солидарностью (например, небольших по размеру и компактных территориально либо сталкивающихся с угрозами извне)¹².

¹² Kling, Liebman, and Katz 2007; Fafchamps, Vaz, and Vicente 2020.

Наконец, этнически окрашенное голосование может быть результатом функционирования политических машин — плотных патрон-клиентских сетей взаимодействия в местных сообществах, основанных на этнических маркерах и обеспечивающих распределение благ в обмен на голосование¹³. Модель политических машин впервые была описана на материале США XIX — начала XX в.¹⁴, где «партийные боссы» из больших городов вроде Чикаго или Нью-Йорка задействовали этнические связи для мобилизации электората. Аналогичным образом подобные машины используются и в России¹⁵, хотя их эффективность и устойчивость не везде одинакова¹⁶.

¹³ Шкель 2019.

¹⁴ Golosov 2013.

¹⁵ Golosov 2014.

¹⁶ Shkel 2021.

Как уже говорилось, роль этнического фактора в голосовании в России не ставится под сомнение. Однако степень, направление, характер и конкретные механизмы его влияния по-прежнему вызывают споры. Важно также учитывать, что проживающие в стране этнические группы неоднородны: некоторые из них имеют институционально за-

крепленные границы в виде соответствующих субъектов Федерации, другие существуют в форме анклавов (как татары в Башкирии) или вообще лишены территориальной субъектности¹⁷. При этом этничность поддерживается не только через территориальное выделение, но и с помощью языковой политики¹⁸, национально-культурных автономий¹⁹ и иных средств²⁰.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования этнического голосования в России по большей части носят кросс-секционный характер²¹ либо опираются на данные массовых социологических опросов²². В гораздо меньшей степени исследователи обращаются к изучению отдельных случаев и другим методам, позволяющим уточнить действие тех или иных механизмов. Между тем кросс-секционный анализ чреват «экологическими ошибками», то есть ошибочной экстраполяцией связей группового уровня на индивидуальный, тогда как опросные инструменты не всегда в состоянии отразить комплексные связи, к которым относится и связь между этнической идентичностью и политическим выбором.

Возможность отчасти преодолеть эти методологические проблемы, на мой взгляд, открывает метод фокус-групп, который позволяет исследователю проследить связи между интересующими его процессами в «естественной» среде многостороннего разговора²³. В ходе дискуссии обычно выявляются основные позиции и способы их обоснования, кроме того, ее участники нередко приводят развернутые примеры, иллюстрирующие их аргументы.

В настоящей работе я опираюсь на материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных исследовательским коллективом проекта «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России» Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского университета в 2020—2021 гг. в пяти этнических республиках РФ — Башкортостане, Татарстане, Коми, Чувашии и Якутии. Регионы отбирались таким образом, чтобы максимально отразить вариацию в этнической композиции, экономике и географии. В каждом регионе были отобраны села с преобладанием титульной этнической группы. Выбор в пользу проведения фокус-групп именно там объяснялся двумя соображениями: во-первых, поскольку конкурирующих идентичностей на селе гораздо меньше, чем в городе, влияние этнического фактора в сельской местности должно быть особенно четко выражено; во-вторых, в условиях преобладания определенной группы ее воспроизводство закрепляется через язык и/или религиозные и иные обряды. Иными словами, ввиду того, что этничность на селе «повседневна», ее использование в ситуации голосования будет максимально артикулировано. Общие характеристики локаций проведения фокус-групп представлены в *табл. 1*.

В дискуссиях, продолжавшихся от одного до двух часов, участвовали 12—15 человек; модерирование осуществлялось членами иссле-

¹⁷ Панов 2019.

¹⁸ Борисова 2017; Мухарямов и Януш 2020.

¹⁹ Сулимов 2016.

²⁰ Семенов 2016.

²¹ White 2014, 2021; White and Saikkonen 2017.

²² Rose, Tikhomirov, and Mishler 1997; Hale 2006.

²³ Дмитриева 1999; Белановский 2017.

Таблица 1 Локации проведения фокус-групп

<i>№</i>	<i>Республика</i>	<i>Доля титульного этноса (в %)</i>	<i>Район, село</i>	<i>Дата</i>	<i>Число участников</i>	<i>Этническая принадлежность участников</i>
1	Башкортостан (1)	29,5	Куюргазинский р-н, с. Якшимбетово	26.10.2020	15	Башкиры
2	Башкортостан (2)	29,5	Чекмангушевский р-н, с. Чекмангуш	06.09.2020	15	Татары
3	Татарстан (1)	53,2	Альметьевский р-н, с. Надырово	12.09.2020	12	Татары
4	Татарстан (2)	53,2	Актанышский р-н, с. Актаныш	27.10.2020	15	Татары
5	Коми	23,7	Усть-Куломский р-н, с. Дон	27.04.2021	12	Коми
6	Чувашия	67,7	Чебоксарский р-н, с. Сархорн	23.04.2021	15	Чуваши
7	Саха (Якутия)	49,9	Намский р-н, с. Намцы	23.06.2021	15	Якуты

довательской группы на основе гайда, который включал в себя блок вопросов, касавшихся связи этничности и электорального поведения с учетом обозначенных выше объяснительных моделей. Состав групп оказался не совсем однородным: в одной из них были только работники образовательной сферы (Башкортостан-1), в другой — представители местной общины (Чувашия), участники третьей относились к нетитульному этносу в этническом субъекте РФ (Башкортостан-2). Понятно, что разница в составе несколько смещала акценты дискуссии, однако в целом информативность всех фокус-групп с точки зрения целей настоящего исследования не вызывает сомнений.

Дополнительным источником данных послужили 19 неформализованных интервью с экспертами из каждого из регионов, в число которых вошли исследователи, политические технологи, представители общественных организаций и политических партий. Экспертные мнения позволили уточнить некоторые значимые характеристики контекста, а также отдельные предположения относительно работы гипотетических механизмов.

**Этническая
и голосование
в фокус-групповых
дискуссиях**

Какие механизмы лучше всего раскрывают связь между этнической самоидентификацией и электоральным поведением? В теоретической части статьи были рассмотрены три модели, претендующие на ответ на этот вопрос, — информационной неопределенности, групповых эффектов и политических машин. Но прежде чем переходить к анализу их объяснительной силы, имеет смысл остановиться на некоторых общих установках участников дискуссий, которые отражают контекст.

Прежде всего стоит обратить внимание на чрезвычайно низкое доверие к выборам как институту и процедуре. С одной стороны, большинство респондентов говорили о том, что на выборы ходят, в основном объясняя свои действия привычкой, желанием перемен или гражданским долгом. Особенно активно на необходимости явки настаивали пенсионеры, связывая ее с предоставлением благ: *«наш выбор помогает, нам за это пенсию дают»* (Ж., 80, Татарстан-1). С другой стороны, в честный подсчет голосов почти никто не верит, равно как и в значимые последствия голосования. Те, кто признавался в абсентеизме (как правило, это были мужчины с независимыми источниками дохода и/или высоким уровнем образования), прямо ссылались на то, что ходить на выборы бесполезно, с чем так или иначе соглашались и остальные.

Процедурную легитимность избирательного процесса существенно подрывает административное принуждение. Почти все респонденты упоминали либо о прямой административной мобилизации работников бюджетной сферы и крупных предприятий, либо о настойчивости со стороны членов избирательной комиссии (когда речь шла о пенсионерах), которые могут получать прямую выгоду (премии) от грамотной организации явки. Однако, как следует из слов респондентов, административный контроль над выборами не имеет этнической окраски: он осуществляется по линии крупных предприятий и государственных/муниципальных служащих. Главным же аргументом тех, кто все-таки полагал, что выборы проходят относительно честно, было наличие наблюдателей и камер наблюдения. Респонденты с опытом работы в избирательных комиссиях также отмечали, что «рисуют» финальные цифры на более высоком уровне, а на местном все проходит более или менее нормально.

Наконец, третьей общей для всех дискуссий чертой было недоверие к правящей партии. Респонденты подчеркивали, что «Единая Россия» не выполняет обещаний, на селе партии почти не видно, ничего полезного для избирателей она не делает и вообще это *«фиктивная партия»* (М., 40+, Татарстан-2). Примечательно, что такое мнение распространено во всех возрастных когортах, включая пенсионеров, порой артикулировавших весьма радикальные его версии: *«„Единая Россия“ — это же едим Россию! Медведев-то ест уже Россию!»* (Ж., 60, Чувашия). При этом респонденты не сомневались, что до тех пор, пока партию поддерживает Владимир Путин, она будет оставаться у власти.

Таким образом, можно констатировать, что для подавляющего большинства респондентов электоральный выбор осуществляется в ситуации, когда индивидуальный голос в принципе значит немного, а результаты волеизъявления всегда могут быть изменены в пользу «партии власти», которой доверяет явное меньшинство. Иначе говоря, хотя голосование *per se* считается важным гражданским актом, институциональная среда и контекст в значительной степени обесценивают его.

Позволяет ли этническая самоидентификация снизить информационную неопределенность при выборе кандидата или партии? Другими словами, помогает ли она быстрее и эффективнее определиться с выбором? При обсуждении блока вопросов, касающихся оснований индивидуального выбора, респонденты практически не ссылались на этнический фактор. Речь шла в первую очередь о программных положениях и общих установках кандидатов и партий, их отношении к ключевым общественным проблемам (пенсионной реформе, состоянию медицины и образования, социальному неравенству). Нередко упоминались также профессионализм и личные качества. *«Если он пустышка, как я буду за него голосовать как за представителя коренного населения?»* — пояснила свою позицию одна из участниц фокус-группы в Якутии (Ж., 60+). Немалую роль в глазах многих играла и принадлежность кандидата к «своим», «местным»: *«Главное, чтобы [кандидат] вырос здесь, учился, знал все наши проблемы»* (Ж., 60+, Якутия). Как заметил один из респондентов, *«местный — да, а национальность, язык не имеют значения»* (М., 30+, Якутия).

Несколько участников фокус-группы в Якутии, правда, сказали, что будут голосовать именно за кандидата-саха, то есть за представителя титульного для республики этноса. Обосновывая такую установку, одна из ее сторонниц заявила: *«У нас язык исчезает, народ исчезает, и последняя надежда, чтобы был человек-саха. Он не предаст свой народ»* (Ж., 60+, Якутия). Другим аргументом в пользу подобного выбора было то, что кандидат из иной этнической группы, как правило, не владеет якутским языком, а потому ему будет труднее понимать людей и реагировать на их проблемы. Однако в целом сильно выраженных предпочтений кандидатов от титульного этноса, когда этническая принадлежность перекрывает другие качества, почти не наблюдалось, либо эта позиция не артикулировалась.

Иное дело «культурная близость» избираемых политиков и должностных лиц (например, глав регионов). Публичная демонстрация уважения к языку титульного этноса и национальной культуре воспринимается однозначно позитивно и является значимым, хотя и недостаточным условием электоральной поддержки. В ходе фокус-групповой дискуссии в Якутии респонденты с одобрением отмечали, что глава республики *«говорит на хорошем литературном национальном языке»* (М., 30+), *«выступает в национальной одежде»* (М., 40+), поддерживает национальные праздники и национальное телевидение. Позитивно

отзывались о работе руководства республики по поддержке национального языка и культуры и татарстанские респонденты. По словам одного из них, хорошо, когда глава республики — татарин, однако важно не само этническое происхождение, а «уважение к культуре, традициям, языку, даже если башкир» (М., 30+, Татарстан-1). Если этническая принадлежность и снимает неопределенность, то только в ситуации, когда кандидаты примерно равны, но один из них принадлежит к той же этнической группе, что и избиратели. В этом случае практически все респонденты отдавали предпочтение «этническому кандидату».

Итак, материалы фокус-групповых дискуссий не подтверждают, что этничность является сколько-нибудь значимым фактором снижения информационной неопределенности. Но, может быть, она проявляет себя за счет эффекта группового давления? Многие респонденты действительно отмечали, что у них нетрудно отследить, кто ходит на выборы, а кто нет, однако по причинам, меньше всего связанным с этничностью или этническими сетями. Только один респондент заявил, что «мы малый народ, поэтому нам надо голосовать вместе» (М., 40+, Якутия). Остальные указывали на плотность социальных связей на селе: «мы не в мегаполисе живем, не хочется выделяться» (Ж., 60+, Якутия); «в деревне все друг друга знают» (М., 30+, Татарстан). Примечательно также, что никто из участников фокус-групп не вспомнил случаев наказания за абсентеизм; более того, некоторые утверждали, что его и не существует.

Вместо группового давления действуют инструменты принуждения в госучреждениях и на крупных предприятиях, работники которых ходят на выборы, опасаясь «репрессий со стороны руководящих органов» (М., 50+, Якутия). Приводились и конкретные примеры таких предприятий. «Прямо не говорят, за кого голосовать, говорят — „выразить свою гражданскую позицию“, но работа до этого проведена», — рассказывал один из респондентов (М., 60+, Якутия); «по-тихому это делают», — вторил ему другой (М., 40+, Якутия).

Эффекта группового давления не просматривается и в поддержке политических партий. О том, что их односельчане придерживаются разных политических взглядов, говорили участники всех фокус-групп. На фоне довольно настороженного отношения к «Единой России», о котором упоминалось выше, особенной популярностью среди них пользуются КПРФ, ЛДПР и Партия пенсионеров. Так, в одном из татарских сел респонденты оценили долю голосующих за ЕР примерно в 1/3, столько же дали КПРФ и ЛДПР. Подобное разнообразие индивидуального политического выбора указывает на то, что групповое давление оказывает на него очень ограниченное влияние и если и проявляется, то только в принятии решения ходить или не ходить на выборы (хотя и здесь оно очень невелико).

Посмотрим теперь, как обстоит дело с этнически окрашенными политическими машинами, обеспечивающими устойчивый и предсказуемый обмен голосов на частные блага. Свидетельства о работе данно-

го механизма противоречивы. С одной стороны, рассуждая о ситуации на местном уровне, многие респонденты подчеркивали, что *«мы лично знаем тех, кого избираем»* (М., 30+, Якутия). Особенно четко эта установка проявилась в Якутии, где один из респондентов откровенно признался, что в первую очередь ориентируется на родственников и близких знакомых, которые в дальнейшем могут помочь с решением какой-то проблемы (найти работу или устроить детей в школу/детский сад). Сходным образом обстоит дело и с выборами регионального и федерального уровня: *«люди решают свои непосредственные проблемы, например детский сад построить»* (М., 30+, Якутия). Более того, в преддверии выборов проводится разъяснительная работа по поводу того, что *«если будет избрана определенная партия или лицо, то финансирование региона будет продолжено»* (М., 40+, Якутия). С другой стороны, практически ничего из перечисленного не связано с этничностью, да и обмен голосов происходит здесь не на частные, а на «клубные» или даже публичные блага.

Таким образом, проведенные фокус-группы не дают оснований для вывода о наличии сколько-нибудь выраженной связи между этнической самоидентификацией и голосованием. Конечно, можно предположить, что истоки такого положения вещей кроются в слабой проявленности этничности на селе в принципе. Иными словами, поскольку сама по себе этническая идентичность не являлась значимой для участников дискуссий, они не ссылались на нее при обосновании своего политического выбора. Однако это предположение выглядит сомнительным. Ведь респонденты активно обсуждали различные аспекты своей этничности — в частности, спорили о том, в какой (советский или постсоветский) период культура и язык встречали бóльшую поддержку, говорили об этнических стереотипах и дискриминации на основе этнических маркеров (например, акцента или антропологических черт), а также о проблемах своих этносов в целом.

Кроме того, в ходе дискуссий обозначались отдельные этнические маркеры, которые так или иначе связывались с электоральным поведением. В первую очередь речь идет о языке, в котором большинство респондентов, особенно пожилых, видело один из основных «якорей» этнической идентичности. Среди респондентов наблюдалось множество расколов по вопросу о связи языка и этничности, а также по языковой политике в целом. Пенсионеры, для которых родной язык является средством повседневной коммуникации, отмечали снижение его значимости для молодежи, прежде всего при переезде в город, где не обойтись без знания русского, а наличие акцента может стать препятствием в карьере. Варьировали и мнения относительно необходимости изучения родного языка и его перспектив. Так, один из участников фокус-группы в Чувашии прямо заявил, что, *«если дать право выбирать язык обучения, никто чувашский не выберет»*, а потому требуется целенаправленная работа по его поддержке (М., 30+). Тем не менее даже значимые этнические маркеры редко упоминались как существенные

основания для политического выбора, если респондентов не спрашивали об этом напрямую.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в голосовании на местном уровне этнический фактор проявляет себя очень слабо и главным образом как фактор культурной близости: носители культурных составляющих этнической идентичности (обычай, язык, традиции) имеют преимущество перед «варягами» и представителями других этносов. Однако этнические маркеры не являются приоритетным способом определения наиболее предпочтительного кандидата; не меньшее, а то и большее значение имеют личные и профессиональные качества. При этом влияние групповых эффектов и политических машин практически не прослеживается. Полученные материалы свидетельствуют о том, что если этничность и играет роль в голосовании, то эта роль опосредована другими факторами.

Вопреки результатам кросс-секционных исследований, фиксирующих (на агрегированном уровне) связь между концентрацией титульных этнических групп и голосованием за правящую партию и инкумбента, на уровне групповых дискуссий эту связь обнаружить не удалось. Этническая повестка, безусловно, присутствовала, но гораздо сильнее респондентов волновали проблемы социально-экономического плана. Именно по социально-экономическим и отчасти демографическим линиям проходили и основные расколы: позиции тех, кто всю жизнь прожил в сельской местности, явно отличались от установок имевших опыт работы в городе; не менее явными были и расхождения в оценках между представителями старшего поколения и более молодых возрастных когорт.

Означает ли это, что этническая идентичность в современной России утратила политическую значимость? Настоящее исследование не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. И дело не только в том, что оно строится на выборке, охватывающей исключительно сельских жителей. Очевидно, что, имея дело с обычными избирателями, далекими от политики, которая находится на периферии их повседневной жизни (в отличие от состояния дорог, размера пенсий и заработной плат, доступа к медицине и образованию и т.п.), трудно ожидать сколько-нибудь выраженной манифестации этничности, особенно применительно к электоральному процессу. Кроме того, за последние 20 лет этническая повестка была в значительной мере деполитизирована, а акторы, способные и готовые ее актуализировать, маргинализированы. Тем не менее этническая идентичность остается существенным фактором культурной жизни малых этносов, а ряд сопряженных с ней проблем (включая статус языка и характер центр-периферийных отношений) создает почву для латентного недовольства и может быть использован политическими предпринимателями для мобилизации этничности.

Библиография

- Белановский С. (2019) *Глубокое интервью и фокус-группы*. М.: б.и. URL: <https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/belanovskij.pdf> (проверено 23.10.2021).
- Борисова Н.В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. М.: РОССПЭН.
- Дмитриева Е.В. (1999) «Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа» // *Социологические исследования*, № 8:133—138. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/847/093/1217/021_dmitrieva_1.pdf (проверено 23.10.2021).
- Мухарямов Н.М. и О.Б.Януш. (2020) «О комбинаторике языка, политики и идентичности» // *Политическая наука*, № 4: 36—59.
- Панов П.В. (2019) «Структурные факторы институционализации этничности в политике „национальных республик“ Российской Федерации» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, т. 13, № 4: 5—18. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/2897/2196> (проверено 23.10.2021).
- Семенов А.В. (2016) «Политические эффекты этнических территориальных автономий: обзор исследований» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, № 1: 27—152. URL: <http://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1725/1294> (проверено 23.10.2021).
- Сулимов К.А. (2016) «Механизмы взаимодействия в этнических территориальных автономиях: обзор практик» // *Власть*, т. 24, № 8: 79—85.
- Фарукшин М.Х. (2016) «Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе» // *Социологические исследования*, № 5: 80—86. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/80_86_Faruschkin.pdf (проверено 23.10.2021).
- Шкель С.Н. (2019) «Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 49—70. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/1/Polis-2019-1-Shkel.pdf> (проверено 23.10.2021).
- Chandra K. (2005) «Ethnic Parties and Democratic Stability» // *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 2: 235—252.
- Chandra K. (2007) *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Esteban J., L.Mayoral, and D.Ray. (2012) «Ethnicity and Conflict: An Empirical Study» // *American Economic Review*, vol. 102, no. 4: 1310—1342.
- Fafchamps M., A.Vaz, and P.C.Vicente. (2020) «Voting and Peer Effects: Experimental Evidence from Mozambique» // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 68, no. 2: 567—605.
- Goloso G.V. (2013) «Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4: 459—480. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_4_142R38863L666177.pdf (accessed on 23.10.2021).

Golosov G.V. (2014) «The Territorial Genealogies of Russia's Political Parties and the Transferability of Political Machines» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 6: 464—480.

Goodnow R. and R.G.Moser. (2012) «Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2: 167—193.

Goodnow R., R.G.Moser, and T.Smith. (2014) «Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia» // *Electoral Studies*, vol. 36: 15—27. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/ethnicity-and-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 23.10.2021).

Gorenburg D.P. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hale H. (2008) *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horowitz D.L. (2000) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Huber J.D. (2012) «Measuring Ethnic Voting: Do Proportional Electoral Laws Politicize Ethnicity?» // *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 4: 986—1001. URL: <https://polisci.columbia.edu/sites/default/files/content/pdfs/Publications/Huber/huber%20ajps%202012.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Kling J.R., J.B.Liebman, and L.F.Katz. (2007) «Experimental Analysis of Neighborhood Effects» // *Econometrica*, vol. 75, no. 1: 83—119. URL: https://cepa.stanford.edu/sites/default/files/workshops/kling_liebman_katz_Econometrica_2007.pdf (accessed on 01.10.2021).

Lijphart A. (1979) «Religious vs. Linguistic vs. Class Voting: the „Crucial Experiment“ of Comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland» // *American Political Science Review*, vol. 73, no. 2: 442—458.

Moser R.G. and A.White. (2017) «Does Electoral Fraud Spread? The Expansion of Electoral Manipulation in Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 85—99. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/does-electoral-fraud-spread-the-expansion-of-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Rose R., E.Tikhomirov, and W.Mishler. (1997) «Understanding the Multi-party Choice: The 1995 Duma Election» // *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no. 5: 799—823.

Saikkonen I.A. (2017) «Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia» // *Government and Opposition*, vol. 52, no. 1: 51—74.

Shkel S. (2021) «Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1: 31—62.

White A. (2015) «How Ethnicity Matters in Russian Elections: Ethnic Minorities and Support for the United Russia Party» // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 5: 524—546.

White A.C. (2021) «A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia» // *Ethnopolitics*, April: 1–20.

White A.C. and I.A.Saikkonen. (2017) «More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections» // *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5: 450–470.

Wilkinson S.I. (2006) *Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India*. Cambridge: Cambridge University Press.

А.В.Семёнов

A.V.Semenov

FACTOR OF ETHNICITY IN VOTING AT THE LOCAL LEVEL IN RUSSIA

Andrei V. Semenov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for Comparative History and Politics Studies; Assistant Professor at the Department of Political Science, Perm State National Research University. Email: andreysemenov@comparativestudies.ru.

Abstract. Ethnicity, being one of the most important forms of self-identification, plays a significant role in many political processes, including the electoral process. Many research articles document a systematic relationship between ethnic identity and voting. At the same time, there is a dearth of studies about the concrete mechanisms on how ethnicity and voting are connected at the individual level. The question of their efficiency remains debatable. In the article, based on the materials of the focus group discussions in small towns in five ethnic republics of the Russian Federation, the author analyzes such mechanisms and tries to assess their possible effects in the Russian context.

The research study shows that the factor of ethnicity is very weak in voting at the local level. Although ethnic identification helps reduce information uncertainty due to the presence of the common cultural markers, these markers are not the only or even the priority basis for electoral choices — the socio-economic agenda and personal qualities of candidates are equally or even more important. Such mechanisms as group pressure and political machines that are driven by ethnicity almost fail to predict electoral behavior. The research findings call into question a number of conclusions based on the cross-sectional analysis of aggregated data, indicating that even if ethnicity plays a role in voting, this role is mediated by other factors.

Keywords: ethnicity, voting, information uncertainty, group effects, political machines

References

- Belanovsky S. (2019) *Glubokoe interv'ju i fokus-gruppy* [Deep Interview and Focus Groups]. Moscow: S.n. URL: <https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/belanovskij.pdf> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)
- Borisova N.V. (2017) *Kogda jazyki v ogne: osparivanie jazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnoshenijakh* [When Languages Are on Fire: Contestation of the Language Regimes as a Challenge to the Balance in Interethnic Relations]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Chandra K. (2005) "Ethnic Parties and Democratic Stability" // *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 2: 235–252.
- Chandra K. (2007) *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dmitireva N.V. (1999) "Metod fokus-grupp: problemy podgotovki, provedeniya, analiza" [Focus Group Method: Problems of Preparation, Conduct, Analysis] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8: 133–138. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/847/093/1217/021_dmitrieva_1.pdf (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)
- Esteban J., L.Mayoral, and D.Ray. (2012) "Ethnicity and Conflict: An Empirical Study" // *American Economic Review*, vol. 102, no. 4: 1310–1342.
- Fafchamps M., A.Vaz, and P.C.Vicente. (2020) "Voting and Peer Effects: Experimental Evidence from Mozambique" // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 68, no. 2: 567–605.
- Faruksin M.Kh. (2016) "Problema etnicheskogo golosovaniya v zaru-bezhnom diskurse" [Problem of Ethnic Voting in International Discourse] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 5: 80–86. (In Russ.)
- Golosov G.V. (2013) "Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies" // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4: 459–480. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_4_142R38863L666177.pdf (accessed on 23.10.2021).
- Golosov G.V. (2014) "The Territorial Genealogies of Russia's Political Parties and the Transferability of Political Machines" // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 6: 464–480.
- Goodnow R. and R.G.Moser. (2012) "Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2: 167–193.
- Goodnow R., R.G.Moser, and T.Smith. (2014) "Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia" // *Electoral Studies*, vol. 36: 15–27. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/ethnicity-and-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 23.10.2021).
- Gorenburg D.P. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hale H. (2008) *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horowitz D.L. (2000) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Huber J.D. (2012) “Measuring Ethnic Voting: Do Proportional Electoral Laws Politicize Ethnicity?” // *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 4: 986—1001. URL: <https://polisci.columbia.edu/sites/default/files/content/pdfs/Publications/Huber/huber%20ajps%202012.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Kling J.R., J.B.Liebman, and L.F.Katz. (2007) “Experimental Analysis of Neighborhood Effects” // *Econometrica*, vol. 75, no. 1: 83—119. URL: https://cepa.stanford.edu/sites/default/files/workshops/kling_liebman_katz_Econometrica_2007.pdf (accessed on 01.10.2021).

Lijphart A. (1979) “Religious vs. Linguistic vs. Class Voting: the „Crucial Experiment“ of Comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland” // *American Political Science Review*, vol. 73, no. 2: 442—458.

Moser R.G. and A.White. (2017) “Does Electoral Fraud Spread? The Expansion of Electoral Manipulation in Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 85—99. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/does-electoral-fraud-spread-the-expansion-of-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Mukharyamov N.M. and O.B.Yanush. “O kombinatorike jazyka, politiki i identichnosti” [About the Combinatorics of Language, Politics and Identity] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 36—59. (In Russ.)

Panov P.V. (2019) “Strukturnye faktory institutsionalizatsii etnichnosti v politike „natsional’nykh respublik“ Rossijskoj Federatsii” [Structural Factors for the Institutionalization of Ethnicity in the Politics of the “National Republics” of the Russian Federation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 13, no. 4: 5—18. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/2897/2196> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Rose R., E.Tikhomirov, and W.Mishler. (1997) “Understanding the Multi-party Choice: The 1995 Duma Election” // *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no. 5: 799—823.

Saikkonen I.A. (2017) “Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia” // *Government and Opposition*, vol. 52, no. 1: 51—74.

Semenov A.V. (2016) “Politicheskie efekty etnicheskikh territorial’nykh avtonomij: obzor issledovanij” [Political Effects of Ethnic Territorial Autonomies: Review of Studies] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 1: 127—152. URL: <http://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1725/1294> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Shkel S. (2021) “Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1: 31—62.

Shkel S.N. (2019) “Bastiony traditsii: etnicheskij faktor i politicheskie mashiny v regionakh Rossii” [Bastions of Tradition: The Ethnic Factor and

Machine Politics in the Russian Regions] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 49–70. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/1/Polis-2019-1-Shkel.pdf> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Sulimov K.A. (2016) “Mekhanizmy vzaimodejstvija v etnicheskikh territorial’nykh avtonomijakh: obzor praktik” [Integration Mechanisms in Ethnic Territorial Autonomies: Review of Practices] // *Vlast’* [The Authority], vol. 24, no. 8: 79–85. (In Russ.)

White A. (2015) “How Ethnicity Matters in Russian Elections: Ethnic Minorities and Support for the United Russia Party” // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 5: 524–546.

White A.C. (2021) “A Chink in the Autocrat’s Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin’s Russia” // *Ethnopolitics*, April: 1–20.

White A.C. and I.A.Saikkonen. (2017) “More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections” // *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5: 450–470.

Wilkinson S.I. (2006) *Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India*. Cambridge: Cambridge University Press.

Д.А.Стремоухов
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
МЕЖДУ ГУБЕРНАТОРАМИ
И РЕГИОНАЛЬНЫМИ
ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ЭЛИТАМИ**
Случай Республики Карелия¹

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Денис Александрович Стремоухов — старший преподаватель департамента политологии и международных отношений, аналитик Центра сравнительных исследований власти и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Для связи с автором: dstremoukhov@hse.ru.

Аннотация. Почему в системе, ставящей экономические элиты в заведомо неравное положение по отношению к власти, некоторые региональные предприниматели вступают в конфронтацию с главами субъектов Федерации? Опираясь на анализ случаев конфликтов между губернаторами и бизнесменами в Карелии, автор высказывает гипотезу, что драйверами противостояния служат редистрибутивные противоречия в сочетании с наличием независимых ресурсов в виде разветвленных патрональных сетей. По его заключению, существенную роль здесь играет и фактор федерального центра: решаясь на конфронтацию с губернаторами, региональные акторы рассчитывают на поддержку со стороны Москвы и отставку неудобного руководителя. Однако ввиду своеобразия внешней среды, прежде всего институциональной и информационной, рациональность такого поведения нередко оказывается невысокой. Непрозрачность неформальных правил, на которых строится электоральный авторитаризм, накладывает свой отпечаток на способность акторов создавать адекватные когнитивные схемы. Информационная среда, в которой действуют региональные элиты, посылает им неясные и противоречивые сигналы о границах допустимого и возможных последствиях их действий. В свою очередь, формальное сохранение институтов выборов и партий ведет к формированию идентичностей, сужающих набор доступных стратегий поведения. Не действует и механизм взаимного обучения: в условиях, когда имеющиеся у контрагентов ресурсы не поддаются достоверной оценке, а правила игры меняются со сменой губернатора, ориентация на прежний опыт чревата стратегическими просчетами.

Ключевые слова: региональная политика, политический конфликт, экономические элиты, электоральный авторитаризм

Введение

Региональный бизнес — важный игрок на российском политическом поле². С одной стороны, политическая активность бизнеса выглядит вполне естественной, ведь именно бизнес-акторы обладают ресурсами, необходимыми для участия в политике, а также интересами, которые это участие может удовлетворить. С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что заметная часть региональных предпринимателей находилась в оппозиции к региональным властям даже на относительно поздних этапах правления Владимира Путина.

² См., напр. Бекбулатова 2015.

³ Gans-Morse 2012.

В условиях незащищенности прав собственности³ политическая оппозиция сопряжена с запретительно высокими рисками для экономических активов, что, казалось бы, должно вести к отказу от конфронтационных стратегий и участию лишь в санкционированных формах политической жизни или полному отстранению от нее⁴. Однако, хотя подавляющее большинство бизнесменов действительно старается избегать конфликтов, количество случаев активного политического противостояния региональных предпринимателей главам субъектов Федерации⁵ и значимость такого противостояния для региональной политики не позволяет пренебречь данным феноменом.

⁴ Turovskii 2009: 186.

⁵ За период с 2005 по 2020 г. автором было зафиксировано порядка 30 случаев открытого политического противостояния между бизнесменами и губернаторами.

Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему региональные бизнесмены вступают в политические конфликты с властями субъектов Федерации. Под политическим конфликтом здесь понимается открытая конфронтация, направленная на подрыв позиций губернатора в регионе. Не накладывая никаких ограничений на конкретные стратегии и методы борьбы, это широкое определение четко отсылает к событиям, которые происходят в публичной плоскости, будь то кампания в подконтрольных бизнесмену СМИ или прямое участие в выборах. Исследование призвано не только углубить наше понимание политических процессов в регионах России, но и проиллюстрировать слабые стороны современных моделей элитного взаимодействия в авторитарных режимах.

⁶ Gerring 2008.

Исследование выполнено в соответствии с методологией case-study, где в качестве «кейсов» выступают конфликты между бизнесменами и губернаторами в Республике Карелия. Интенсивность и относительное постоянство таких конфликтов позволяют рассматривать их как крайние проявления (extreme cases)⁶ интересующего нас феномена. Исследование опирается на новостные сообщения и интервью с участниками событий в карельских СМИ, индексируемых в базе данных Public.RU⁷, статьи в федеральных средствах массовой информации, а также ряд интервью, взятых непосредственно автором⁸. Хронологически оно охватывает период с конца 1990-х по 2015 г., хотя основное внимание уделено событиям после 2005 г. как условной точки рецентрализации и трансформации политического режима в России.

⁷ <https://public.ru/>.

⁸ Четыре экспертных интервью и одно интервью с участником обсуждаемых в статье событий.

Экономические элиты и политический конфликт⁹ Faccio 2006.¹⁰ Markus 2012.¹¹ Szakonyi 2018.¹² Sakaeva 2019.

В работах, посвященных участию бизнеса в политике, указывается на многочисленные выгоды, которые сулит предпринимателям возможность влиять на решения органов государственной власти⁹, а также на роль политических постов в защите слабо институционализированных прав собственности¹⁰. В России прибыль фирм, ассоциированных с депутатами региональных legislatures, возрастает в среднем на 15%¹¹. Как показывает Мария Сакаева, кресло в региональном парламенте не просто открывает бизнесмену доступ к государственным контрактам, но и ограждает его от государственных и частных посягательств на собственность, снижает размеры «добровольных» пожертвований в пользу государства и позволяет отстоять свои интересы в суде¹². Однако все эти блага несет с собой политическая активность, связанная скорее с сотрудничеством с властями. Открытая конфронтация с ними должна идти вразрез с императивом максимизации прибыли и защиты собственности (если речь не идет о ситуации, когда бизнесмену больше нечего терять).

¹³ Bratton and van de Walle 1997.¹⁴ Junisbai 2012; Reuter and Szakonyi 2019.¹⁵ Radnitz, 2010.

Потенциальная возможность конфликта рассматривается в литературе о взаимодействии элит и авторитарных лидеров. Применительно к теме настоящего исследования особый интерес представляют работы по элитным расколам¹³ и так называемому дезертирству элит (elite defection). Элитные расколы часто имеют экономическую природу. В свою очередь, дезертирство элит во многом связано с обладанием независимыми от государства ресурсами¹⁴. Наличие у элит автономных экономических ресурсов создает почву для протестов и революционной смены власти¹⁵. Заслуживают внимания и эффекты персоналистского авторитаризма (утвердившегося, в частности, целом ряде постсоветских стран), при котором элита неизбежно распадается на ближний круг (inner circle) автократа и аутсайдеров, страдающих от несправедливой конкуренции на рынке и рейдерских захватов со стороны приближенных правителя. В этих условиях уход в оппозицию становится последним средством для тех, кто исчерпал другие способы защиты своей собственности¹⁶.

¹⁶ Junisbai 2012.¹⁷ Magaloni 2008.

Теоретико-игровые модели авторитарной политики тоже исходят из допущения об извлечении акторами материальной выгоды из своих политических позиций. Надежность обязательств автократа по распределению ренты трактуется как основная проблема и вместе с тем главный объяснительный механизм авторитарной политики. Предполагается, что недовольные распределением ресурсов (или сомневающиеся в надежности обязательств относительно будущего распределения) элиты могут сместить автократа при помощи института многопартийных выборов¹⁷.

В ситуации, когда автократ отходит от равновесной стратегии распределения ренты, конфликтная стратегия оказывается рациональной. При этом на индивидуальном уровне элиты должны быть уверены в том, что выгоды противостояния превысят издержки, что, в свою очередь, предполагает наличие относительно достоверной информации

о позиции других элитных акторов (прежде всего об их готовности включиться в борьбу), о доступных авторитарному лидеру ресурсах и, если речь идет о многоуровневой политической системе, о предпочтениях центральных властей. Проследить истоки этой уверенности в случаях конфликтов, которые а posteriori кажутся проявлением иррационального поведения, приведшего к поражению, — одна из задач настоящей статьи.

Факторы конфликтов, ограниченная рациональность и влияние среды

Как следует из сказанного выше, важную роль в политическом противостоянии властям со стороны экономических субъектов играют редистрибутивные мотивы. Институт патронального президентства¹⁸ воспроизводит ближний круг элит, ограничивая возможности акторов, находящихся за его пределами. Тем самым создается почва для конфликтов вокруг доступа к ресурсам. В предельном случае независимые от автократа экономические элиты могут стремиться к полной смене установившегося порядка и к демократизации¹⁹.

Для превращения бизнесменов в политическую оппозицию одного недовольства сложившимся положением вещей, однако, мало. Не менее важно обладание достаточным количеством автономных ресурсов. В условиях патронального электорального режима наиболее ценным ресурсом является собственная патронажно-клиентелистская сеть. Патронаж позволяет устанавливать контроль над органами власти, а клиентелизм — обеспечивать победу на выборах²⁰. Будучи основан на личных связях, ресурс этого типа с трудом поддается фиксации извне до момента непосредственного электорального или иного противостояния. Это обстоятельство должно осложнять оценку акторами сил контрагентов и влиять на качество принимаемых ими стратегических решений.

Даже при наличии у экономического актора значительного объема ресурсов его возможности существенно меньше, чем у губернатора. В этой ситуации естественно желание бизнесменов попытаться привлечь на свою сторону центральные власти²¹. Если вероятность успеха такой попытки оценивается достаточно высоко, это может сильно повлиять на результаты рациональных калькуляций.

При всем том вступление в конфликт с властями зачастую влечет за собой не бонусы, а негативные последствия вплоть до потери бизнеса и свободы, ставя под вопрос рациональность отважившихся на подобный шаг бизнесменов. Известно, что рациональность фундаментально ограничена (bounded) не только заложенными в устройстве мозга алгоритмами обработки информации²², но и информационной средой²³. Применительно к социальному поведению информационную среду образуют в первую очередь формальные и неформальные институты. В основе институтов лежат индивидуальные когнитивные схемы²⁴, но благодаря общеизвестности они носят экзогенный характер по отношению к каждому из акторов. Чтобы стать общеизвестными, правила

¹⁸ Hale 2014.

¹⁹ Bellin 2000.

²⁰ Поскольку эти два компонента тесно взаимосвязаны, в дальнейшем для обозначения патронажно-клиентелистского комплекса взаимодействий мы будем использовать введенный Генри Хейлом термин «патрональная сеть».

²¹ Gibson 2005. См. также Marques et al. 2020.

²² Simon 1990.

²³ Fiedler and Wänke 2009: 700.

²⁴ Denzau and North 1994; Greif and Mokyr 2017.

социальных взаимодействий должны быть артикулированы. Они могут быть заданы решениями неких легитимных органов, а могут вырабатываться в процессе самого взаимодействия через механизмы обучения²⁵.

²⁵ *Helmke and Levitsky 2004: 731.*

В рамках общеизвестных правил и ментальных схем индивиды вполне могут быть рациональными. Обосновывая полезность теоретико-игровых моделей в духе рационального выбора при изучении институтов, Авнер Грейф подчеркивает, что представления о выгодах и издержках различных стратегий, а также о предпочтениях других акторов и доступных им стратегиях непосредственно задаются социальными правилами: «социально определенные и распространенные правила ограничивают область, которую люди понимают и внутри которой действуют рационально»²⁶, обеспечивая индивидов «когнитивными, координационными и информационными основами поведения»²⁷. Мы не можем в полной мере полагаться на теорию рационального выбора при анализе ситуаций, в которых структура стратегического взаимодействия не закреплена в общеизвестных правилах. Именно на таком понимании рациональности строится настоящее исследование.

²⁶ *Грейф 2013: 156–157.*

²⁷ *Там же: 159.*

Для того чтобы считаться рациональным, поведение должно быть целеориентированным и манифестироваться в наилучших, с точки зрения актора, стратегиях достижения поставленной цели. Как отмечает Ростислав Туровский, «рациональность политического поведения бизнесменов зависит от доминирующей политической культуры, институционального контекста и текущей политической ситуации»²⁸.

²⁸ *Turovskii 2009: 186.*

Наиболее актуальным для объяснения политического поведения является политический режим, то есть совокупность правил, регулирующих доступ к власти. Электоральный авторитаризм примечателен тем, что формальные демократические правила там соседствуют с неформальными авторитарными. Первые открыто артикулируются через официальные каналы, тогда как вторые либо выводятся из наблюдений, либо постигаются на собственном опыте²⁹. Противоречие между формальными демократическими и параллельными им неформальными авторитарными институтами оставляет обширное пространство для их интерпретации. В этих условиях способность акторов создавать адекватные когнитивные схемы резко ограничена³⁰. Расположение красных черт, которые нельзя переступать, зачастую приходится узнавать на практике. Идентичности акторов, формирующиеся в подобной институциональной среде³¹, не обязательно находят выражение в наборах предпочтений, предписанных теоретико-игровыми моделями.

²⁹ *Grigoriev and Dekalchuk 2017.*

³⁰ *Greif and Mokyr 2017: 28.*

³¹ *March and Olsen 1996.*

Многоуровневый характер управления в России еще больше усложняет картину. Чтобы учесть возможную реакцию федерального центра на свои действия, акторы должны обладать ментальной схемой его предпочтений. Однако эта схема может оказаться ошибочной. Кроме того, как предпочтения, так и ресурсы различных акторов могут меняться со временем и отклоняться от зафиксированных в ментальных схемах.

Не следует также забывать, что для формирования правил необходимо взаимодействие нескольких акторов, а процесс обучения носит взаимный характер. По справедливому замечанию Ивана Григорьева и Анны Декальчук, «бесполезно знать правила игры в шахматы, если побеждает тот, кто первым ударит противника доской»³². Можно предположить, что автократы (в нашем случае губернаторы) тоже опираются на некое знание о потенциальных последствиях различных действий элит (бизнесменов) и учатся на них реагировать.

³² Grigoriev and Dekalchuk 2017: 484.

Эмпирический анализ

Карелия отличалась активной политической жизнью на протяжении всей постсоветской истории. Такое положение вещей во многом обусловлено диверсифицированностью региональной экономики³³, а также политической активностью местного бизнеса. Согласно подсчетам Сакаевой, доля бизнесменов в Законодательном собрании республики (далее — ЗС) четвертого созыва составляла 46%, а пятого — 50%³⁴.

³³ Гельман и др. 2008: 227.

³⁴ Sakaeva 2019: 87.

Основными акторами, вступавшими в конфронтацию с карельскими губернаторами, были местные предприниматели Василий Попов и Девлетхан Алиханов, а также члены их патрональных сетей. Начав предпринимательскую деятельность в 1990-е годы, бизнесмены включились в политику, противопоставляя себя сменяющимся главам республики. Несмотря на очевидные различия в стратегиях, политическая (и не только политическая) карьера обоих окончилась в 2015 г. при непосредственном участии правоохранительных органов. Попов был вынужден покинуть Россию, а Алиханов три года провел под стражей (после чего был оправдан Верховным судом РФ)³⁵.

³⁵ Хронология описываемых событий приведена в табл. 1 Приложения.

Если в основе конфликтного поведения бизнесменов лежат редиистрибутивные мотивы, конфликтная динамика должна (1) отражать положение акторов в системе регионального ресурсного обмена; (2) не противоречить их редиистрибутивным предпочтениям; (3) затрагивать формальные редиистрибутивные институты. Посмотрим, как обстояло дело в рассматриваемых нами случаях.

Ни Попов, ни Алиханов не были обязаны успехом своего бизнеса вхождению в ближний круг губернатора, а их изначальное включение в политику мотивировалось желанием защитить собственность и создать благоприятные условия для бизнеса. «Если твой бизнес хоть сколько-нибудь велик, он слишком серьезно зависит от властей... — описывал причины, побудившие его заняться политической деятельностью, Попов. — Вот и получается: если не будешь заниматься политикой, придется обивать пороги и думать, кому давать взятку»³⁶.

³⁶ Правила жизни 2014.

В 2004 г. входившие в группу Алиханова депутаты Петрозаводского городского совета (далее — Петросовет) блокировали отмену выборов мэра города, которая неизбежно привела бы к назначению лояльной губернатору кандидатуры³⁷. (Провести это решение республиканским властям удалось только после разгрома группировок Попова и

³⁷ Гельман и др. 2008: 265.

³⁸ *Turchenko 2017.* Алиханова³⁸.) Конфликт вокруг формальных институтов с новой силой разгорелся в 2007 г., когда Алиханов вместе с союзниками предпринял неудачную попытку предотвратить передачу администрации республики права распоряжаться городской землей. Противодействие депутатов, связанных с петрозаводскими бизнесменами, вызывал также «отрицательный трансферт» из городского бюджета в региональный. В иницированном Поповым обращении Петросовета к президенту РФ тогдашний глава Карелии Сергей Катанандов прямо обвинялся в коррупции и лоббировании интересов приближенных к нему бизнесменов Леонида Белуги и Андрея Мазуровского. Отдельное недовольство и сопротивление вызывал приход в Карелию при поддержке республиканских властей петербургских компаний, в первую очередь торговых и транспортных. В подтверждение гипотезы о важности структурной позиции бизнесмена в системе ресурсного обмена медиамагнат Мазуровский пытался, хотя и безуспешно, вступить в конфронтацию с новым губернатором Андреем Нелидовым.

Вместе с тем действия, проистекающие из редистрибутивных мотивов, могут совпадать с действиями, проистекающими из мотивов идеального плана. И Попов, и Алиханов активно ссылались на заботу о благе жителей республики и демократические нормы. Понятно, что для владельцев успешного бизнеса, не требующего поддержки со стороны властей, открытая рыночная конкуренция предпочтительнее сложившейся в регионе модели ближнего круга губернатора, из которого они исключены. Эти «материальные» предпочтения могут совпадать с предпочтениями, обусловленными личными демократическими убеждениями, хотя развести эффекты первых и вторых чрезвычайно сложно.

Что касается Алиханова, то в его случае вряд ли можно вести речь о наличии прочной идеологической ориентации: в 2001—2005 гг. бизнесмен был членом ЛДПР, с 2006 по 2009 г. оказывал финансовую поддержку «Справедливой России», а в 2009 г. вступил в «Единую Россию», продолжая при этом продвигать членов своей патрональной сети в Петросовет через подконтрольное Попову «Яблоко». Едва ли его можно отнести и к принципиальным противникам модели ближнего круга, учитывая его временную кооптацию в этот круг (через назначение на пост вице-губернатора), а также фактический захват им петрозаводской администрации и Петросовета.

Попов же, напротив, демонстрировал стойкую приверженность партии «Яблоко» на протяжении всей своей политической карьеры, а ряд его заявлений свидетельствует о том, что политическая борьба стала важным элементом его идентичности. «Люди совершают поступки, не исходя из голого расчета, иначе они все были бы одинаковые, люди совершают поступки, потому что они так живут, — объяснял он причины своего поведения в одном из интервью. — Одна из моих проблем, либо достоинств, заключается в том, что, с одной стороны, я являюсь предпринимателем, который должен быть лоялен всегда изначально к любой власти, какой бы она ни была, а с другой стороны,

³⁹ Соколов 2015. я люблю высказывать свою точку зрения»³⁹. В отличие от Алиханова, Попов открыто выступил против присоединения Крыма к России, что сложно объяснить материальными мотивами и скорее отражает его идеологические установки.

Устойчивая связь с демократической партией и образ оппозиционера, бесспорно, накладывают ограничения на репертуар возможных действий и заявлений. Когда позиция Попова по вопросам распределения ресурсов не могла быть легитимирована через обращение к общественному благу и демократическому идеалу, он риторически апеллировал к своей предпринимательской идентичности, высказываясь «не как политик»⁴⁰. В то же время декларируемая актором идентичность формирует ожидания относительно его поведения и, как следствие, ограничивает стратегические действия контрагентов: не случайно попытка кооптации в команду губернатора была предпринята в отношении Алиханова, «который никогда прямо не говорил: „я — оппозиция“»⁴¹, но не Попова.

⁴⁰ Диалог 2009.

⁴¹ Интервью с карельским политологом, 31.05.2021.

Далеко не все бизнесмены, не входящие в ближний круг губернатора, вступают с ним в конфронтацию. Вторым необходимым условием, как уже отмечалось, здесь является наличие разветвленной патрональной сети. Связка между принадлежавшим Попову молочным комбинатом и основанной им торговой сетью «Ленторг» позволяла ему активно инвестировать в создание клиентелистской сети через поставки питания в школы, социальные программы и сотрудничество с ветеранскими и пенсионерскими организациями. В свою очередь Алиханов использовал в этих целях учрежденный им «Попечительский совет Древянки» — орган, нацеленный на решение проблем жителей одноименного района за счет местных бизнесменов (включая самого Алиханова). Оба предпринимателя создали сети подконтрольных им депутатов в Петросовете и ЗС, а также чиновников в органах исполнительной власти. Другим важнейшим видом ресурсов, позволяющим завоевывать симпатии избирателей и дискредитировать оппонентов, выступают подконтрольные средства массовой информации. Их влияние на исход конфронтации с властью, однако, не очень велико, о чем свидетельствует опыт владельца крупнейшей карельской медиаимперии Мазуровского, проигравшего новым назначенцам⁴².

⁴² Мельников 2021.

Федеральный центр присутствует на региональной арене как в качестве активного игрока, так и имплицитно, в качестве фактора, принимаемого во внимание региональными акторами в их калькуляциях. Роль центра стала особенно заметной с наделением президента правом увольнять губернаторов в связи с утратой доверия и отменой губернаторских выборов⁴³. Апелляция к федеральной власти — обыденная практика в карельской политической жизни. Примечательно, что первые подобные случаи зафиксированы именно в 2004 г., сразу после внесения в федеральное законодательство упомянутых изменений. Местные СМИ рутинно пишут о том, что многие действия политических акторов в республике направлены на подрыв репутации губернатора

⁴³ Восстановление в 2012 г. института прямых выборов глав субъектов РФ ситуацию не изменило.

⁴⁴ *Интервью с карельским политологом, 18.06.2021.*

в глазах федерального руководства. Согласно с такой оценкой и представителю регионального экспертного сообщества⁴⁴.

Местные элиты не только ведут борьбу с губернатором на региональном уровне, но и транслируют свое недовольство на уровень федеральный. Конфликт с губернатором не противоречит демонстрации личной лояльности Кремлю: так, в 2012 г., в разгар конфронтации с тогдашним главой республики Нелидовым, Алиханов руководил избирательной кампанией Владимира Путина в Карелии. Характерно, что, несмотря на свои подозрения в причастности Нелидова к интересу Генпрокуратуры к связанным с ним активам, Алиханов спокойно воспринял назначение уже экс-губернатора на пост директора музея «Кижы», ведь решение этого вопроса относилось к сфере компетенции федерального центра. Очевидно, что региональные акторы должны иметь представление о вероятных предпочтениях Москвы, но если губернатор может рассчитывать на прямую коммуникацию с президентом и его администрацией, а члены «Единой России» получать информацию от федерального руководства партии, то другим акторам приходится строить свои умозаключения на наблюдаемом поведении центра и публичных декларациях.

⁴⁵ *Соколов 2015.*

Низкая степень институционализации внутриэлитных отношений проявляется в существенной роли личностных особенностей губернатора, во многом определяющих возможные образы действий. Зависимость правил игры от того, кто конкретно занимает губернаторский пост, достаточно велика. В этих условиях формальные правила остаются одним из немногих источников определенности. Не случайно Попов считал себя в относительной безопасности, поскольку знал, как работает закон⁴⁵. И закон действительно зачастую оказывается на стороне оппонентов региональных властей. Например, в 2011 г. глава карельского отделения «Справедливой России» Ирина Петеляева, уволенная с поста замминистра образования за критику руководства республики, добилась восстановления в должности через суд. А в 2012 г. суд отклонил иски Генпрокуратуры против связанных с Алихановым людей и структур, при том что сам Алиханов проиграл иск к журналисту Анатолию Цыганкову.

⁴⁶ *Интервью с участником событий, 23.07.2021.*

Отвечая на вопрос, почему он пошел на конфронтацию с губернатором, один из участников рассматриваемых событий заявил, что недооценивал опасность, исходя из «общей» и «психологической» ситуации в стране в целом и в Карелии в частности, а также из предшествующего своего опыта⁴⁶. Ссылки на «общую ситуацию» в стране звучат и в экспертных нарративах о политической обстановке в Карелии. С одной стороны, это иллюстрирует важность информационной среды и опыта для принятия решений, с другой — демонстрирует ненадежность такой информации. В случае прихода на пост губернатора человека с другими предпочтениями и/или ресурсами (Александр Худилайнен обладал большим влиянием на силовиков, чем его предшественники, и, по некоторым сведениям, заручился поддержкой федерального центра) ори-

ентация на прежние паттерны взаимодействия становится источником ошибок в оценке рисков.

Попытки кооптации Петеляевой и Алиханова путем назначения их на правительственные посты и последующий отказ от подобной практики свидетельствуют о том, что в своих взаимодействиях с экономическими элитами губернаторы действуют методом проб и ошибок. Отказ от кооптации был непосредственно связан с неудовлетворительными результатами «Единой России» на выборах 2011 г. в Петросовет, после чего стало понятно, что инкорпорация оппонентов в правительственные и партийные структуры не снижает уровня конфронтации между элитными группами. В карельском экспертном сообществе говорят о «завещании Нелидова»⁴⁷ — наказе избавиться от Алиханова, оставленном им новоназначенному губернатору Худилайнену. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что ключевым фактором перехода к решительным действиям в отношении мятежного предпринимателя послужил именно этот наказ, а не связи Худилайнена с силовиками и/или поддержка со стороны федерального центра. Однако правомерно предположить, что подвиг нового губернатора на такие действия печальный опыт взаимодействия предшественников с региональными экономическими элитами.

⁴⁷ *Интервью с карельским политологом, 31.05.2021; интервью с карельским политологом, 18.06.2021.*

Заключение

Почему экономические элиты вступают в конфронтацию с губернаторами в системе, которая заведомо ставит их в неравное положение? Проведенное исследование подтверждает, что драйверами конфликтов служат редистрибутивные противоречия в сочетании с наличием независимых ресурсов в виде патрональных сетей. Политический конфликт не обязательно означает, что бизнесмены исчерпали другие способы защиты своей собственности от действий губернатора и его приближенных. Не относится к необходимым его условиям и хищничество регионального руководителя — иногда достаточно неравного доступа к распределяемым ресурсам. При этом важными факторами принятия решений на региональном уровне являются присутствие федерального центра, перед которым губернаторы несут ответственность, и представления региональных элит о предпочтениях центральных властей.

Карельский случай иллюстрирует важность институциональной перспективы в осмыслении элитных конфликтов. Даже если изначально обращение к политической деятельности проистекает из необходимости защитить свою собственность, в условиях электорального авторитаризма у акторов может развиваться политическая идентичность, которая будет определять репертуар доступных им стратегий. Восприятие бизнесмена как оппозиционера ограничивает набор стратегий в его отношении, которые мыслятся возможными правящими элитами, тем самым влияя на его стратегическое поведение. Формальные правила, допускающие существование выборов и политических партий, способ-

ствують формированию подобных идентичностей и служат своеобразной инструкцией к действию. Если литература о политическом участии бизнеса и авторитарной политике исходит из допущения, что акторы стремятся максимизировать прибыль/рену, то социологическое прочтение позволяет зафиксировать у них и иную логику⁴⁸. Такой взгляд на политику в недемократических режимах, с одной стороны, подчеркивает важность формальных институтов как когнитивных шаблонов, с другой — ставит под вопрос адекватность утвердившихся представлений о предпочтениях экономических элит.

⁴⁸ См., напр. Сакаева 2016 о «двойной идентичности» предпринимателей в региональных парламентах.

Необходимо также учитывать, что в основе электорального авторитаризма лежит система неформальных правил, которые не только непрозрачны (ввиду отсутствия легальных каналов распространения), но и меняются со сменой доминирующего актора⁴⁹. Информационная среда, в которой действуют региональные элиты, посылает им неясные и противоречивые сигналы о границах допустимого и возможных последствиях их действий. Ведут к стратегическим просчетам и ошибки в восприятии предпочтений федерального центра.

⁴⁹ См. Sharafuddinova and Steinbuks 2017.

Исследователям следует внимательнее отнестись к когнитивной роли институтов в авторитарных режимах, которая не сводится к обеспечению надежных обязательств, кооптации и информированию, но во многом определяет предпочтения акторов и информационную основу их действий. Заслуживают более тщательного изучения и практики взаимного обучения, а также структурные факторы, которые подрывают или усиливают способность акторов выводить правила из предшествующих взаимодействий.

Разумеется, полученные нами результаты требуют проверки на более широком эмпирическом материале и помещения в сравнительный контекст. Во всех ли регионах элиты ориентируются на федеральный центр, вступая в конфронтацию с губернатором? Как на их поведение повлияло возвращение губернаторских выборов? Как протекают конфликты в регионах с более закрытым политическим режимом? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны дополнительные исследования.

Библиография

- Бекбулатова Т. (2015). «Влияние местных. Как региональный бизнес меняет результаты выборов» // *Коммерсантъ Власть*, № 38: 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815997> (проверено 20.09.2021).
- Гельман В., С.Рыженков, Е.Белокурова и Н.Борисова. (2008) *Реформа местной власти в городах России, 1991—2006*. СПб.: Норма.
- Грейф А. (2013). *Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- «Диалог о будущем республики». (2009) // *Карелия*, 21.03.
- Мельников И. (2021) «Гибель империи» // *Karelinform*, 25.05. URL: <https://karelinform.ru/article/general/25-05-2021/gibel-imperii> (проверено 20.09.2021).

«Правила жизни Василия Попова». (2014) // *Губерния Daily*, 25.03. URL: <https://gubdaily.ru/sociology/interview/pravila-zhizni-vasiliya-porova/> (проверено 21.09.2021).

Сакаева М.М. (2016) *Бизнесмены в органах законодательной власти: использование депутатского статуса в предпринимательской деятельности*. Дисс. ... канд. соц. наук. М.: НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/05/21/1097334336/dis.pdf> (проверено 21.09.2021).

* Внесено Министерством юстиции РФ в список иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

Соколов М. (2015) «Беглец из Карелии» // *Радио Свобода**, 11.09. URL: <https://www.svoboda.org/a/27237848.html> (проверено 23.09.2021).

Bellin E. (2000) «Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries» // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 175—205.

Bratton M. and N. van de Walle. (1997) *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Denzau A. and D.North. (1994) «Shared Mental Models: Ideologies and Institutions» // *Kyklos*, vol. 47, no. 1: 3—31.

Faccio M. (2006) «Politically Connected Firms» // *American Economic Review*, vol. 96, no. 1: 369—386.

Fiedler K. and M.Wänke. (2009) «The Cognitive-Ecological Approach to Rationality in Social Psychology» // *Social Cognition*, vol. 27, no. 5: 699—732.

Gans-Morse J. (2012) «Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no. 3: 263—295. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1061.9980&rep=rep1&type=pdf> (accessed on 21.09.2021).

Gerring J. (2008) «Case Selection for Case Study Analysis: Qualitative and Quantitative Techniques» // Box-Steffensmeier J.M., H.E.Brady, and D.Collier, eds. *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 645—684.

Gibson E.L. (2005) «Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries» // *World Politics*, vol. 58, no. 1: 101—132.

Greif A. and J.Mokyr. (2017) «Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond» // *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1: 25—52.

Grigoriev I.S. and A.A.Dekalchuk. (2017) «Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia» // *Democratization*, vol. 24, no. 3: 481—497.

Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Helmke G. and S.Levitsky. (2004) «Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda» // *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 4: 725—740.

Junisbai B. (2012) «Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies» // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 891—916.

Magaloni B. (2008) «Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule» // *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4—5: 715—741.

March J.G. and J.P.Olsen. (1996) «Institutional Perspectives on Political Institutions» // *Governance*, vol. 9, no. 3: 247—264.

Markus S. (2012) «Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States» // *World Politics*, vol. 64, no. 2: 242—277.

Marques I., I.Levina, A.Kazun, and A.Yakovlev. (2020) «Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation» // *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 4: 503—518.

Radnitz S. (2009) *Weapons of the Wealthy*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2019) «Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia» // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 2: 552—568.

Sakaeva M. (2019) «Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 27, no. 1: 75—99.

Simon H.A. (1990) «Invariants of Human Behavior» // *Annual Review of Psychology*, vol. 41: 1—19. URL: [http://wexler.free.fr/library/files/simon%20\(1990\)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf](http://wexler.free.fr/library/files/simon%20(1990)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf) (accessed on 21.09.2021).

Sharafutdinova G. and J.Steinbuks. (2017) «Governors Matter: A Comparative Study of State-Business Relations in Russia's Regions» // *Economics of Transition*, vol. 25, no. 3: 471—493.

Szakonyi D. (2018) «Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns» // *American Political Science Review*, vol. 112, no. 2: 322—338.

Turchenko M. (2017) «The Rise and Fall of Local Self-Government in Petrozavodsk» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no. 2: 155—173.

Turovskii R. (2009) «The Representation of Business Elites in Regional Politics: Étatism, Elitism and Clientelism» // Ross C. and A.Campbell, eds. *Federalism and Local Politics in Russia*. London, New York: Routledge: 184—206. URL: https://www.academia.edu/552759/Federalism_and_local_politics_in_Russia (accessed on 21.09.2021).

Таблица 1 Хронология описанных событий

<i>Губернатор</i>	<i>Девлетхан Алиханов</i>	<i>Василий Попов</i>
Сергей Катанандов (1998—2010)	<p>2001 г. — вступление в ЛДПР</p> <p>2002 г. — избран депутатом ЗС РК</p> <p>2006 г. — выход из ЛДПР</p> <p>2006—2009 гг. — поддержка «Справедливой России»</p> <p>2009 г. — попытка участия в выборах мэра Петрозаводска, вступление в «Единую Россию», назначение сенатором</p>	<p>1998 г. — избрание главой Олонецкого р-на</p> <p>1999 г. — вступление в «Яблоко»</p> <p>2002 г. — участие в выборах главы республики</p> <p>2003 г. — избран депутатом ЗС РК</p> <p>2006 г. — участие в выборах мэра Петрозаводска</p> <p>2007 г. — избран депутатом и спикером Петросовета; обращение Петросовета к президенту РФ с обвинением Катанандова в коррупции</p> <p>2009 г. — осужден на 7 лет условно по делу о вымогательстве</p>
Андрей Нелидов (2010—2012)	<p>2010 г. — назначение вице-губернатором</p> <p>2011 г. — провал «Единой России» на выборах в Петросовет; уход из правительства и начало конфликта с Нелидовым; создание Координационного совета для контроля над Петрозаводском</p>	<p>2011 г. — снятие судимости</p>
Александр Худилайнен (2012—2017)	<p>2013 г. — обыски у Алиханова и его сторонников, уход с поста вице-спикера ЗС</p> <p>2015 г. — заключение под стражу по уголовному делу о махинациях с муниципальной недвижимостью</p>	<p>2013 г. — победа поддерживаемой Поповым Галины Ширшиной на выборах мэра Петрозаводска, начало конфликта с Худилайненым</p> <p>2014 г. — уголовные дела против приближенных Попова</p> <p>2015 г. — отъезд за границу и заочный арест</p>

D.A.Stremoukhov

POLITICAL CONFLICTS BETWEEN GOVERNORS AND REGIONAL ECONOMIC ELITES CASE OF THE REPUBLIC OF KARELIA

Denis A. Stremoukhov — Senior Lecturer at the Department of Political Science and International Affairs, Analyst at the Center for Comparative Governance Studies, HSE University (St. Petersburg). Email: dstremoukhov@hse.ru.

Abstract. Why do some regional entrepreneurs engage in conflicts with the heads of the subnational units of the Russian Federation within a system that puts economic elites in a deliberately unequal position in relation to the authorities? Based on the analysis of conflicts between governors and businessmen in Karelia, the author hypothesizes that contradictions around redistribution, combined with the availability of the independent resources e.g., branchy patronal networks, drive such confrontation. According to the author's conclusion, the federal center also plays a significant role. When deciding whether to start confrontation with governors, regional actors could count on the support from Moscow and resignation of an undesirable regional leader. However, due to the peculiarity of the external environment, primarily institutional and informational, the rationality of such behavior often turns out to be low. The opaque informal rules, which electoral authoritarianism relies upon, affect the ability of actors to create adequate cognitive schemata. The informational environment, in which the regional elites operate, sends them unclear and contradictory signals about the limits of acceptable actions and their possible consequences. In turn, the formal preservation of an institution of elections and parties leads to the formation of identities that narrow the set of available behavioral strategies. The mechanism of mutual learning does not work either: under conditions when the resources available to counter-actors cannot be verified, and the rules of the game change with a governor's turnover, reliance on the previous experience is fraught with strategic miscalculations.

Keywords: regional politics, political conflict, economic elites, electoral authoritarianism

References

- Bekbulatova T. (2015) “Vlijanie mestnykh. Kak regional’nyj biznes menjaet rezul’taty vyborov” [The Influence of the Locals. How Regional Business Change the Elections’ Results] // *Kommersant’ Vlast’* [Kommersant Power], no. 38: 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2815997> (accessed on 20.09.2021). (In Russ.)
- Bellin E. (2000) “Contingent Democrats: Industrialists, Labor, and Democratization in Late-Developing Countries” // *World Politics*, vol. 52, no. 2: 175—205.
- Bratton M. and N. van de Walle. (1997) *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Denzau A. and D.North. (1994) “Shared Mental Models: Ideologies and Institutions” // *Kyklos*, vol. 47, no. 1: 3—31.
- “Dialog o budushchem respubliky” [Dialog about the Future of the Republic]. (2009) // *Karelia*, 21.03. (In Russ.)
- Faccio M. (2006) “Politically Connected Firms” // *American Economic Review*, vol. 96, no. 1: 369—386.
- Fiedler K. and M.Wänke. (2009) “The Cognitive-Ecological Approach to Rationality in Social Psychology” // *Social Cognition*, vol. 27, no. 5: 699—732.
- Gans-Morse J. (2012) “Threats to Property Rights in Russia: From Private Coercion to State Aggression” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 28, no. 3: 263—295. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.1.061.9980&rep=rep1&type=pdf> (accessed on 21.09.2021).
- Gel’man V., S.Ryzhenkov, E.Belokurova, and N.Borisova. (2008) *Reforma mestnoy vlasti v gorodakh Rossiji, 1991—2006* [Local Government Reform in Russian Cities, 1991—2006]. St Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Gerring J. (2008) “Case Selection for Case Study Analysis: Qualitative and Quantitative Techniques” // Box-Steffensmeier J.M, H.E.Brady, and D.Collier, eds. *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford: Oxford University Press: 645—684.
- Gibson E.L. (2005) “Boundary Control: Subnational Authoritarianism in Democratic Countries” // *World Politics*, vol. 58, no. 1: 101—132.
- Greif A. (2013) *Instituty i put’ k sovremennoj ekonomike: Uroki srednevekovoj torgovli* [Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade]. Moscow: Izdatel’skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Greif A. and J.Mokyr. (2017) “Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond” // *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 1: 25—52.
- Grigoriev I.S. and A.A.Dekalchuk. (2017) “Collective Learning and Regime Dynamics under Uncertainty: Labour Reform and the Way to Autocracy in Russia” // *Democratization*, vol. 24, no. 3: 481—497.
- Hale H.E. (2014) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press.

Helmke G. and S.Levitsky. (2004) “Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda” // *Perspectives on Politics*, vol. 2, no. 4: 725–740.

Junisbai B. (2012) “Improbable but Potentially Pivotal Oppositions: Privatization, Capitalists, and Political Contestation in the Post-Soviet Autocracies” // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no. 4: 891–916.

Magaloni B. (2008) “Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule” // *Comparative Political Studies*, vol. 41, no. 4–5: 715–741.

March J.G. and J.P.Olsen. (1996) “Institutional Perspectives on Political Institutions” // *Governance*, vol. 9, no. 3: 247–264.

Markus S. (2012) “Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States” // *World Politics*, vol. 64, no. 2: 242–277.

Marques I., I.Levina, A.Kazun, and A.Yakovlev. (2020) “Calling the Cavalry: Firm-Level Investment in the Face of Decentralized Expropriation” // *Journal of Institutional Economics*, vol. 16, no. 4: 503–518.

Melnikov I. (2021) “Gibel’ imperii” [The Death of the Empire] // *Karelinform*, 25.05. URL: <https://karelinform.ru/article/general/25-05-2021/gibel-imperii> (accessed on 20.09.2021). (In Russ.)

“Pravila zhizni Vasilija Popova” [Vasilij Popov’s Life Rules]. (2014) // *Gubernia Daily*, 25.03. URL: <https://gubdaily.ru/sociology/interview/pravila-zhizni-vasiliya-popova/> (accessed on 21.09.2021). (In Russ.)

Radnitz S. (2009) *Weapons of the Wealthy*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2019) “Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia” // *American Political Science Review*, vol. 113, no. 2: 552–568.

Sakaeva M.M. (2016) *Biznesmeny v organakh zakonodatel’noj vlasti: ispol’zovanie deputatskogo statusa v predprinimatel’skoj dejatel’nosti* [Businessmen in Legislative Bodies: the Use of Deputy Status in Entrepreneurial Activity]. Ph.D. diss. Moscow: HSE University. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/05/21/1097334336/dis.pdf> (accessed on 21.09.2021). (In Russ.)

Sakaeva M. (2019) “Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 27, no. 1: 75–99.

Simon H.A. (1990) “Invariants of Human Behavior” // *Annual Review of Psychology*, vol. 41: 1–19. URL: [http://wexler.free.fr/library/files/simon%20\(1990\)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf](http://wexler.free.fr/library/files/simon%20(1990)%20invariants%20of%20human%20behavior.pdf) (accessed on 21.09.2021).

Sharafutdinova G. and J.Steinbuks. (2017) “Governors Matter: A Comparative Study of State-Business Relations in Russia’s Regions” // *Economics of Transition*, vol. 25, no. 3: 471–493.

Sokolov M. (2015) “Beglets iz Karelii” [A Fugitive from Karelia] // *Radio Svoboda* [Radio Freedom], 11.09. URL: <https://www.svoboda.org/a/27237848.html> (accessed on 23.09.2021). (In Russ.)

Szakonyi D. (2018) “Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns” // *American Political Science Review*, vol. 112, no. 2: 322—338.

Turchenko M. (2017) “The Rise and Fall of Local Self-Government in Petrozavodsk” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 25, no. 2: 155—173.

Turovskii R. (2009) “The Representation of Business Elites in Regional Politics: Étatism, Elitism and Clientelism” // Ross C. and A.Campbell, eds. *Federalism and Local Politics in Russia*. London, New York: Routledge: 184—206. URL: https://www.academia.edu/552759/Federalism_and_local_politics_in_Russia (accessed on 21.09.2021).

ПОЛИТИКА

А.Н.Медушевский
МАКИАВЕЛЛИСТИЧЕСКИЙ
МОМЕНТ ЕВРОПЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА ЕС
В УСЛОВИЯХ УТРАТЫ ГЛОБАЛЬНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ¹

¹ Статья поступила в редакцию 28 октября 2021 г.

Андрей Николаевич Медушевский — доктор философских наук, ординарный профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: amedushevsky@mail.ru.

Аннотация. После 70 лет успешного осуществления европейский интеграционный проект в настоящее время столкнулся со значительным числом трудностей, вызванных процессом глобализации. Список этих трудностей включает в себя: (1) незавершенность процесса формирования европейской идентичности; (2) углубляющееся противоречие между двумя основополагающими правовыми принципами — транснациональным и национальным конституционализмом; (3) рост асимметрии регионов Европы; (4) драматические споры по миграционным вопросам; (5) идеологическое противостояние либеральных и нелиберальных демократий. Эта ситуация, обостренная вызовами глобализации и официально определяемая сегодня как «экзистенциальный кризис» ЕС, вскрыла некоторые существенные изъяны текущей интеграционной модели, зависшей между конфедерализмом и федерализмом. Следствием этих изъянов, нашедших выражение в ослаблении демократической легитимности, неэффективности механизма принятия решений и отсутствии ясного и стабильного европейского лидерства, стало растущее распространение евроскептицизма и правого популизма, а также эрозия миссии Европы в мире.

Все более явная угроза утраты политического равновесия в Европе делает важным осмысление потенциальных направлений и масштабов изменения интеграционного проекта ЕС, оценку гипотетически возможных правовых и институциональных форм новой модели интеграции и их политических импликаций. Автор описывает сложившуюся ситуацию как макиавеллистический момент Европы: в условиях, когда сохранение status quo только усиливает противоречия интеграционного проекта, европейские элиты стоят перед необходимостью сделать четкий выбор между конфедеративным и федеративным устройством, чтобы найти для этого усащающего

проекта новую легитимирующую формулу, причем сделать его в кратчайшие сроки.

Ключевые слова: европейский интеграционный проект, политическое равновесие, глобализация, суверенитет, легитимность, макиавеллистический момент

Традиционная дискуссия о политике издавна различает два ее понимания — как науки и как искусства. Первое понимание ориентировано на изучение устойчивых структур и отношений, реконструкцию механизмов власти и прогнозируемых решений. Второе опирается на анализ скорее динамики, чем статики, не устойчивых правил, а исключений, имея в виду всю совокупность трудноуловимых и меняющихся воздействий на принятие политических решений, которые могут оказываться практически непредсказуемыми. Значение второго понимания политики резко возрастает в условиях неустойчивого равновесия, когда чаша весов может склониться в одну или другую сторону, а политический выбор определяется не столько холодным «расчетом согласия», сколько способностью элиты принять принципиальное решение для отражения растущих системных вызовов и рисков, представляющих экзистенциальную угрозу для политического режима.

Это второе понимание политики ассоциируется с идеями Никколо Макиавелли, подготовившими почву для перехода от господствовавшего ранее теологического видения общественного универсума, основанного на предопределенности, к осмыслению его как мира политики, возникающего на пересечении судьбы и человеческой воли, где лидерство имеет дело с историческими изменениями и неизвестными факторами, а управление представляет собой серию приспособляющих действий на фоне случайных обстоятельств. Доминировавшему убеждению, что в мире правят судьба и Бог (или закономерности, говоря современным языком), Макиавелли противопоставлял отказ от фатализма, веру в то, что интуиция, натиск и воля способны остановить развитие неблагоприятных тенденций или даже переломить их. Целесообразность такого подхода в условиях кризиса квалифицируется как макиавеллистический момент². Этот момент наступил сегодня для Европейского союза, оказавшегося в ситуации, когда сохранение status quo только усиливает противоречия интеграционного проекта: его настоящее неопределенно, возвращение назад было бы губительным для него, а движение вперед сопряжено с большими политическими рисками и жестким выбором одного из альтернативных решений. Принятие решения — воплощение воли элиты к проведению избранного курса.

С этих позиций в статье рассматривается следующий круг вопросов: причины растущей неустойчивости европейского интеграционного проекта в контексте глобализации; факторы, определяющие баланс сил и интересов ЕС в международной политике; динамика внутрполи-

² См. *Роскок 1975*: 27.

тической ситуации в объединенной Европе; эрозия легитимности ЕС; дисфункции механизма принятия решений в европейской политике; альтернативность представлений о будущем ЕС; размежевание в обществе и конфликт элит как отражение трудностей европейской политики. По итогам обсуждения этих сюжетов нами фиксируется содержание европейского макиавеллистического момента и обозначаются гипотетические сценарии выхода из него.

**Причины
растущей
неустойчивости
европейского
интеграционного
проекта
в контексте
глобализации**

³ См. Medushevskiy 2021.

Проект европейской интеграции, насчитывающий с момента своего теоретического обоснования Жаном Монне и Робером Шуманом и старта в послевоенной Европе (Римский договор 1950 г.) 70 лет, нашел выражение в существующей конструкции ЕС, заложенной Маастрихтским договором 1992 г. Эта конструкция, выступавшая как фундамент европейского единства, до последнего времени действительно представляла «историей успеха» и даже рассматривалась как идеальная модель для будущей мировой интеграции в рамках глобального конституционализма³. Ее основу составляет теория коммунитаризма — постепенного формирования общего политического пространства путем последовательного делегирования суверенных полномочий государствам надгосударственным (европейским) структурам. Соответствующий процесс описывался концепцией «разделенного суверенитета» членов ЕС (по линии реализации принципов солидарности, субсидиарности, многоуровневого конституционализма), а его результатом в долгосрочной перспективе должно было стать образование европейского супергосударства — Соединенных Штатов Европы по образцу США.

⁴ Bradford 2020.

Теоретически данная модель постепенной интеграции, базирующаяся на сочетании конфедеративных и федеративных начал, могла бы сохраняться неопределенно долго, отражая постепенный рост реальной кооперации государств Союза по всем направлениям, а «эффект Брюсселя» — стать путеводной звездой для интеграции в мире⁴. Однако, разрабатывая ее в послевоенный период, отцы-основатели ЕС не могли предвидеть изменений, связанных с глобализацией. Главным из них стал рост нестабильности международных отношений — появление новых центров глобальной политики, жестко соперничающих за ресурсы, сферы влияния и продвижение собственных представлений о будущем мировом устройстве. Это нарастающее соперничество выдвинуло на первый план фактор времени — умение быстро перестраиваться для эффективного отстаивания своих интересов в глобальной политике. Однако в силу своей гибридной природы ЕС оказался плохо подготовлен к такой ситуации, и его неспособность к выработке консолидированной позиции по международным и внутренним проблемам ведет к утрате общей перспективы, замедленной реакции на вызовы и систематическим проигрышам в сравнении с другими ведущими игроками мировой политики.

В последнее десятилетие выявился ряд имманентных противоречий европейской интеграционной конструкции: отсутствие единой

европейской культурной идентичности (все более заметное по мере расширения ЕС); конфликт транснационального и национального конституционализма; гибридный характер модели, зависшей между конфедерализмом и федерализмом; возможность принципиально разных интерпретаций коммунитаризма. Эти противоречия нашли выражение в провале референдумов по европейской конституции в 2005 г.; ограниченной легитимности Лиссабонского договора 2008 г., принятого в обход институтов прямой демократии; росте евроскептицизма, достигшего наивысшей точки уже к началу 2010-х годов; резком усилении популистских партий, требующих «возврата суверенитета» национальным правительствам; смене общего вектора на экспансию ЕС вектором на его ограничение. Но наиболее мощным проявлением противоречий оказался Brexit, бросивший вызов легитимности всей европейской интеграционной конструкции. Это был первый случай, когда на повестку дня встал вопрос не о приеме новых членов, а о выходе из Союза одного из его основателей.

Возник вопрос о миссии ЕС в мире — базируется ли этот проект на ценностях или на интересах, является ли преимущественно идеологическим или политическим? Если справедливо первое, то миссия Великой Европы не ограничена в пространстве и времени и простирается на все регионы, где действует идеология прав человека, в идеале — на весь мир. Если справедливо второе, то доминирующими должны быть признаны политические интересы ЕС и их эффективное продвижение. Действительно, идеологическая привлекательность Союза в начальной фазе его существования способствовала чрезвычайно быстрым темпам экспансии: в результате четырех последовательных волн расширения по размерам территории и численности населения ЕС сравнялся с США. Однако в последующий период Союз столкнулся с неспособностью абсорбировать новых членов, выказывая все признаки «имперского перегрева». Именно дилемма идеалы vs. интересы лежит в основе дискуссии о соотношении расширения и самоограничения ЕС и его желательных границах⁵.

⁵ См., напр. *Future of the European Union s.a.; Future Expansion 2016.*

В случае принятия второй точки зрения ЕС ничем не отличается от других ведущих глобальных игроков — политий имперского типа, руководствующихся не ценностями, а приоритетами реальной политики: необходимостью рассчитывать ресурсы, риски, цели экспансии во избежание «имперского перегрева», демонстрируя политическое искусство макиавеллистического свойства.

Факторы, определяющие баланс сил и интересов Европы в международной политике

Факторы геополитической стабильности ЕС в меняющемся мире по-прежнему определяются той конструкцией международных отношений, которая возникла с окончанием Второй мировой войны, а именно Ялтинско-Потсдамской системой безопасности, гарантирующей Европе защиту США. Эта система в настоящее время претерпевает эрозию по ряду направлений. Во-первых, ее ставят под вопрос новые вызовы

США со стороны Китая, требующие перераспределения ресурсов не в пользу Европы. Во-вторых, изменение приоритетов американской политики ведет к переосмыслению отношений ЕС с НАТО, для которого (как блока, возглавляемого США) европейский театр утрачивает былое значение (сформировавшееся в эпоху холодной войны и конфронтации с СССР) и все больше рассматривается как периферийный. В-третьих, трансатлантическое торговое партнерство столкнулось с резким усилением протекционистских тенденций, связанным с нарастающими угрозами американской экономической мощи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Текущим выражением этих трендов стало создание в 2021 г. трехстороннего американо-британо-австралийского стратегического союза (AUKUS) без приглашения в него стран ЕС.

Таким образом, если раньше данная конструкция мировой и европейской безопасности вполне отвечала интересам ЕС, комфортно следовавшего в фарватере США, то сегодня продолжение этого курса ставит европейские элиты перед выбором между сохранением лояльности США и выработкой более независимой политики безопасности со всеми вытекающими последствиями — ростом экономического соперничества с «гегемоном», необходимостью создания собственных вооруженных сил, что сопряжено с немалыми финансовыми издержками, напряженностью в отношениях с НАТО (которая уже нашла публичное выражение в заявлении президента Франции о «смерти мозга» этой организации). Эта дилемма так и не получила разрешения, ослабляя роль ЕС в урегулировании международных конфликтов, делая внешнее силовое позиционирование его интересов скорее символическим, чем реальным. Главная угроза стабильности для ЕС — быть втянутым в экономическую и военно-политическую конфронтацию между США и Китаем при отсутствии возможностей для лавирования. Как заметил один из американских аналитиков, «для ЕС выбор, в сущности, таков: быть актером или театральным реквизитом»⁶.

⁶ *Biscop 2020: 93.*

Не будучи в состоянии определять тренды глобальной экономической и военно-политической конфронтации, ЕС все больше становится их заложником. Так, влияние глобального финансового кризиса 2008 г. на ЕС оказалось более разрушительным (кризис суверенного долга), чем на Соединенные Штаты, где он начался. Поддерживая внешнеполитические приоритеты США, ЕС испытывает трудности в разрешении трансграничных, пограничных и миграционных проблем, не имея возможности урегулировать их без внешнего посредничества. Мало того, ему приходится жертвовать собственными внешнеполитическими интересами, солидаризуясь с США даже в тех случаях, когда не одобряет их позицию (война в Ираке, иранская ядерная сделка, афганская операция). ЕС не может дистанцироваться от США хотя бы в силу экономической зависимости (евро привязан к доллару), не говоря уже о политических мотивах — опасность внутреннего раскола постоянно довлечет над его внешними действиями⁷. В этом контексте особенно показательны отношения ЕС и России, решающим фактором

⁷ *Tuschhoff 2020.*

в которых выступали и выступают США, при чем активном участии Россия была отодвинута в сторону в период формирования системы европейской безопасности после окончания холодной войны. По мнению внешних наблюдателей, неспособность ЕС отделить свою политику от интересов США делает его ненадежным партнером, свидетельствует об отсутствии решимости в отстаивании своих приоритетов⁸.

⁸ *Oguzlu 2019.*

Может ли ЕС выйти из этих противоречий и обрести полноценную субъектность в международных отношениях? Ответ на этот вопрос скорее негативный, чем позитивный, поскольку в этом не заинтересованы, хотя и по разным причинам, все основные игроки глобальной политики, а также Великобритания, предпочитающие иметь дело с ЕС как с более слабым партнером или взаимодействовать с отдельными его членами и их элитами. Это относится и к России, рассматривающей Европу как зону соперничества с США в более широком контексте выстраивания отношений с Индией и Китаем⁹. Общим следствием новых геополитических трендов является неспособность ЕС выработать устойчивую линию в отношении международных конфликтов, таких как война в Ираке, Сирии, Центральной Африке и т.п. Отсюда отсутствие единого внешнеполитического курса ЕС, запоздалость решений и проигрыш во времени в сравнении с другими глобальными игроками, действующими на мировой арене более целеустремленно.

⁹ *Rahr 2020.*

Факторы, определяющие динамику внутриполитической ситуации в ЕС

Факторы, задающие неблагоприятную динамику внутривнутриполитической ситуации в ЕС, можно разделить на три большие группы. Первая из них включает объективные процессы, связанные с резким сокращением демографического роста, падением доли Европы в мировой экономике, дисбалансами финансового регулирования, а также трудностями в определении единой культурной идентичности, которые становятся все более серьезными с включением в Союз новых членов и усилением миграционных потоков¹⁰. Указанные процессы затрагивают ЕС в целом, но вместе с тем обостряют противоречия внутри него, которые возрастают по мере сокращения ресурсов и вынесения внутриэлитных споров в публичное пространство и сферу культурного взаимодействия.

¹⁰ *White Paper 2017.*

Вторая группа факторов связана с конструктивными особенностями ЕС — незавершенностью интеграции и гибридным характером Союза, порождающими конфликт между декларируемым стремлением к единству и фактической асимметрией его членов. Ситуацию усугубляет компромиссность учредительных договоров ЕС, положения которых допускают разную трактовку и формы реализации в направлении как конфедерализма, так и федерализма¹¹. Понятие европейского суверенитета остается скорее пожеланием, чем реальностью, а сам процесс его конструирования — предметом споров. Однако решение этой проблемы через достижение консенсуса всех членов Союза (необходимого для изменения договоров) видится маловероятным, учитывая фактический раскол между группами входящих в ЕС государств. Этот раскол прохо-

¹¹ *Möller and Pardijns 2017.*

дит как по линии ценностей (разделение на «старую Европу», где доминируют ценности либеральной демократии в ее понимании современным мейнстримом, и страны Вышеградской группы, отдающие предпочтение традиционным ценностям и выступающие за сохранение особой правовой идентичности), так и по линии экономических интересов, столкновение которых особенно очевидно при решении финансовых вопросов (разделение на север и юг, запад и восток Европы). Следует упомянуть также фактическое неравенство основателей Союза (танDEM Франции и Германии, усилившийся после выхода Великобритании) и небольших государств ЕС, озабоченных защитой своего статуса в Объединенной Европе.

Третья группа факторов — ошибки европейских элит, их неспособность дать адекватный ответ на острые внешние и внутренние вызовы последнего десятилетия. Чреда этих вызовов включает в себя конституционный кризис 2005 г., финансовый кризис 2008 г., породивший кризис еврозоны, миграционный кризис 2015 г., Brexit и, наконец, кризис пандемии 2020—2021 гг. По мнению большинства аналитиков, реакция европейских институтов на эти вызовы была слабой, запоздалой и, что важно, не укрепляла легитимности Союза как целого¹².

¹² *Janning 2018.*

Так, ответом на финансовую турбулентность стали не усилия, направленные на достижение согласия, а наделение финансового регулятора (Европейского центрального банка) новыми и прямо не вытекающими из учредительных договоров полномочиями по введению режима экономии с правом корректировать бюджеты национальных государств через голову их парламентов и правительств. Миграционный кризис не просто выявил отсутствие единой правовой базы для его разрешения, но и продемонстрировал противоположные подходы к сложившейся ситуации — от приема беженцев до перекрытия границ внутри Союза, чтобы не допустить их притока¹³. Выработка единой позиции ЕС по Brexit натолкнулась на попытку ряда государств-членов использовать его для критики европейских институтов с целью возвращения части суверенных полномочий национальным правительствам. Борьба с пандемией обнажила преобладание эгоистических интересов государств над общими интересами Союза¹⁴.

¹³ *Bignami 2020.*

¹⁴ *Zurawski vel Grajewski 2020.*

Если ранее констатировалось, что европейская интеграция перешла от эпохи «разрешающего консенсуса» (*permissive consensus*) к эре «сдерживаемых разногласий» (*constraining dissensus*), то сегодня речь идет о принуждении к консенсусу в виде «связывающих разногласий» (*binding dissensus*), то есть о системе, где сама фиксация символических разногласий становится инструментом управления ими. Стало ясно, что основанный на правилах подход (*the rule-based approach*) уже «не может справиться со всеми внутренними и внешними вызовами, с которыми столкнулся ЕС»¹⁵. Это требует возвращения политики, причем в самом макиавеллистическом понимании, когда многое не говорится вслух, а то, что говорится, накладывает на стороны жесткие обязательства.

¹⁵ *Van Middlaar 2016.*

Предметом споров, получающих острое эмоциональное выражение, сегодня оказывается само сохранение интеграционного проекта. По словам экс-директора Европейского центра Фонда Карнеги за международный мир Яна Техау, «европейцам предстоит много потерять от политической глобализации, поскольку их образ жизни так трудно удержать и защитить. Одни хотят воспользоваться этим образом жизни, ибо мечтают о нем, другие стремятся разрушить, поскольку ненавидят его. И, главное, он опирается на глобальный порядок, который европейцы не могут гарантировать». Изменение этого порядка «вытащит европейцев из их комфортного уютного уголка, оберегаемого США, в котором либеральные устои, плюрализм, политическая стабильность и отсутствие крупных конфликтов считались чем-то само собой разумеющимся»¹⁶. Единая Европа — это бастион, позволяющий выстоять перед вызовами глобализации, и ЕС должен им оставаться, или он погибнет. Но для этого ему нужно пересмотреть свое место в мире.

¹⁶ *Techau 2016.*

В основе интеграционного проекта отныне лежит не прекрасная утопия будущего, а чувство страха и боли. «Народы Европы, — подчеркивает Техау, — уже не будут интегрироваться из любви к идее объединенной Европы, если, конечно, так вообще когда-нибудь было. Интеграция наступит только тогда, когда боль станет действительно острой». Поэтому ЕС предстоит стать союзом, основывающимся не столько на ценностях, сколько на интересах, перейти от идеализма к функциональности. В связи с этим Техау прогнозирует «Европу, в которой ценности будут ближе к наименьшему общему знаменателю, чем к тем великим идеям, на которых хочет строиться ЕС. Это породит нескончаемые напряжения, но это все же меньшая цена, нежели раскол по поводу максималистских моральных принципов, ведущий к поражению в жестоком мире политической глобализации». Если ЕС хочет быть эффективным, он должен в большей мере соответствовать запросам Realpolitik¹⁷.

¹⁷ *Ibidem.*

Иначе говоря, чтобы выжить в условиях жесткой конкуренции с другими империями, ЕС сам должен превратиться в империю. Но сохранит ли он в этом случае свою миссию глобального защитника либеральной демократии?

Эрозия легитимности ЕС как системная проблема

Легитимность любой политической системы базируется на доверии к ней общества, основанном, в свою очередь, на исторической традиции, а также на представлениях о справедливости (включая законность) и эффективности власти. По всем этим параметрам легитимность европейского интеграционного проекта вызывает ожесточенные споры. Схематично позиции сторон в этих спорах можно обозначить как «еврооптимизм» (исходящий из безальтернативности европейского проекта и его адекватности современным вызовам), «европессимизм» (полагающий проект утопичным и принципиально нереализуемым в современных условиях) и «еврореализм» (допускающий жизнеспособ-

ность проекта при условии его глубокого реформирования в свете текущих вызовов глобализации). Если абстрагироваться от эмоциональной составляющей полемики, отражающей, как правило, политическую ангажированность ее участников, проблемы легитимности европейского интеграционного проекта сводятся к следующему.

Прежде всего, под вопросом находится историческая легитимность проекта ЕС, поскольку его принятие и развитие были не результатом общественного выбора, а продуктом консенсуса европейских элит, причем в первую очередь элит Франции и Германии, преследовавших собственные цели. После провала референдумов по конституции Европы во Франции и Голландии в 2005 г. проблема правовой интеграции была решена Лиссабонским договором 2008 г., одобренным главами правительств и ратифицированным парламентами государств-членов без проведения референдумов (который прошел только в Ирландии). Как утверждают критики, граждане европейских стран были поставлены перед фактом юридического переворота, не получив возможности полноценно обсудить интеграционный проект, продвижение которого с самого начала осуществлялось за счет манипулирования общественным мнением с использованием селективной подачи информации и макиавеллистических технологий (в виде «поправок к поправкам», вносимых в учредительные документы)¹⁸.

¹⁸ Sternberg 2016.

Другой аспект проблемы легитимности — так называемый дефицит демократии в ЕС (под которым понимается не столько отсутствие демократии как таковой, сколько растущее отчуждение общества от европейских структур по мере продвижения интеграции). Этот «дефицит» фиксируется по целому ряду параметров легитимирующей формулы. Во-первых, транснациональные (европейские) институты формируются государствами (а не посредством прямых выборов), причем значительная их часть создается путем делегирования полномочий или кооптации, что резко снижает их легитимность по сравнению с парламентами национальных государств. Во-вторых, эти неизбираемые институты (Европейский совет, Европейская комиссия, европейские суды), по существу, определяют не только законодательную повестку, но и направления ее реализации, действуя через голову национальных парламентов и судов. В-третьих, формальное единство европейских структур затушевывает фактический раскол между странами по линии ценностей и интересов, заставляя граждан государств, приверженных либеральной демократии, поддерживать и финансировать из общего бюджета тех, кто демонстрирует склонность к традиционализму и авторитаризму, с чьими действиями они в принципе не согласны¹⁹. Общей формулой, выражающей эти тренды, может служить констатация кризиса демократической подотчетности европейских институтов.

¹⁹ Mounk 2020.

Третьей стороной проблемы легитимности выступает недостаточная эффективность управления, проявляющаяся во многих европейских решениях по вопросам внутренней и внешней политики, в том числе по обеспечению единства политики всех государств-членов,

часть которых открыто выражает несогласие с позицией европейских структур. Теория коммунитаризма, делающая ставку на «разделенный суверенитет», ничего не говорит о формах и методах его осуществления. Появившиеся в ходе их разработки дополнительные концепции — солидарности (означающей общность устремлений), многоуровневого конституционализма (включающего как минимум пять уровней — глобальный, европейский, региональный, национальный и местный) и субсидиарности (взаимодополнительности их решений), — по сути, предполагают разделенную легитимность, делают всю систему разрешения конфликтов между уровнями власти чрезвычайно сложной и приводят к сбоям в управлении, особенно в условиях кризисов, требующих быстрой системной мобилизации. Важным аспектом сложившейся ситуации является ослабление легитимности самих национальных правительств и элит, которые, с одной стороны, начинают рассматриваться как простые проводники решений европейских структур, а с другой — как инструмент противостояния им во имя защиты национальных интересов и «идентичности». Это порождает острый конфликт двух типов легитимности — европейской и национальной, — создающий питательную почву для евроскептицизма, популизма и национализма самых разных оттенков²⁰.

²⁰ Bogdandy and Sonnevend (eds.) 2015.

Наконец, необходимо учитывать, что правовые принципы Союза не оставались неизменными, но претерпели серьезную трансформацию, более или менее явную. Реальная европейская конституция оказалась пересмотрена по трем направлениям: «во-первых, компетенции были централизованы; во-вторых, старый институциональный баланс, обеспечивавший наднациональные уровни управления, уступил место более обтекаемому разделению власти, существенно сдвинутому в сторону наименее представительных институтов, которым приписывалась большая способность к эффективным действиям; в-третьих, в ряде важных институтов был отброшен принцип равенства между государствами-членами, что привело к появлению разных правовых режимов не только в рамках еврозоны, но и, что критично, за ее пределами — для государств-кредиторов и государств-должников»²¹. Исследователи фиксируют множество технологий обхода учредительных документов Союза во имя рационализации управления, наличие которых одними расценивается как признак гибкости, а другими — как образец «циничного менеджмента»²².

²¹ Fossum and Menendez (eds.) 2014: 13.

²² Van Middelaar 2016; Sternberg 2016; Janning 2018 и др.

²³ Подробнее см. Медушевский 2021.

Наиболее отчетливым проявлением дефицита легитимности ЕС стал Brexit²³, поставивший под сомнение ключевые параметры европейского интеграционного проекта — транснациональный конституционализм, солидарность, приоритет европейской культурной идентичности над национальной и коллективного суверенитета над государственным. И хотя ЕС удалось избежать «эффекта домино» и остановить деструктивные процессы, выход из Союза одной из ведущих стран оказался шоком для европейских элит, заставив их задуматься о путях реконструкции его легитимности. По данным социологического опроса, про-

веденного Chatham House в 2016—2017 гг. в 10 странах ЕС, в отношении перспектив европейского проекта европейское общество и элиты расколоты практически пополам: 55% публики и 43% представителей элит допускают, что в ближайшие 10 лет решение покинуть Союз примут и другие государства-члены²⁴.

²⁴ *Raines, Goodwin, and Cutts 2017.*

²⁵ *См. Lord 2020.*

²⁶ *Přibáň 2016.*

²⁷ *Nuhanovic and Pasic 2019.*

²⁸ *State of the Union 2018: 1—12.*

Кризис легитимности ЕС²⁵, положивший конец «мечте еврократов о бесконечной Европе»²⁶, суммарно отражает серию кризисов — экономического, финансового, конституционного, а главное — культурного. Дело дошло до заявлений о кризисе самой идеи Европейского союза²⁷. Уже в 2018 г. «экзистенциальный кризис» ЕС был признан на официальном уровне — президентом Европейской комиссии Жан-Клодом Юнкером²⁸.

Дисфункции механизма принятия решений в европейской политике

Вопреки устремлению ЕС к созданию более «сплоченного союза народов Европы» (ст. 1 Договора о Европейском союзе)²⁹ путем последовательной передачи суверенных полномочий государствам-членам национальным институтам, эта цель остается недостижимым идеалом. Формирование единого европейского суверенитета упирается в его трактовку как «разделенного» между государствами — членами Союза, отношения между которыми строятся преимущественно по линии межправительственных договоренностей, а не проведения согласованной политики, вырабатываемой важнейшими общеевропейскими структурами — Парламентом, Советом и Комиссией. Этому соответствует механизм принятия решений, базирующийся на учредительных договорах ЕС (имеющих международно-правовой, а не конституционный характер), главной особенностью которого является принцип единогласия.

²⁹ *Кашкин 2011: 170.*

Следствием такого положения вещей является целый ряд трудностей: 1) невозможность принятия решений, против которых выступает хотя бы один член Союза; 2) длительность согласования позиций государств по ключевым вопросам; 3) неизбежно общий и компромиссный характер принятых решений, содержащих элемент неопределенности и требующих долгого последующего обсуждения; 4) отсутствие эффективного правового механизма, позволяющего принуждать государства-члены и их правительства действовать в соответствии с достигнутыми договоренностями; 5) неработоспособность процедуры исключения «ревизионистских» государств в случае проведения ими антиевропейской политики³⁰. Констатация этих проблем не приближает их решения, поскольку данная конструкция, вытекающая из конфедеративной природы Союза и его учредительных документов, не может быть пересмотрена без согласия всех его членов (ст. 48 Договора о ЕС).

³⁰ *Halmai 2018.*

Эту ситуацию можно охарактеризовать как «замкнутый круг»: выходом из сложившегося положения мог бы стать консолидированный пересмотр учредительных документов в части механизма принятия решений (отмена принципа единогласия), но для утверждения соответствующих поправок необходимо изменить процедуру их одобрения,

требующую согласия всех членов Союза, что при нынешнем соотношении сил едва ли возможно. Этот тупик отчетливо проявился в попытках исключить из Союза нелояльные ему государства: подобное предложение неоднократно выдвигалось Европарламентом в отношении Венгрии и Польши, однако эти страны заключили между собой своеобразный неформальный союз о взаимной поддержке — инициатива по исключению одной из стран просто блокируется другой. Иначе говоря, ЕС не имеет правовых рычагов воздействия на государства, не выполняющие его фундаментальные принципы. На дестабилизирующую роль этого фактора обращает внимание такой известный сторонник европейской интеграции, как Джордж Сорос, сравнивающий ЕС с поздним СССР, где сепаратизм союзных республик не мог получить адекватного отпора со стороны центра, действия которого блокировались конституционными ограничениями³¹.

³¹ *Soros 2014.*

Не менее острой проблемой является отсутствие единого центра принятия решений. В разных ситуациях на эту роль претендуют Европейский парламент, Европейский совет, Европейская комиссия, Европейский центральный банк (ЕЦБ) и другие институты, различающиеся по степени легитимности, способам формирования, компетенциям и весу, который к тому же не остается неизменным. В условиях кризиса еврозоны произошло фактическое изменение конституционных «правил игры» — ЕЦБ взял на себя функции, далеко выходящие за рамки, которые были установлены для него Маастрихтским договором, став из простого регулятора инфляции органом, перераспределяющим финансовые ресурсы через голову национальных парламентов и не несущим ответственности ни перед ними, ни перед Европарламентом. Между этими институтами возможен и острый конфликт, отражающий позиции различных субъектов европейской политики — электората, правительств отдельных государств, еврократии, экономической технократии и др., — причем с неопределенной перспективой достижения консенсуса, что делает туманным обретение Союзом четкой политической субъектности. Следствием становится вакуум власти как на уровне ЕС, так и на уровне взаимодействия входящих в него национальных государств, быстро заполняемый популистскими проектами антиинтеграционной направленности.

Выход из положения аналитики видят в реформе европейских институтов, нацеленной на федерализацию, централизацию и консолидацию союзной власти. Это предполагает пересмотр учредительных договоров ЕС и роли ключевых европейских институтов в направлении усиления интеграционных принципов взаимодействия, но оставляет место для дискуссии о практической реализации данной задачи³². В целом здесь просматриваются три стратегии, отгалкивающиеся от трех основных форм (систем) правления, существующих в современных государствах, — парламентской, президентской и смешанной. Первая стратегия делает ставку на повышение веса Европарламента, который должен избираться всеми гражданами ЕС (а не по национальным квотам).

³² *Dawson and Witte 2016.*

там, как сейчас), создание системы европейских партий, введение института ответственного европейского правительства, обладающего полномочиями по проведению общеевропейской политики. Вторая видит решение в учреждении института европейского президента, избираемого всеобщим (прямым или косвенным) голосованием. Третья ищет баланс власти по линии федерализма (для чего потребуется создать вторую палату парламента — Европейский сенат) при сочетании элементов парламентской и президентской систем³³. Все подобные проекты (вне зависимости от того, предусматривают они ревизию учредительных договоров или нет) исходят из существования единого европейского гражданского общества, способного выразить свою волю на общеевропейском референдуме или выборах, предполагая, что это общество обязательно выскажется в пользу сохранения либеральных европейских ценностей. Однако в свете усиления популизма и евроскептических настроений это совершенно не очевидно, и ожидать однозначного перевеса демократии над авторитаризмом нет сколько-нибудь веских оснований.

³³ *Democratic Legitimacy 2013.*

Третья проблема — отсутствие в Европе выраженного лидерства. Ситуация стагнации, которую некоторые характеризуют как «евросклероз» (eurosclerosis), задается конфликтом между движением в направлении интеграции и идущими параллельно процессами дезинтеграции, фрагментации и перестройки отношений, который не может быть урегулирован без достижения консенсуса на межправительственном уровне, то есть без решения вопроса о лидерстве. По мнению ряда аналитиков, институциональной основой такого решения могло бы стать слияние позиций председателей Европейской комиссии и Европейского совета, чтобы у ЕС было одно лицо — президент ЕС³⁴. Было потрачено немало сил на поиск источника подобного лидерства, который усматривался в тандеме Франции и Германии, и подбор конкретных кандидатур (эта роль обычно отводилась Ангеле Меркель или Эммануэлю Макрону), но в настоящее время по объективным причинам эти идеи оказались отброшены. Тем не менее интерес к этой теме сохраняется, проявляясь в обсуждении критериев и качеств, которыми гипотетически должен обладать лидер, — центральный вопрос с точки зрения как политической философии, так и практики.

³⁴ *Chopin 2016.*

**Утраченное
равновесие:
альтернативные
проекты будущей
конструкции ЕС**

Кризис легитимности ЕС запустил дискуссию по поводу модели обновленного Союза, отражающей пути его корректировки и направления последующего развития. В этой дискуссии приняли участие все основные европейские институты — Европарламент, Европейский совет и Европейская комиссия, что нашло выражение в их программных заявлениях.

В «Белой книге о будущем Европы», официальном документе Европейской комиссии, изданном в 2017 г., представлено пять альтернативных сценариев развития ЕС до 2025 г.: 1) возвращение к отпав-

ной точке интеграционного проекта — обсуждению общей программы действий и повестки реформ Союза; 2) ограничение интеграции единым рынком; 3) переход, при сохранении равенства правового статуса государств-членов, к более вариативным формам кооперации между ними в отдельных областях (таких, как оборона, международная безопасность, налогообложение или социальные вопросы); 4) ограничение пространства совместных действий при повышении их скорости и эффективности в ключевых областях (инновации, торговля, безопасность, миграция, управление границами и обороной, декарбонизация); 5) повышение интенсивности кооперации во всех сферах путем передачи на транснациональный уровень большего объема власти и ресурсов³⁵.

³⁵ *White Paper 2017.*

Сравнительный анализ этих пяти сценариев позволяет констатировать, во-первых, чрезвычайно широкий разброс позиций — от восстановления конфедеративной конструкции (свертывание кооперации до уровня выработки совместной программы) через ограничение интеграции экономическими вопросами (общий рынок) либо кооперацией (по отдельным темам или группам государств) до движения к федеративной модели; во вторых, неясность общего вектора движения — вперед, к более полной интеграции или, наоборот, назад, к отказу от нее в пользу ограниченной кооперации; в-третьих, отсутствие консенсуса европейских элит по этим вопросам. В любом случае документ свидетельствует об осознании переломного характера переживаемого момента, что отчетливо проявилось в его заключительной формуле: «Европа должна решать сейчас»³⁶.

³⁶ *Ibid.: 26.*

Возникло очевидное расхождение между правовой формой Союза (который, по существу, остается конфедеративным образованием) и необходимостью действовать как единое и уверенное в себе политическое целое — союзное государство. Главное противоречие ЕС как геополитического проекта состоит в том, что он является одновременно экономическим гигантом и политическим карликом. В результате внешней экспансии ЕС добился невероятного расширения территории и ресурсов, обретя экономический и демографический потенциал, равный США. Однако в силу своей правовой конструкции он не смог конвертировать этот успех в интеграцию, военное и политическое влияние. Как справедливо отмечают критики, ЕС превратился в своеобразный аналог Священной римской империи германской нации³⁷, стремительно становится «большим человеком Европы» (как в свое время русский царь Николай I охарактеризовал угасающую Османскую империю), а представления его элит окрашены евроутопизмом и магической верой в силу принципов³⁸. Баланс успехов и поражений этой модели интеграции настолько неустойчив, что порождает противоположные образы будущего³⁹. Означает ли это конец эксперимента, или европейский интеграционный проект может быть воссоздан на иной основе?

³⁷ *Garcés 2020.*

³⁸ *Cunliff 2020.*

³⁹ *Günar and Darici (eds.) 2020.*

В этом плане представляет интерес методология европейской перестройки, напоминающая ее позднесоветский вариант и отражаю-

щая известную неуверенность инициаторов и их стремление разделить ответственность за результаты путем вынесения фундаментальных вопросов европейской интеграции на публичное обсуждение с целью демократической легитимации возможных решений. Взять на себя соответствующую функцию призвана общеевропейская Конференция о будущем Европы, торжественно открытая в Страсбурге 9 мая 2021 г. Однако уже в ходе подготовки ассамблеи и разработки ее концепции отчетливо проявился ряд системных конфликтов: 1) между институтами европейского общества и руководящими структурами ЕС (по широте и формам гражданского политического представительства); 2) между группами государств-членов (по распределению бюджетных средств Союза); 3) между европейскими политическими движениями и партиями (по масштабам изменения правовой и политической системы ЕС); 4) между тремя основными институтами самого ЕС — Парламентом, Советом и Комиссией; 5) между лидерами (по вопросу о том, кто должен возглавить Конференцию)⁴⁰. В итоге из программы Конференции был изъят ключевой вопрос о корректировании учредительных документов ЕС, а ее задачи оказались сведены к «консультациям» с гражданами — сбору предложений от гражданского общества, не являющихся юридически связывающими для правительств и европейских институтов⁴¹. Совершенно очевидно, что, будучи способно расширить легитимность власти, проведение такого форума едва ли может стать эффективным инструментом разработки законодательных проектов в силу неизбежного столкновения между популизмом и профессионализмом в принятии решений.

⁴⁰ Подробнее см. Медушевский 2022.

⁴¹ Pirozzi 2021.

**Размежевание
в обществе:
конфликт элит
как отражение
трудностей
европейской
политики**

Вопреки космополитической вере в неуклонный прогресс солидарности, формирование единого европейского демоса и движение ко все большему единству европейских государств, в текущей перспективе возобладали противоположные тенденции, поставившие под вопрос существование европейского интеграционного проекта. Одним из следствий Brexit стало размежевание по поводу перспектив европейского проекта. Оно фиксируется по трем параметрам: 1) поляризация настроений внутри европейского общества, которое раскололось практически пополам в восприятии итогов евроинтеграции; 2) расхождение между обществом и элитами — публика гораздо более пессимистична в отношении евроинтеграции (негативная оценка составляет 54%⁴²), чем элита, большинство которой (71%) оценивает ее позитивно; 3) отсутствие консенсуса внутри элиты относительно будущего развития ЕС. Хотя подавляющая часть элиты полагает, что выиграла от создания ЕС, ее представители далеки от единства применительно к дальнейшей интеграции. В противовес бытующему мнению, что элита в целом поддерживает интеграцию, это не очевидно: 28% ее членов выступают за сохранение status quo, 37% убеждены, что ЕС должен получить больше власти, а 31% считает, что он должен вернуть власть государствам-членам.

⁴² Здесь и далее используются данные упомянутого выше опроса Chatham House (см. Raines, Goodwin, and Cutts 2017).

Дифференциация европейских элит прослеживается по нескольким направлениям — между евробюрократией и элитами национальных государств; между элитами больших европейских регионов, различающихся по своим экономическим интересам; между элитами государств-членов (в частности, государств — основателей Союза и его периферии); между группами внутри национальных элит, ориентирующимися на продолжение или свертывание интеграционных процессов. Стратегическое значение для перспектив интеграционного проекта имеет конфликт между евробюрократией и элитами национальных государств, отражающий противоречие между транснациональными и национальными приоритетами интеграционной политики. Рассмотрим содержание данного конфликта.

⁴³ См., напр. Spinelli 1966.

Понятие «евробюрократия» (*eurocracy*), введенное в оборот в 1960-е годы для обозначения штата Европейской комиссии⁴³, сегодня используется применительно ко всем должностным лицам ЕС, отражая специфику союзной (европейской) бюрократии по сравнению с традиционной бюрократией государств-членов. В отличие от традиционной бюрократии, действующей в соответствии с принципом иерархии и разделения функций во внутренней и внешней политике, евробюрократия построена скорее сетевым образом: при наличии иерархических отношений в политической сфере нет формальной структуры иерархической отчетности и контроля в международных делах. По оценке аналитиков, в этой новой модели «правительство растворяется в конституирующих компонентах и поддерживает множество независимых связей со своими партнерами в других правительствах». О евробюкратах известно гораздо меньше, чем о бюрократах традиционного типа, но именно они вырабатывают установки Брюсселя по вопросам координации позиций государств-членов. Они взаимодействуют с бюрократией национальных государств, гражданские службы которых являются частью «невидимой руки» европейского управления, включающей также чиновников Европейской комиссии, секретарей Европейского совета, компании и лоббистов. Все это образует сложный механизм взаимодействия, определяемый исследователями как «черный ящик»⁴⁴.

⁴⁴ Geuijen et al. 2008: 13—15.

Выстраивание отношений евробюрократии с бюрократией государств-членов (и баланса между ними) — непрозрачная область, скрывающая структурную дифференциацию, различные источники рекрутирования и функционирования корпуса административных служащих. Во-первых, евробюрократия неоднородна по статусу. В целом в ней можно выделить три основные группы: 1) политические назначенцы, такие как европейские комиссары или члены Европейского парламента; 2) функционеры, входящие в постоянный штат европейских институтов (они распадаются на две категории — ассистентов, выполняющих секретарскую работу, и администраторов, функции которых носят более политический и менеджерский характер); 3) агенты по договору, чьи контракты ограничены по времени и становятся постоянными только после нескольких обновлений. Степень лояльности этих групп Со-

юзу а ргіоі не одинакова. Во-вторых, еврократия (численность которой в Брюсселе составляет около 33 тыс. человек) неравномерно распределена по ключевым институтам: примерно 22 тыс. трудятся в Европейской комиссии, 7,6 тыс. — в Европейском парламенте и 3,4 — в Европейском совете, что означает явный кадровый перевес неизбираемых структур исполнительной власти. В-третьих, еврократы обычно рекрутируются из всего кадрового резервуара государств ЕС на основе установленных принципов селекции штатов (EPSO), а потому имеют значение профили национальных когорт (распределенных по разным учреждениям) с точки зрения времени вхождения страны в Союз, а также путей интеграции ее представителей в евроструктуры — они могут быть различными, отражая приоритеты соответствующих регионов, стран и правительств⁴⁵. С учетом всех этих факторов еврократия как особая категория управленцев не выглядит гомогенной. С одной стороны, она транслирует позиции Комиссии, вовлекая общество в их публичное обсуждение как на транснациональном, так и на национальном уровне. Поэтому еврократы воспринимаются как единый корпоративный слой с особым статусом, полномочиями и психологией, противостоящий в этом качестве национальным бюрократиям и правительствам. С другой стороны, она отражает различие трендов в европейской политике. В связи с этим возникает вопрос: насколько корпоративное единство еврократии может сохраняться в условиях дифференциации ключевых акторов европейской политики перед лицом кризисов, таких как, например, миграционный или пандемия?

В ситуации структурного кризиса определяющим становится конфликт двух типов легитимности — транснациональной и национальной, а в адрес еврократии звучат обвинения (далеко не всегда обоснованные) в отступлении от демократии, гиперцентрализации и манипулировании европейским обществом. На этом фоне декларации Еврокомиссии о солидарности и единстве ЕС начинают походить на заклинания, выдающие желаемое за действительное. Характерна критическая, иногда на уровне гротеска, оценка этих установок евроскептиками Восточной Европы, которые сравнивают Брюссель с Москвой, требуя возвращения отторгнутого «национального суверенитета» и восстановления «идентичности», и представляют еврократию как аналог советской номенклатуры, «жирных котов», отстаивающих корпоративные привилегии в ущерб национальным интересам стран, из которых происходят. Остается, однако, неясным, как в контексте нарастающих трудностей различные группы еврократии будут воспринимать перспективы интеграционного проекта ЕС и в какой степени они способны учитывать позиции отдельных регионов и стран, прежде всего ведущего государства Союза — Германии.

Поддержание единства Союза извне, как было показано выше, имеет свои пределы, опираясь на достигнутый уровень взаимодействия транснациональных и национальных элит. Конфликт горизонтальных сетевых коммуникаций с вертикальными (иерархическими) в структу-

⁴⁵ *Bijuk Sencar and Turk 2018: 128—133.*

ре транснационального управления ЕС способен положить конец стабильности. Данный тренд находит выражение в продвижении концепции «Европы разных скоростей» — расширения системы продвинутого партнерства отдельных групп государств внутри ЕС в рамках учредительных документов Союза, а в перспективе — и за их пределами. Этот путь, даже при сохранении формального единства, повышает внутреннюю асимметрию Союза и несет в себе угрозу его сплоченности, будучи чреват подчинением европейской политики региональным и национальным приоритетам. Эта гипотетическая возможность станет реальностью в случае заключения альянса между частью национальных элит и частью еврократии, заинтересованными в пересмотре «правил игры» внутри европейского интеграционного проекта. Ревизионистские элиты, как правило, вовсе не отрицают интеграцию, но хотят видеть Союз совершенно другим.

**Боги жаждут:
содержание
европейского
макиавелли-
стического
момента
и сценарии
выхода из него**

Каковы теоретически просматривающиеся пути восстановления действенности европейского интеграционного проекта? Их три.

1. Переучреждение Союза на основе новой демократической легитимности — преобразование структуры ЕС через созыв европейской Конституанты для корректировки учредительных договоров или принятия конституции федеративного государства. Возможные направления и механизмы такого переучреждения отражены в соперничающих трактовках будущего Договора о Европе (при вынесении за скобки предложения сохранить его в неизменном виде) — полностью пересмотреть учредительные документы ЕС, внести в них ограниченные поправки, добиться их изменения путем судебной интерпретации или фактически поменять «правила игры» с помощью политических маневров. Как уже говорилось, в современном политическом климате Европы этот вариант, во всяком случае в его радикальной форме, практически нереализуем.

2. Осознанное принятие фактической асимметрии ЕС в рамках концепции «Европы многих скоростей» — более четкая юридическая фиксация параметров «продвинутого сотрудничества» для определенных групп государств, с тем, однако, чтобы другие государства со временем могли к ним присоединиться. Этот вариант вполне реализуем, более того, он отражает сложившееся положение вещей, но таит серьезную опасность: из инструмента продвижения интеграции он может превратиться в инструмент дезинтеграции, поскольку позволит зафиксировать раскол между государствами Европы.

3. Принятие *de facto* (если не *de jure*) идеи разделения ЕС на центр и периферию с наделением ведущих государств приоритетным правом говорить от имени европейских структур. Этот вариант соответствует реальности «немецкой Европы», отражая фактическую роль Германии в создании и укреплении ЕС, и строится на представлении о европейской интеграции (особенно после выхода Соединенного Королевства) как о чем-то вроде продолжения объединения отдельных государств вокруг

имперского ядра. Его реализация тоже сопряжена с немалыми трудностями, среди которых нежелание самой Германии брать на себя бремя интеграции (как по экономическим, так и по историческим причинам), ожидаемое сопротивление другого «мотора» ЕС — Франции, а главное — противодействие со стороны США как истинного демиурга европейского интеграционного проекта.

Поскольку ни один из вариантов не проходит в чистом виде, речь, по-видимому, должна идти об их комбинации, включающей пересмотр учредительных договоров и управление многообразием под патронажем государств — учредителей Союза. Однако ключевым условием выступает изменение механизма власти в ЕС. Радикальность предстоящих изменений делает маловероятным их осуществление с сохранением правовой преемственности. В лучшем случае это будет юридический переворот — фактический разрыв преемственности, закамуфлированный под корректирование учредительных договоров. Но он вполне может оказаться и реальным переворотом — отказом от существующей модели коммунитаризма (разделенного и многоуровневого суверенитета) ради обретения полноценного европейского суверенитета. На передний план выходит совершенно новый набор приоритетов — не ценности, а интересы, не права, а реальная политика, не коллективное руководство, а единое лидерство. Это лидерство, конечно, может стать результатом спонтанного общеевропейского движения, причем не обязательно демократического (на эту роль могут претендовать, например, правые и левые популисты — сторонники интеграции, а также фанатичные приверженцы «зеленого поворота»). Но оно может возникнуть и из компромисса между ведущими государствами Союза, осознавшими опасность раскола, компромисса, основанного на объединении национальных и союзных элит в рамках реформированной еврократии — с превращением ее в единую номенклатуру Союза. В этом случае ЕС, возможно, утратив ауру глобального защитника либеральных ценностей, станет настоящей империей, способной на равных конкурировать с другими — США, Россией и Китаем.

Выход из политического тупика евроинтеграции («евросклероза») важен не только для самой Европы, но и всех тех, кто, как и автор настоящей статьи, рассматривает европейские ценности правового государства как компас в современном мире глобальной политики. В текущей перспективе тенденции к фрагментации выглядят более сильными, чем тенденции к интеграции, но это впечатление может оказаться обманчивым, поскольку страны Союза не в состоянии противостоять глобальным вызовам по отдельности. В случае распада ЕС возможны два варианта — полное прекращение взаимодействия между бывшими его членами и переучреждение Союза. Второй вариант представляется более приемлемым, но его осуществление, несомненно, будет определяться политическими условиями времени, когда это будет происходить. В любом случае он потребует перестройки Союза на новых основаниях — институционализации Европы дифференцированных регионов

с выделением ядра ведущих государств и подчинением (или отсечением) европейской периферии. Фактически (если не юридически) это будет означать утверждение имперской формулы, то есть отказ от принципа равенства всех государств Союза в принятии стратегических решений с выстраиванием их иерархии по отношению к союзному центру власти и подчинением региональных элит союзной. Данный тренд вызывает ассоциации с размышлениями Макиавелли о перспективах объединения Италии, вольно или невольно заставляя задуматься о применимости его рекомендаций к судьбам интеграционного проекта Европы.

Это и есть макиавеллистический момент — необходимость для европейских элит в условиях глобального кризиса принять окончательное решение, причем сделать это быстро, для чего требуется не столько самоуспокоительная риторика о незыблемых ценностях, сколько прагматическая политика, основанная на «государственном разуме», политическом искусстве и единстве воли. Речь идет о качестве, которое Макиавелли назвал бы «доблестью» (*virtu*), — убеждению, что с ростом трудностей «не стоит падать, полагаясь на то, что тебя поднимут». Но, как и в прежние времена, для этого нужен лидер, способный противостоять превратностям судьбы: «Какие двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей?»⁴⁶

⁴⁶ Machiavelli 1993: 298.

Появится ли эта доблесть у европейских элит, дезориентированных и убаюканных длительной эпохой покоя и процветания, либо им на смену придут новые лидеры, более соответствующие прихотям фортуны, покажет ближайшее будущее.

Библиография

Кашкин С.Ю., ред. (2011) *Европейский союз: основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями*. М.: Инфра-М.

Медушевский А.Н. (2021) «Европейский союз после брексита: итоги и перспективы интеграционного проекта» // *Фонд «Либеральная миссия»*, 8.12. URL: <https://liberal.ru/constitution/evropejskij-soyuz-posle-breksita-itogi-i-perspektivy-integracziionnogo-proekta> (проверено 24.02.2022).

Медушевский А.Н. (2022) «Конференция о будущем Европы: возможные сценарии грядущей европейской перестройки» // *Сравнительное конституционное обозрение*, № 1: 14—42.

Bignami F., ed. (2020) *The EU Law in Populist Times: Crisis and Prospects*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.

Bijuk Sencar T. and J.D.Turk. (2018) «Following European Stories. An Anthropological Study of European Integration» // *Revue des Sciences Sociales*, December: 128—133.

Biscop S. (2020) «The Future of the Transatlantic Alliance: Not Without the European Union» // *Strategic Studies Quarterly*, Fall: 81—94. URL:

https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/SSQ/documents/Volume-14_Issue-3/Biscop.pdf (accessed on 24.02.2022).

Bogdandy A. von and P.Sonnevend, eds. (2015) *Constitutional Crisis in the European Constitutional Area: Theory, Law and Politics in Hungary and Romania*. Oxford, Portland: Hart Publishing.

Bradford A. (2020) *The Brussels Effect: How the European Union Rules the World*. New York: Oxford University Press.

Chopin T. (2016) «Euro Zone, Legitimacy and Democracy: How Do We Solve the European Democratic Problem?» // *European Issue*, no. 387. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0387-euro-zone-legitimacy-and-democracy-how-do-we-solve-the-european-democratic-problem> (accessed on 24.02.2022).

Cunliffe Ph. (2020) *The New Twenty Years Crisis: A Critique of International Relations, 1999—2019*. Montreal: McGill-Queen's University Press.

Democratic Legitimacy and Political Leadership in the European Union: Towards the 2014 European Elections. (2013) Bruxelles: Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/PostFiles/369.pdf> (accessed on 24.02.2022).

Dawson M. and F. de Witte. (2016) «From Balance to Conflict: a New Constitution for the EU» // *European Law Journal*, vol. 22, no. 2: 204—224. URL: https://eprints.lse.ac.uk/62132/1/De%20Witte_From%20balance%20to%20conflict.pdf (accessed on 24.02.2022).

Fossum J.E. and A.J.Menendez, eds. (2014) *The European Union in Crisis or the European Union as Crisis?* Oslo: Centre for European Studies.

«Future Expansion of the European Union». (2016) // *FXCM*, 7.04. URL: <https://www.fxcm.com/markets/insights/future-expansion-of-the-european-union/> (accessed on 24.02.2022).

Future of the European Union — Enlarged or Broken? URL: <https://www.globalchange.com/futureeurope.htm> (accessed on 24.02.2022).

Garcés H. (2020) «A.Kluth: „We Have a Constitutional Crisis in EU“» // *Agenda Pública*, 14.05. URL: <https://agendapublica.elpais.com/noticia/17043/kluth-we-have-constitutional-crisis-eu> (accessed on 24.02.2022).

Geuijen K., P.Hart, S.Princen, and K.Yesilkagit. (2008) *The New Eurocrats: National Civil Servants in EU Policymaking*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Günar A. and B.Darici, eds. (2020) *Future of the European Union Integration: A Failure or a Success? Future Expectations*. Berlin: Peter Lang.

Halmi G. (2018) «The Application of European Constitutional Values in EU Member States. The Case of the Fundamental Law in Hungary» // *European Journal of Law Reform*, vol. 20, no. 2—3: 10—34.

Janning J. (2018) «Crisis and Cohesion in the European Union: A Ten-Year Review» // *European Council on Foreign Relations*, 5.02. URL: https://ecfr.eu/publication/crisis_cohesion_ten_year_review/ (accessed on 24.02.2022).

Lord C. (2020) *From Political Crisis to Legitimacy Crisis?* URL: <http://post-crisis-democracy.ideason europe.eu/2020/02/23/from-financial-crisis-to-legitimacy-crisis/> (accessed on 24.02.2022).

Machiavelli N. (1993) *Tutte le opere*. Milano: Sansoni Editore.

Medushevskiy A.N. (2021) «Global Constitutionalism and Legal Fragmentation» // *Studia Iuridica Lublinensia*, vol. 30, no. 4: 393—440.

Möller A. and D.Pardijs. (2017) «The Future Shape of Europe: How the EU Can Bend without Breaking» // *European Council on Foreign Relations*, March. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/ECFR206_THE_FUTURE_SHAPE_OF_EUROPE_-_HOW_THE_EU_CAN_BEND_AND_NOT_BREAK.pdf (accessed on 24.02.2022).

Mounk Y. (2020) «The Coming Crisis of Legitimacy: Why Britain Brexited?» // *The Atlantic*, no. 1. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/coming-crisis-legitimacy/616340/> (accessed on 24.02.2022).

Nuhanovic A. and J.Pasic. (2019) «The Crisis (of Idea) of European Union: Constitutions and Possibilities to Overcome» // *International Business Research*, vol. 12, no. 8: 53—60.

Oguzlu T. (2019) «The Crisis of the European Union» // *Daily Sabah*, 15.04. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/04/15/the-crisis-of-the-european-union> (accessed on 24.02.2022).

Pirozzi N. (2021) «How the Conference on the Future of Europe Can Still Be Saved» // *EURACTIV*, 15.11. URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/opinion/how-the-conference-on-the-future-of-europe-can-still-be-saved/> (accessed on 24.02.2022).

Pocock J.G.A. (1975) *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press.

Řibáň J. «The End of the Eurocrats' Dream in Endless Europe» // *Verfassungsblog*, 22.11. URL: <https://verfassungsblog.de/the-end-of-the-eurocrats-dream-in-endless-europe/> (accessed on 24.02.2022).

Raines T., M.Goodwin, and D.Cutts. (2017) *The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes*. Chatham House Research Paper. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/2017-06-20-future-europe-attitudes-raines-goodwin-cutts-final.pdf> (accessed on 24.02.2022).

Rahr Ch. (2020) «Russia Will Face Declining Influence, Standing Among Great Powers» // *The Chicago Council on Global Affairs*, 12.11. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/commentary-and-analysis/blogs/russia-will-face-declining-influence-standing-among-great-powers> (accessed on 24.02.2022).

Soros G. (2014) *The Tragedy of the European Union: Disintegration or Revival?* New York: Public Affairs.

Spinelli A. (1966) *The Eurocrats: Conflict and Crisis in the European Community*. Baltimore : John Hopkins University Press.

State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty: Authorised Version of the State of the Union Address 2018. (2018) URL:

https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/soteu2018-speech_en_0.pdf (accessed on 24.02.2022).

Sternberg C. (2016) «Public Opinion in the EU Institutions' Discourses on EU Legitimacy from the Beginning of Integration to Today» // *Politique Europeenne*, vol. 54, no. 4: 24–56.

Techau J. (2016) «Four Predictions on the Future of Europe» // *Carnegie Europe*, 12.01. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/62445> (accessed on 24.02.2022).

Tuschhoff Ch. (2020) «How Europe Faces Global Challenges in 2020» // *Global Times*, 14.01.

Van Middlaar L. (2016) «The Return of Politics — the European Union after the Crisis in the Eurozone and Ukraine» // *Journal of Common Market Studies*, vol. 54, no. 3: 495–507.

White Paper on the Future of Europe: Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025. (2017) Bruxelles: European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed on 24.02.2022).

Zurawski vel Grajewski P. (2020) «The Third Crisis of the European Union» // *The Warsaw Institute Review*, no. 2. URL: <https://warsawinstitute.review/issue-2-2020/the-third-crisis-of-the-european-union/> (accessed on 24.02.2022).

A.N.Medushevsky

MACHIAVELLIAN MOMENT OF EUROPE: PROSPECTS OF EU INTEGRATION PROJECT UNDER GLOBAL POLITICAL EQUILIBRIUM DESTRUCTION

Andrey N. Medushevsky — Doctor of Philosophy; Ordinary Professor, School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: amedushevsky@mail.ru.

Abstract. The European integration project, after 70 years of the successful implementation, is now facing a significant number of difficulties caused by the process of globalization. The list of these difficulties includes: (1) the incompleteness of the process of formation of the European identity; (2) the deepening contradiction between two fundamental legal principles — transnational and national constitutionalism; (3) the growing asymmetry

between the European regions; (4) dramatic disputes over migration issues; (5) the ideological confrontation between liberal and illiberal democracies. This situation, exacerbated by the challenges of globalization and officially defined today as the “existential crisis” of the EU, revealed certain significant flaws in the current integration model hung between confederalism and federalism. The shortcomings, such as weakened democratic legitimacy, ineffective decision-making and the absence of clear and stable European leadership, have resulted in the growing spread of Euroscepticism and right-wing populism, as well as the erosion of Europe’s mission in the world.

The increasingly obvious threat of a loss of political balance in Europe makes it important to comprehend the potential directions and scope of changes in the EU integration project, to assess the hypothetically possible legal and institutional forms of the new integration model and their political implications. The author describes the current situation as a Machiavellian moment in Europe: under the conditions when the preservation of the status quo only reinforces the contradictions within the integration project, the European elites are faced with the necessity to make a clear choice between a confederal and a federal system in order to find a new legitimizing formula for this fading project, and it should be done as soon as possible.

Keywords: European integration project, political equilibrium, globalization, sovereignty, legitimacy, Machiavellian moment

References

- Bignami F., ed. (2020) *The EU Law in Populist Times: Crisis and Prospects*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Bijuk Sencar T. and J.D.Turk. (2018) “Following European Stories. An Anthropological Study of European Integration” // *Revue des Sciences Sociales*, December: 128–133.
- Biscop S. (2020) “The Future of the Transatlantic Alliance: Not Without the European Union” // *Strategic Studies Quarterly*, Fall: 81–94. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/SSQ/documents/Volume-14_Issue-3/Biscop.pdf (accessed on 24.02.2022).
- Bogdandy A. von and P.Sonnevend, eds. (2015) *Constitutional Crisis in the European Constitutional Area: Theory, Law and Politics in Hungary and Romania*. Oxford, Portland: Hart Publishing.
- Bradford A. (2020) *The Brussels Effect: How the European Union Rules the World*. New York: Oxford University Press.
- Chopin T. (2016) “Euro Zone, Legitimacy and Democracy: How Do We Solve the European Democratic Problem?” // *European Issue*, no. 387. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0387-euro-zone-legitimacy-and-democracy-how-do-we-solve-the-european-democratic-problem> (accessed on 24.02.2022).
- Cunliffe Ph. (2020) *The New Twenty Years Crisis: A Critique of International Relations, 1999–2019*. Montreal: McGill-Queen’s University Press.

Democratic Legitimacy and Political Leadership in the European Union: Towards the 2014 European Elections. (2013) Bruxelles: Friedrich Ebert Stiftung. URL: <https://www.feps-europe.eu/Assets/Publications/Post-Files/369.pdf> (accessed on 24.02.2022).

Dawson M. and F. de Witte. (2016) “From Balance to Conflict: a New Constitution for the EU” // *European Law Journal*, vol. 22, no. 2: 204–224. URL: https://eprints.lse.ac.uk/62132/1/De%20Witte_From%20balance%20to%20conflict.pdf (accessed on 24.02.2022).

Fossum J.E. and A.J.Menendez, eds. (2014) *The European Union in Crisis or the European Union as Crisis?* Oslo: Centre for European Studies.

“Future Expansion of the European Union”. (2016) // *FXCM*, 7.04. URL: <https://www.fxcm.com/markets/insights/future-expansion-of-the-european-union/> (accessed on 24.02.2022).

Future of the European Union — Enlarged or Broken? URL: <https://www.globalchange.com/futureeurope.htm> (accessed on 24.02.2022).

Garcés H. (2020) “A.Kluth: „We Have a Constitutional Crisis in EU“” // *Agenda Pública*, 14.05. URL: <https://agendapublica.elpais.com/noticia/17043/kluth-we-have-constitutional-crisis-eu> (accessed on 24.02.2022).

Geuijen K., P.Hart, S.Princen, and K.Yesilkagit. (2008) *The New Eurocrats: National Civil Servants in EU Policymaking*. Amsterdam: Amsterdam University Press.

Günar A. and B.Darici, eds. (2020) *Future of the European Union Integration: A Failure or a Success? Future Expectations*. Berlin: Peter Lang.

Halmi G. (2018) “The Application of European Constitutional Values in EU Member States. The Case of the Fundamental Law in Hungary” // *European Journal of Law Reform*, vol. 20, no. 2–3: 10–34.

Janning J. (2018) “Crisis and Cohesion in the European Union: A Ten-Year Review” // *European Council on Foreign Relations*, 5.02. URL: https://ecfr.eu/publication/crisis_cohesion_ten_year_review/ (accessed on 24.02.2022).

Kashkin S.Yu., ed. (2011) *Evropejskij sojuz: Osnovopolagajushchie akty v redaktsii Lissabonskogo dogovora s kommentarijami* [European Union: Fundamental Acts as Amended by the Lisbon Treaty with Comments]. Moscow: Infra-M. (In Russ.)

Lord C. (2020) *From Political Crisis to Legitimacy Crisis?* URL: <http://post-crisis-democracy.ideason europe.eu/2020/02/23/from-financial-crisis-to-legitimacy-crisis/> (accessed on 24.02.2022).

Machiavelli N. (1993) *Tutte le opere*. Milano: Sansoni Editore.

Medushevskiy A.N. (2021) “Evropejskiy sojuz posle breksita: itogi i perspektivy integratsionnogo proekta” [The European Union after Brexit: Results and Prospects of Integration Project] // *Fond “Liberal’naja missija* [Liberal Mission Foundation], 8.12. URL: <https://liberal.ru/constitution/evropejskij-sojuz-posle-breksita-itogi-i-perspektivy-integraczionnogo-proekta> (accessed on 24.02.2022). (In Russ.)

Medushevskiy A.N. (2021) “Global Constitutionalism and Legal Fragmentation” // *Studia Iuridica Lublinensia*, vol. 30, no. 4: 393–440.

Medushevskiy A.N. (2022) "Konferentsija o budushchem Evropu: vozmozhnye stsenarii griadushchej evropejskoj perestrojki" [Conference on the Future of Europe: Possible Scenarios of the Upcoming European Redevelopment] // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], no. 1: 14–42. (In Russ.)

Möller A. and D.Pardijs. (2017) "The Future Shape of Europe: How the EU Can Bend without Breaking" // *European Council on Foreign Relations*, March. URL: https://ecfr.eu/archive/page/-/ECFR206_THE_FUTURE_SHAPE_OF_EUROPE_-_HOW_THE_EU_CAN_BEND_AND_NOT_BREAK.pdf (accessed on 24.02.2022).

Mounk Y. (2020) "The Coming Crisis of Legitimacy: Why Britain Brexited?" // *The Atlantic*, no. 1. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/coming-crisis-legitimacy/616340/> (accessed on 24.02.2022).

Nuhanovic A. and J.Pasic. (2019) "The Crisis (of Idea) of European Union: Constitutions and Possibilities to Overcome" // *International Business Research*, vol. 12, no. 8: 53–60.

Oguzlu T. (2019) "The Crisis of the European Union" // *Daily Sabah*, 15.04. URL: <https://www.dailysabah.com/op-ed/2019/04/15/the-crisis-of-the-european-union> (accessed on 24.02.2022).

Pirozzi N. (2021) "How the Conference on the Future of Europe Can Still Be Saved" // *EURACTIV*, 15.11. URL: <https://www.euractiv.com/section/future-eu/opinion/how-the-conference-on-the-future-of-europe-can-still-be-saved/> (accessed on 24.02.2022).

Pocock J.G.A. (1975) *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press.

Řibáň J. "The End of the Eurocrats' Dream in Endless Europe" // *Verfassungsblog*, 22.11. URL: <https://verfassungsblog.de/the-end-of-the-eurocrats-dream-in-endless-europe/> (accessed on 24.02.2022).

Raines T., M.Goodwin, and D.Cutts. (2017) *The Future of Europe. Comparing Public and Elite Attitudes*. Chatham House Research Paper. URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/2017-06-20-future-europe-attitudes-raines-goodwin-cutts-final.pdf> (accessed on 24.02.2022).

Rahr Ch. (2020) "Russia Will Face Declining Influence, Standing Among Great Powers" // *The Chicago Council on Global Affairs*, 12.11. URL: <https://www.thechicagocouncil.org/commentary-and-analysis/blogs/russia-will-face-declining-influence-standing-among-great-powers> (accessed on 24.02.2022).

Soros G. (2014) *The Tragedy of the European Union: Disintegration or Revival?* New York: Public Affairs.

Spinelli A. (1966) *The Eurocrats: Conflict and Crisis in the European Community*. Baltimore : John Hopkins University Press.

State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty: Authorised Version of the State of the Union Address 2018. (2018) URL:

https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/soteu2018-speech_en_0.pdf (accessed on 24.02.2022).

Sternberg C. (2016) “Public Opinion in the EU Institutions’ Discourses on EU Legitimacy from the Beginning of Integration to Today” // *Politique Européenne*, vol. 54, no. 4: 24–56.

Techau J. (2016) “Four Predictions on the Future of Europe” // *Carnegie Europe*, 12.01. URL: <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/62445> (accessed on 24.02.2022).

Tuschhoff Ch. (2020) “How Europe Faces Global Challenges in 2020” // *Global Times*, 14.01.

Van Middlaar L. (2016) “The Return of Politics — the European Union after the Crisis in the Eurozone and Ukraine” // *Journal of Common Market Studies*, vol. 54, no. 3: 495–507.

White Paper on the Future of Europe: Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025. (2017) Bruxelles: European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed on 24.02.2022).

Zurawski vel Grajewski P. (2020) “The Third Crisis of the European Union” // *The Warsaw Institute Review*, no. 2. URL: <https://warsawinstitute.review/issue-2-2020/the-third-crisis-of-the-european-union/> (accessed on 24.02.2022).

Р.Ю.Белькович, Д.А.Конькова
ПАЛЕОКОНСЕРВАТИВНОЕ
ДВИЖЕНИЕ В США
СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОГО
КОНСТРУКТИВИЗМА

Родион Юрьевич Белькович — кандидат юридических наук, доцент департамента общих и межотраслевых юридических дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: rbelkovich@hse.ru.

Дарья Антоновна Конькова — аспирантка факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, стажер-исследователь Центра республиканских исследований. Для связи с автором: st071023@student.spbu.ru.

Аннотация. Выдвижение в годы президентства Рональда Рейгана на ведущие позиции в Республиканской партии и американской политике в целом новых игроков — неоконсерваторов — вызвало реакцию со стороны крайне правых интеллектуалов, объединившихся в движение, получившее название «палеоконсерватизм». И хотя это движение не смогло одержать сколько-нибудь серьезных побед на политическом поприще, его представители внесли заметный вклад в возрождение республиканской идейной традиции, оставив после себя богатое интеллектуальное наследие, которое до сих пор остается сравнительно малоизученным. В статье предпринята попытка частично заполнить данный пробел путем реконструкции палеоконсервативной идентичности с опорой на методологию социального конструктивизма. В поисках ответа на вопрос, кто такие палеоконсерваторы, авторы анализируют как выдвигаемые палеоконсерваторами идеалы и ориентиры, так и набор принципов, которым они противостоят.

Проведенное исследование показывает, что идентичность палеоконсерваторов включает в себя два компонента. Ее «позитивная» составляющая строится на частичном отождествлении с повесткой, которую отстаивали американские правые 1930—1950-х годов, а «негативная» — на противопоставлении себя неоконсерваторам и правому мейнстриму. По заключению авторов, будучи направлен на расшатывание сложившегося в США негласного консенсуса между право- и левоцентристскими элитами, палеоконсерватизм de facto представляет собой борьбу за определение сущности

американского консерватизма. Позиционируя подлинный консерватизм как антилиберальный, анти(социал)демократический, антиэгалитарный и антиэтатистский проект, палеоконсерваторы отвергают более умеренные течения правого толка как размывающие границы консервативной идентичности.

Ключевые слова: консерватизм, палеоконсерватизм, «старые правые», неоконсерваторы, (нео)изоляционизм, республиканизм, США

Введение

¹ Drolet and Williams 2019: 17.

² Nash 2006: 567.

В 1980-х годах внутри консервативного лагеря в США выделилась группа оппозиционно настроенных интеллектуалов-традиционалистов, именовавших себя палеоконсерваторами¹. Появление этого движения стало реакцией на выдвижение на ведущие позиции в Республиканской партии другой консервативной фракции — неоконсерваторов, занявших ключевые посты в администрации Рональда Рейгана. Называя неоконсерваторов самозванцами и захватчиками, которые, покинув Демократическую партию, de facto сохранили либеральные воззрения², палеоконсерваторы претендовали на то, чтобы стать лицом подлинного консерватизма, способного противостоять леволиберальным трендам в американской культуре и возглавить культурное возрождение Америки.

Не сумев добиться при Рейгане сколько-нибудь заметного влияния на республиканскую администрацию, с окончанием холодной войны палеоконсервативное движение обрело второе дыхание. Своей кульминации оно достигло в 1990-е годы, когда один из его идеологов Патрик Джозеф Бьюкенен дважды (в 1992 и 1996 гг.) выдвигал свою кандидатуру на республиканских праймериз. После второго поражения Бьюкенена палеоконсервативное движение как политический феномен пошло на спад, однако его представители, в том числе Пол Готфрид, Самюэл Тодд Франсис, Клайд Норман Уилсон, Том Флеминг и др., продолжили деятельность на журналистском поприще. И хотя сами палеоконсерваторы долгое время оставались в тени своих более успешных коллег из консервативного мейнстрима, их идеи приобретали все большую популярность среди радикально настроенных правых интеллектуалов, недовольных status quo. Высказанные на страницах журналов *Chronicles: A Magazine of American Culture*, *The American Conservative*, *Taki's Magazine*, а также веб-сайта *VDARE*, эти идеи не только неоднократно воспроизводились ультраправыми движениями, такими как «Чаепитие» (Tea Party Movement) или «Альтернативные правые» (Alt-Right), но и нашли отражение в риторике и политической практике 45-го президента США Дональда Трампа.

Палеоконсерваторы оставили после себя богатое интеллектуальное наследие в виде целостной и глубоко проработанной системы общественно-политических воззрений, которое, однако, до сих пор не получило должного освещения ни в зарубежной, ни в отечественной

литературе. Причина такого положения дел заключается в том, что на протяжении всей своей истории палеоконсерваторы представляли собой маргинальную группу и фактически находились в политической изоляции, не имея доступа к популярным консервативным медиа центристской ориентации. Несмотря на то что палеоконсерватизм внес существенный вклад в возрождение республиканской интеллектуальной традиции, исследователи склонны фокусировать внимание на неоконсерватизме как обладающем большим политическим весом и оказывающем значительное влияние на американскую политику. Настоящая статья призвана хотя бы частично заполнить данный пробел. Ее целью является реконструкция палеоконсервативной идентичности. В поисках ответа на вопрос, кто такие палеоконсерваторы, мы проанализируем как «позитивную» составляющую их повестки, то есть выдвигаемые ими идеалы и ориентиры, так и ее «негативный» аспект, i.e. набор принципов, которым они противостоят, а затем попытаемся дать общую картину палеоконсервативной идентичности, включающую в себя оба компонента.

При решении этой задачи мы будем опираться на методологию социального конструктивизма, согласно которому идентичность социальных групп конструируется через противопоставление категорий «мы» и «они», «свой» и «чужой». При формировании идентичности важен значимый Другой, который служит своеобразной точкой отсчета для самоопределения социальной группы³. Этот значимый Другой может быть объектом как отталкивания, так и отождествления. В первом случае речь идет об обобщенных «них», во втором — о предшественниках или более широком «мы». Применительно к палеоконсерваторам в роли «позитивного» значимого Другого выступают американские правые 1930—1950-х годов («старые правые»), а в роли «негативного» — неоконсерваторы и представители консервативного мейнстрима.

³ Кочетков 2010: 8.

**Позитивный
компонент
палеоконсервативной
идентичности:
палеоконсерваторы как
интеллектуальные
наследники
«старых правых»**

Ключевым инструментом самоидентификации палеоконсерваторов является отождествление своей повестки с той, что отстаивали «старые правые» в США. Примечательно, что в работе Франсиса «Прекрасные неудачники: Очерки о крушении американского консерватизма» различие между двумя движениями во многом размыто и соответствующие термины используются практически как синонимы⁴. Не проводит четкого водораздела между ними и исследователь палеоконсерватизма Джозеф Скотчи, который видит в палеоконсерваторах «новые голоса старых правых»⁵. Идентификация с повесткой «старых правых» играет конституирующую роль для палеоконсерваторов, позволяя относительно новому движению стать частью более давней традиции, обрести легитимирующую преемственность и придать собственной идеологии большую респектабельность.

⁴ Francis 1993: 13.

⁵ Scotchie 1999.

Соответственно, взгляды палеоконсерваторов во многом воспроизводят и повторяют взгляды «старых правых». Чтобы убедиться в этом,

достаточно обратиться к обзору движения «старых правых», представленному в статье близкого к палеоконсерваторам экономиста Мюррея Ротбарда⁶. Возникнув как ответ на Новый курс Франклина Д. Рузвельта, это движение было реакцией на «рузвельтовскую революцию, на большой скачок в направлении коллективизма, приводивший в восторг интеллектуалов-социалистов и вызывавший ярость у тех, кто был предан институтам и жестко ограниченному правительству времен старой республики»⁷. По свидетельству Ротбарда, у «старых правых» не было общей позитивной программы, однако все они противостояли Новому курсу и мечтали о реставрации «настоящей Америки», или «старой республики».

⁷ *Ibid.*: 19.

Среди «старых правых» не было единства по поводу того, каким образом можно достичь этой цели. Некоторые из них полагали, что для этого достаточно свернуть политику Нового курса и вернуться к положению, существовавшему до 1933 г. Другие шли дальше, настаивая на отмене результатов Реконструкции Юга и Прогрессивной эры и призывая к восстановлению «ультраминимального правительства». Не было у них и единого мнения по вопросам устройства США, при том что все они защищали права штатов. Коалиция «старых правых» включала в себя несколько групп. Наиболее радикальных взглядов придерживались либертарианцы и индивидуалисты, среди которых стоит отметить Генри Луиса Менкена, Альберта Джея Нока, Роуз Уайлдер Лэйн и Гарретта Гарретта. Другую группу составляли южные демократы, сторонники широкой автономии штатов; третью — консервативные республиканцы Среднего Запада; четвертую — бывшие прогрессисты, считавшие, что Новый курс зашел слишком далеко (в нее входил и бывший президент США республиканец Герберт Гувер)⁸.

⁸ *Ibid.*: 20.

Хотя «старых правых» волновали главным образом внутренние проблемы США, когда перед страной возникла перспектива вступления во Вторую мировую войну, их внимание переключилось на внешнюю политику. До нападения Японии на Перл-Харбор в 1941 г. в американском обществе преобладали изоляционистские настроения⁹, население было скорее против участия США в войне. «Старые правые» стали выразителями этих настроений, подкрепляя свою позицию ссылками на то, что «война подпитывает государство» и включение в войну, никак не связанную с защитой национальных интересов, превратит республику в «государство-гарнизон» и окончательно уничтожит американские свободы и конституционные ограничения правительства¹⁰.

⁹ См. *The Great Debate s.a.*

¹⁰ *Rothbard 1999*: 22.

Проводя сравнительный анализ установок палеоконсерваторов и «старых правых», целесообразно начать с сопоставления их взглядов на внутривластное развитие Америки. В данном случае особо показательны два момента.

1. Подобно «старым правым», палеоконсерваторы отрицательно относятся к Новому курсу Рузвельта, видя в нем не просто программу реформ, но подлинную революцию, направленную на фундаментальное изменение общественных и властных отношений в США¹¹. Они

¹¹ *Francis 1993*: 100.

негативно оценивают тенденцию к централизации и консолидации власти в Вашингтоне и все более активное регулирование «большим правительством» всех сторон жизни общества. «Снова и снова мы видим, как меньшинство, олигархия, не допускает самоуправления американского народа во имя „рациональной демократии“, — негодует палеоконсервативный историк Уилсон. — Такова проблема республиканизма в наше время... — сосредоточение власти в руках меньшинства»¹². Между тем отцы-основатели США понимали свободу не как «благо, дарованное правительством, а как нечто, что нужно защищать от правительства», доказывает он и, цитируя Томаса Джефферсона, подчеркивает: «цена свободы — это вечная бдительность»¹³. Схожую мысль мы находим у одного из «крестных отцов» «старых правых» Нока: «Вопрос национальной обороны рассматривался бы совершенно под другим углом, если бы людей можно было заставить понять, что единственное правительство, от которого им надо защищаться, — это их собственное правительство, а единственный способ защитить себя от него — постоянное недоверие и бдительность»¹⁴. В неприятии Нового курса и антиэтатизме проявляется *либертарианская* составляющая воззрений палеоконсерваторов, которая оказывается созвучна взглядам «старых правых».

¹² *Wilson 1992.*

¹³ *Ibidem.*

¹⁴ *Цит. по: Richman 1996: 225.*

2. Согласно палеоконсерваторам, американцы должны вновь взять в свои руки ключевые сферы жизни общества, такие как образование, здравоохранение и местное самоуправление. По их мнению, чтобы противостоять многочисленной армии государственных чиновников и группам интересов, «оккупировавшим» страну, необходимо вернуться к принципам «старой республики», что в свою очередь предполагает ликвидацию «большого правительства», децентрализацию и защиту прав штатов. Призывая к возрождению «духа свободы, вдохновлявшего праотцов»¹⁵, палеоконсерваторы подчеркивают принципиальное различие между республикой и массовой демократией, считая его ключевым для свободы: «Республика... это форма правления, при которой люди управляют собой сами, и не только путем периодического голосования, но посредством действительного и постоянного участия в управлении на всех уровнях... Республика требует огромной самодисциплины... и прежде всего независимости. Независимость означает ответственность за себя, за свою семью и средства к существованию, способность к самообеспечению, самозащите, самоконтролю, самоуправлению»¹⁶.

¹⁵ *Wilson 1992.*

¹⁶ *Scotchie 1999: 8.*

Из приведенного высказывания следует, что главными отличительными чертами республики являются, с одной стороны, самоуправление, а с другой — независимость граждан. Убеждение палеоконсерваторов в том, что, присвоив себе функции, которые ранее отводились свободным гражданам республики, современное государство оказало пагубное воздействие на гражданскую сознательность, тоже созвучно представлениям «старых правых». Эти представления нашли отражение, в частности, в известной книге Нока «Наш враг — государство»¹⁷,

¹⁷ *Nock 1935.*

где утверждается, что любое усиление государства не просто пропорционально уменьшает власть общества, но и делает последнее менее предрасположенным к осуществлению своей власти. В подтверждение данного тезиса Нок ссылается на то удивление, которое вызвало у горожан, привыкших полагаться на городскую полицию, заявление мэра Нью-Йорка, что «любой гражданин имеет право арестовать злоумышленника и доставить его в суд»¹⁸, и приводит в пример историю с наводнением в Джонстауне в мае 1889 г., унесшим жизни более 2 тыс. человек: «Когда произошло наводнение в Джонстауне, общество немедленно откликнулось... Случись такая катастрофа сейчас... общим инстинктом было бы позволить государству устранять ее последствия»¹⁹. Именно эту линию рассуждений развивает Франсис, доказывая, что появление «большого правительства» способствовало формированию иждивенческой и патерналистской психологии и свело на нет гражданские добродетели, следствием чего стала политическая пассивность и гражданская несамостоятельность большинства населения²⁰. В рассмотренных выше взглядах проявляется приверженность палеоконсерваторов *республиканизму*, что было характерно и для «старых правых», выступавших за реставрацию «старой республики» и расширение прав штатов и местного самоуправления.

¹⁸ *Ibid.*: 4.

¹⁹ *Ibid.*: 6.

²⁰ *Francis 1993*: 17.

Обратимся теперь к внешнеполитическим воззрениям палеоконсерваторов. Прежде всего следует отметить, что палеоконсерваторы придерживаются так называемых неоизоляционистских установок, будучи противниками вмешательства Соединенных Штатов в международные конфликты, равно как и во внутренние дела других стран. Франсис определяет неоизоляционизм как «скепсис по отношению к долговременному расширению американского глобального влияния при отсутствии видимой угрозы американской национальной безопасности»²¹. Своей приверженностью *неоизоляционизму* и *политике невмешательства* палеоконсерваторы практически полностью повторяют «старых правых», категорически выступая против любых военных действий США, не связанных с самообороной. Их антиинтервенционизм отчетливо проявился, в частности, в резкой критике введения американских войск на территорию Ирака во время войны в Персидском заливе²².

²¹ *Ibid.*: 7.

²² *Francis 2002*.

В своих подходах к внешней политике палеоконсерваторы во многом ориентируются на сенатора-республиканца Роберта Тафта²³, писавшего в 1951 г.: «Я не думаю, что идеал морального лидерства оправдывает наше участие в превентивной войне или защите одной страны от нападения другой... Я считаю, что любая политика, подразумевающая угрозу применения военной силы, оправданна... только в том случае, если ее целью является защита свободы нашего собственного народа»²⁴. После начала холодной войны Тафт высказывал сомнения в том, что миссией США должно быть распространение демократии по всему миру. В противовес тем, кто стремился «навязать зарубежным нациям политический курс при помощи американских денег и даже, возможно,

²⁴ *Cum. no. Richman 1996*: 219.

американского оружия», он подчеркивал, что лучший путь к достижению морального лидерства — это «здоровые принципы и сила убеждения»²⁵. Это мнение разделяют и палеоконсерваторы, осуждающие политику насильственного «экспорта» либеральной демократии. Как в связи с этим замечает Уилсон, отцы-основатели Соединенных Штатов «не считали своим долгом распространять демократию по всему миру огнем, мечом, речами и деньгами»²⁶. Вместо этого они надеялись, что США будут вдохновлять другие народы собственным примером.

Другим идеологическим ориентиром для палеоконсерваторов является Комитет «Америка прежде всего», созданный в 1940 г. для организации кампании против вовлечения США в «европейскую войну». Связывая появление «государства-левиафана» с участием США в двух мировых войнах²⁷, они фокусируют внимание на тех губительных последствиях, которые несут для американской политической системы условия военного времени, неизбежно сопряженные, с одной стороны, с усилением исполнительной власти, а с другой — с урезанием свобод граждан.

²⁷ Francis 2002.

²⁸ Цит. по: Richman 1996: 228.

²⁹ Ibid.: 227

³⁰ Цит. по: Francis 2002.

На этом аспекте проблемы делали акцент и «старые правые», в том числе публицист Феликс Морли, отмечавший, что «федеральная система не была задумана для того, чтобы продвигать мировое лидерство США»²⁸. «Мировое лидерство, — подчеркивал он, — требует централизации власти в столице государства, стремящегося к доминированию. Оно требует появления аристократии — элиты, — которая может быть совершенно равнодушна к общественному мнению»²⁹. Как и «старые правые», палеоконсерваторы не сомневаются, что Соединенные Штаты задумывались как республика, а не империя. По их убеждению, имперские амбиции государства приводят к тирании и подавлению свободы внутри него. Эту мысль отчетливо выразил, в частности, Бьюкенен, согласно которому «империи не только угнетают небольшие незащищенные державы, но и не оставляют в покое собственных несчастных подданных»³⁰.

Негативный компонент палеоконсервативной идентичности: палеоконсерватизм как антипод неоконсерватизма

Как уже отмечалось, палеоконсерватизм как движение был во многом ответом на появление течения неоконсерваторов. Соответственно, палеоконсервативная идентичность формировалась в качестве антитезы неоконсервативной повестке. Противостояние этих двух фракций внутри консервативного лагеря нашло выражение в полемике в консервативных журналах, ряде критических статей и книг, а также, как утверждают палеоконсерваторы, целенаправленной кампании по дискредитации палеоконсервативного движения со стороны неоконсерваторов³¹. Кульминацией этого противостояния стал спор по поводу будущего председателя Национального фонда гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities) в 1981 г. Первоначально Рейган планировал назначить на этот пост палеоконсерватора Мелвина Брэдфорда, однако после серии обличительных публикаций в неоконсервативной прессе, обвинявших южного традиционалиста в том числе

³¹ Ibidem.

в критике Авраама Линкольна и его наследия, отдал предпочтение неоконсерватору Уильяму Беннету³². Взаимные нападки палео- и неоконсерваторов переросли в открытую вражду, одним из следствий которой (опять же по утверждению палеоконсерваторов) стал отказ консервативных фондов — с подачи неоконсерваторов — от финансовой поддержки Рокфордского института, издававшего главный палеоконсервативный журнал³³.

³³ Francis 2002.

С точки зрения палеоконсерваторов, неоконсерватизм лишь поверхностно связан с предшествующей консервативной традицией в США. Казалось бы, тот факт, что неоконсерваторы всегда противостояли коммунизму, роднит их с другими консерваторами. Однако антикоммунизм неоконсерваторов был обусловлен фундаментально иными причинами, нежели антикоммунизм «старых правых». В частности, критикуя коммунистический режим в СССР, неоконсерваторы делали упор на нарушения прав человека, подавление профсоюзного движения и ограничение эмиграции, что, согласно их оппонентам, нетипично для американской консервативной традиции³⁴. Ссылаясь на то, что неоконсерваторы «не имеют ничего общего ни с правыми, противостоявшими Новому курсу, ни с теми, чьи взгляды были отражены в журнале National Review³⁵ в первые годы его существования»³⁶, палеоконсерваторы выносят вердикт: «неоконсерваторы не преобразовали наличествующий консерватизм; они создали ему альтернативу»³⁷.

³⁴ Gottfried 2007: 46.

³⁵ В National Review, основанном Уильямом Ф. Бакли-мл. в 1955 г. и впоследствии ставшем рупором консервативного мейнстрима, публиковались такие «тяжеловесы» правого движения, как Рассел Кирк, Фрэнк Штраус Майер и др.

³⁶ Gottfried 2007: 45.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Francis 1993: 177.

⁴⁰ Ibid.: 178.

В идеологическом плане главное обвинение в адрес неоконсерваторов заключается в том, что они не расстались с изначально присущими им либеральными воззрениями. По словам Готфрида, «в том, что касается идеологических и социологических характеристик, неоконсерваторы гораздо ближе к левоцентристам, чем любая другая „консервативная“ группа»³⁸. Как утверждает Франсис, неоконсерваторы, вслед за либералами, исходят из того, что человеческая природа меняется в соответствии с экономическими и общественными реалиями³⁹, а значит, поддается усовершенствованию и для любой общественной проблемы можно найти технократическое решение. В свою очередь палеоконсерваторы убеждены, что природа человека неизменна, и потому обращаются за философскими ориентирами к прошлому. Франсис особо подчеркивает, что, в отличие от неоконсерваторов, палеоконсерваторы избегают «материалистического редукционизма» и утилитарного мышления⁴⁰. По мнению палеоконсерваторов, неоконсерватизм подрывает сами основы консерватизма, ибо невозможно противостоять либеральной идеологии, не отрицая ее фундаментальных посылок, и подлинный консерватизм должен иметь *антилиберальную* направленность.

Острую критику со стороны палеоконсерваторов вызывает также приверженность неоконсерваторов абстрактной демократии и капитализму. На протяжении всей своей истории, доказывают они, большинство консерваторов с подозрением относилось к демократии, видя идеал не в ней, а в конституционной республике, как она задумывалась отцами-основателями Соединенных Штатов. Отличие республики от демокра-

тии, напоминает Франсис, подчеркивал еще Джеймс Мэдисон, явно отдававший предпочтение первой. Более того, под демократией может пониматься и социал-демократический режим, что неизбежно порождает вопрос: действительно ли неоконсерваторы имеют хоть какое-то отношение к правому движению?⁴¹

⁴¹ *Ibidem.*

В отличие от представителей неоконсервативного направления, палеоконсерваторы крайне негативно относятся к государству всеобщего благосостояния, полагая, что оно нарушает законные права собственников во имя «экономической справедливости» и «коллективного благополучия»⁴². Ставя во главу угла неприкосновенность частной собственности, они обвиняют неоконсерваторов в том, что те гораздо больше озабочены проблемами экономического роста или национального процветания, нежели исконно американскими свободами и верховенством права.

⁴² *Ibidem.*

Абсолютно неприемлемой для палеоконсерваторов является и склонность неоконсерваторов рассматривать «американский эксперимент» как развитие принципа равенства. Яростно критикуя эгалитаризм как политический и социальный проект, они «продолжают верить в традиционные гендерные различия и не слишком возражают против иерархий, существовавших в обществах эпохи преמודерна»⁴³.

⁴³ *Gottfried 2019.*

Еще одна линия противостояния между нео- и палеоконсерваторами — «светскость» первых vs. приверженность вторых «трансцендентному моральному порядку». Сразу оговоримся, что в случае палеоконсерваторов речь идет не столько о религии, сколько о вере в наличие неких устойчивых и неизменных моральных норм, на которые должно опираться общество. «Признание трансцендентного морального порядка, — настаивает, в частности, Франсис, — по крайней мере делает возможной критику с этических позиций и в конечном счете исправление светского режима, тогда как отсутствие такого признания лишает критику каких-либо оснований. Государство, отрицающее, что есть что-либо выше его воли, скорее всего, рано или поздно начнет нарушать права своих граждан, что вытекает из хорошо известных черт человеческой природы»⁴⁴. Другими словами, в отсутствие морального авторитета и общепризнанных этических норм ничто не будет сдерживать аппетиты государства и его вмешательство в жизнь граждан.

⁴⁴ *Francis 1993: 179.*

Следует подчеркнуть, что моральный абсолютизм присущ и неоконсерваторам. Однако палеоконсерваторы считают их приверженность устойчивым моральным ценностям поверхностной. С их точки зрения, общественная мораль для неоконсерваторов (и консервативного мейнстрима в целом) сводится к «размахиванию американским флагом, молитве в школе, слашавому и банальному дискурсу о семейных ценностях и критике фильмов для взрослых»⁴⁵. Неоконсерваторы «не особенно интересуют вопрос о личных моральных принципах, если их нельзя привязать к более масштабной политической миссии»⁴⁶, — утверждает, например, Готфрид, ставя им в упрек то, что они намеренно избегают обсуждения любых острых социальных вопросов, ак-

⁴⁵ *Francis 2002.*

⁴⁶ *Gottfried 2007: 47.*

туальных для американского общества, таких как аборт или гомосексуализм.

Но главное отличие палеоконсерваторов от неоконсерваторов, как и от мейнстримных консерваторов в целом, Готфрид видит в их непримиримости по отношению к левой культуре. Палеоконсерваторы обвиняют своих более умеренных коллег в том, что ради политической карьеры они готовы идти на компромисс с либералами и перенимать их повестку⁴⁷. Критикуя демократов по вопросам фискальной или экологической политики, они терпимо относятся или даже приветствуют борьбу за права ЛГБТ-сообщества и других меньшинств, поддерживают либеральное законодательство в области иммиграции, мультикультурализм и т.д. В результате, по мнению палеоконсерваторов, разница между правыми и левыми в США постепенно стирается, и разногласия между ними начинают сводиться к спорам по поводу экономической политики, а не тех социальных и культурных проблем, которые традиционно волновали «подлинных» консерваторов.

⁴⁷ *Gottfried 2019.*

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что идентичность палеоконсерваторов включает в себя два компонента. Ее «позитивная» составляющая строится на образе себя как продолжателей дела «старых правых» и проявляется в выдвигании конструктивной повестки в виде антиэтатистского и республиканского проекта развития Америки.

В свою очередь «негативный» аспект этой идентичности базируется на противопоставлении неоконсерваторам. Позиционируя себя как антилиберальное, антиэтатистское, антиэгалитарное, анти(социал)демократическое и антисветское движение, палеоконсерваторы объявляют неоконсерваторов, как и других правых, не разделяющих их воззрения, «фальшивыми консерваторами», мало отличающимися от левых с точки зрения предлагаемой ими внешне- и внутривнутриполитической повестки. Таким образом, палеоконсерваторы отвергают любые более умеренные течения внутри американских правых, провозглашая себя единственными глашатаями подлинного консерватизма.

Как было показано выше, палеоконсерваторы убеждены, что современные американские правые усвоили и переняли либеральные и социал-демократические установки и цели. Для них очевидно, что между право- и левоцентристскими элитами в США сложился негласный консенсус, вследствие чего консерватизм как социальный проект лишь декларируется, но никогда не воплощается в жизнь, а консервативная идентичность, которая с подачи неоконсерваторов становится все более и более инклюзивной, оказывается полностью размытой. Будучи направлен на расшатывание узких рамок этого консенсуса, палеоконсерватизм de facto представляет собой борьбу за определение того, что такое американский консерватизм и каково его истинное лицо, не прикрытое маской политкорректности.

Библиография

- Кочетков В.В. (2010) «Идентичность в международных отношениях: теоретические основы и роль в мировой политике» // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 1: 5–26. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/264/КОЧЕТКОВ_1_2010.pdf (проверено 13.09.2021).
- Drolet J.F. and M.C.Williams. (2019) «The View from MARS: US Paleoconservatism and Ideological Challenges to the Liberal World Order» // *International Journal*, vol. 74, no. 1: 15–31.
- Francis S.T. (1993) *Beautiful Losers: Essays on the Failure of American Conservatism*. Columbia: University of Missouri Press.
- Francis S.T. (2002) «The Paleo Persuasion» // *The American Conservative*, 16.12. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-paleo-persuasion/> (accessed on 3.09.2021).
- Gottfried P.E. (2007) *Conservatism in America: Making Sense of the American Right*. New York: Palgrave MacMillan.
- Gottfried P.E. (2019) «What's Paleo, and What's Not» // *Chronicles*, December. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/what-s-paleo-and-what-s-not/> (accessed on 13.09.2021).
- Kuhner J.T. (1998) «What Robert Taft Could Teach Us Today» // *Chronicles*, June. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/what-rob-ert-taft-could-teach-us-today/> (accessed on 4.09.2021).
- Nash G.H. (2006) *The Conservative Intellectual Movement in America Since 1945*. Wilmington: ISI Books.
- Nock A.J. (1935) *Our Enemy, the State*. New York: William Morrow & Company.
- Richman Sh. (1996) «New Deal Nemesis: The „Old Right“ Jeffersonians» // *The Independent Review*, vol. 1, no. 2: 201–248.
- Rothbard M.N. (1999) «Life in the Old Right» // Scotchie J., ed. *The Paleoconservatives: New Voices of the Old Right*. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers: 19–31.
- Scotchie J. (1999) «Introduction: Paleoconservatism as the Opposition Party» // Scotchie J., ed. *The Paleoconservatives: New Voices of the Old Right*. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers: 1–19.
- «The Great Debate» // *The National WWII Museum*. URL: <https://www.nationalww2museum.org/war/articles/great-debate> (accessed on 4.09.2021).
- Wilson C. (1992) «Restoring the Republic» // *Chronicles*, June. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/restoring-the-republic-4/> (accessed on 2.09.2021).

R. Yu. Belkovich, D. A. Konkova
**PALEOCONSERVATIVE MOVEMENT
 IN THE USA THROUGH THE PRISM
 OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM**

Rodion Yu. Belkovich — Ph.D. in Law; Associate Professor at School of General and Interdisciplinary Legal Studies, Faculty of Law, HSE University. E-mail: rbelkovich@hse.ru.

Daria A. Konkova — Ph.D. Student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University; Junior Research Fellow at the Republican Research Centre. E-mail: st071023@student.spbu.ru.

Abstract. The rise of new players — neoconservatives — to the leading positions in the Republican Party and American politics on the whole during the years of Ronald Reagan’s presidency spurred a reaction from far-right intellectuals, who united in a movement called “paleoconservatism”. Although this movement was not able to secure any important victories in the political field, its representatives made a significant contribution to the revival of the republican ideological tradition, having produced a rich intellectual legacy, which still remains relatively understudied. The article attempts to partially fill this gap by reconstructing the paleoconservative identity on the basis of the methodology of social constructivism. Searching for an answer to the question of who paleoconservatives are, the authors analyze the ideals and guidelines put forward by paleoconservatives as well as the set of principles they oppose.

The conducted research shows that the identity of paleoconservatives includes two components. Its “positive” component is based on the partial identification with the agenda that the American right defended in the 1930s—1950s, and its “negative” component is based on opposing themselves to neoconservatives and right-wing mainstream. According to the authors’ conclusion, paleoconservatism, being aimed at undermining the tacit consensus that developed in the United States between the center-right and center-left elites, de facto represents a struggle to define the essence of the American conservatism. Positioning true conservatism as anti-liberal, anti-(social)-democratic, anti-egalitarian, and anti-statist, paleoconservatives reject more moderate right-wing movements as blurring the boundaries of the conservative identity.

Keywords: conservatism, paleoconservatism, “Old Right”, neoconservatives, (neo)isolationism, republicanism, USA

References

- Drolet J.F. and M.C.Williams. (2019) “The View from MARS: US Paleoconservatism and Ideological Challenges to the Liberal World Order” // *International Journal*, vol. 74, no. 1: 15–31.
- Francis S.T. (1993) *Beautiful Losers: Essays on the Failure of American Conservatism*. Columbia: University of Missouri Press.
- Francis S.T. (2002) “The Paleo Persuasion” // *The American Conservative*, 16.12. URL: <https://www.theamericanconservative.com/articles/the-paleo-persuasion/> (accessed on 3.09.2021).
- Gottfried P.E. (2007) *Conservatism in America: Making Sense of the American Right*. New York: Palgrave MacMillan.
- Gottfried P.E. (2019) “What’s Paleo, and What’s Not” // *Chronicles*, December. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/what-s-paleo-and-what-s-not/> (accessed on 13.09.2021).
- Kochetkov V.V. (2010) “Identichnost’ v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: teoreticheskie osnovy i rol’ v mirovoj politike” [Identity in International Relations: Theoretical Foundations and Role in World Politics] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics], no. 1: 5–26. URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/264/KOCHETKOV_1_2010.pdf (accessed on 13.09.2021). (In Russ.)
- Kuhner J.T. (1998) “What Robert Taft Could Teach Us Today” // *Chronicles*, June. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/what-rob-ert-taft-could-teach-us-today/> (accessed on 4.09.2021).
- Nash G.H. (2006) *The Conservative Intellectual Movement in America Since 1945*. Wilmington: ISI Books.
- Nock A.J. (1935) *Our Enemy, the State*. New York: William Morrow & Company.
- Richman Sh. (1996) “New Deal Nemesis: The „Old Right“ Jeffersonians” // *The Independent Review*, vol. 1, no. 2: 201–248.
- Rothbard M.N. (1999) “Life in the Old Right” // Scotchie J., ed. *The Paleoconservatives: New Voices of the Old Right*. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers: 19–31.
- Scotchie J. (1999) “Introduction: Paleoconservatism as the Opposition Party” // Scotchie J., ed. *The Paleoconservatives: New Voices of the Old Right*. New Brunswick (NJ): Transaction Publishers: 1–19.
- “The Great Debate” // *The National WWII Museum*. URL: <https://www.nationalww2museum.org/war/articles/great-debate> (accessed on 4.09.2021).
- Wilson C. (1992) “Restoring the Republic” // *Chronicles*, June. URL: <https://www.chroniclesmagazine.org/restoring-the-republic-4/> (accessed on 2.09.2021).

политика

С.А.Сергеев, А.В.Кузнецова, С.В.Кузьмина ОТ «ШТУРМА НЕБЕС» К НОРМАЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ЛЕВЫЕ РАДИКАЛЬНЫЕ ПАРТИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00198 «Эволюция леворадикальных партий, движений и групп во Франции, Испании, Греции, России и Канаде в 2007 — 2018 гг.: сравнительный анализ»).

Сергей Алексеевич Сергеев — доктор политических наук, профессор кафедры политологии Казанского (Приволжского) федерального университета. Для связи с автором: e-mail: SASergeev@kpfu.ru.

Александра Витальевна Кузнецова — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Для связи с автором: akuznets@alumni.nd.edu.

Светлана Владимировна Кузьмина — старший преподаватель кафедры социальной работы, педагогики и психологии Казанского национального исследовательского технологического университета. Для связи с автором: konfliktolog@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию новых леворадикальных партий (НЛРП), возникших или укрепившихся в Западной Европе на фоне социальных протестов против неолиберальной политики и мер «жесткой экономии». Пик электоральных успехов НЛРП пришелся на середину 2010-х годов, когда, переосмыслив ошибки прошлого, левые радикалы бросили вызов социал-демократам, сместившимся вправо и тем самым освободившим для них место в политическом пространстве. Однако, несмотря на то что прокатившиеся по Европе массовые протесты, казалось бы, создали предпосылки для повсеместного усиления НЛРП, не все подобные партии могут похвастаться своими электоральными показателями. Цель статьи — выявить причины, по которым в одних западноевропейских странах у левых радикалов получилось создать эффективные политические организации, а в других — нет. В качестве примеров успешных НЛРП авторы анализируют СИРИЗА (Греция), «Подemos» (Испания) и «Непокоренную Францию», добившихся наилучших результатов на выборах. При этом только СИРИЗА удалось стать старшим партнером в коалиции, сформировав правительство. «Подemos» пришлось довольствоваться ролью младшего партнера, а достижения «Непокоренной Франции» были еще скромнее.

Проведенное исследование позволило выделить несколько факторов, обусловивших успешное выступление НЛРП на электоральном поле. По заключению авторов, необходимым условием эффективности НЛРП является наличие плюралистической демократии. Кроме того, электоральные успехи левых радикалов подготовило изменение социальной структуры, обеспечившее им социальную базу в виде образованных молодых профессионалов. Но определяющее значение с точки зрения перспектив НЛРП имеет партийная система, прежде всего роль и авторитет социал-демократических партий в политической жизни той или иной страны.

Ключевые слова: леворадикальные партии, «Подemos», СИРИЗА, «Непокоренная Франция», социальные движения

² *March 2012.* В 2012 г., когда Люк Марч опубликовал свое исследование о радикальных левых партиях в современной Европе², левые радикалы представлялись маловлиятельной (а в ряде стран — и просто маргинальной) партийной семьей, разделенной на несколько групп, объединенных своим расположением слева от социал-демократии и приверженностью «левым ценностям» (понимаемым, впрочем, различным образом). Среди этих групп — коммунисты, демократические социалисты, популистские социалистические партии и социалистические популисты (разница между последними двумя самим Марчем объяснялась не очень внятно). Ничто не предвещало взлета популярности леворадикальных партий в Греции, Испании и Франции — хотя все предпосылки для этого были уже готовы.

Первой предпосылкой был крах социалистических режимов в Восточной Европе и Советском Союзе. Хотя западноевропейские левые радикалы, включая коммунистов, относились к ним с разной степенью критичности, после падения «реального социализма» все европейские левые — не только радикалы — оказались в затруднительном положении и были вынуждены меняться. Социал-демократы и социалисты продолжили эволюцию вправо, все дальше удаляясь от своей традиционной социальной базы — трудящихся, и их социально-экономическая повестка в 1990-е и 2000-е годы стала почти неотличимой от аналогичной повестки правых партий³.

³ *Crouch 2004: 63—69.*

Разочарование в социал-демократах привело к снижению их популярности и появлению слева от них политического вакуума, который, однако, оказалось не так просто заполнить: сближение позиций консервативных, либеральных и социал-демократических партий породило у части западноевропейских избирателей апатию и глубокое отвращение к политике. Кризис конца 2000-х годов, с которым решили бороться методами «жесткой экономии», вызывал к жизни целый ряд социальных движений; некоторые из этих движений стали непосредственными предшественниками таких новых леворадикальных партий (НЛРП), как «Подemos» в Испании и СИРИЗА в Греции.

Изучение левых радикалов в современной политической науке

⁴ *March and Mudde* 2005.

⁵ *Daiber, Hildebrandt, and Striethorst (eds.)* 2012.

⁶ *Tsakatika and Lisi (eds.)* 2013.

⁷ *Agustin and Briziarelli (eds.)* 2018; *Agustin* 2020.

⁸ *Amini (ed.)* 2016.

⁹ *Katsambekis and Kioupiolis (eds.)* 2019.

¹⁰ *Mudde* 2017.

¹¹ *Hudson* 2012.

¹² *Charalambous and Ioannou (eds.)* 2020.

¹³ *Chiocchetti* 2017.

¹⁴ *Mudde 2017; Agustin and Briziarelli (eds.)* 2018.

¹⁵ *Hudson 2012; Chiocchetti* 2017.

¹⁶ *Della Porta 2015; Ancelevici, Dufour, and Nez (eds.)* 2016; *Roca, Martin-Diaz, and*

До 2000-х годов определение «леворадикальный» сравнительно редко использовалось применительно к политическим партиям и движениям, а исследования организаций данного типа в Западной Европе и Северной Америке касались преимущественно коммунистических партий и анализировали опыт левых и коммунистических движений в период после Второй мировой войны и до 1989 г., а также причины их кризиса и деградации. Даже в 2000-х годах понятие «левые радикалы» ассоциировалось в первую очередь с упадком левого движения, и лишь во вторую — с его изменением⁴.

В начале 2010-х годов ситуация стала меняться. Помимо упомянутого выше исследования Марча, опубликованного издательством Routledge, в 2012 г. под эгидой Фонда Розы Люксембург вышла коллективная монография «От революции к коалиции: радикальные левые партии в Европе»⁵, а в 2013-м — сборник «Трансформации радикальных левых в Южной Европе» под редакцией Мирто Цакатики и Марко Лиси⁶. Во второй половине 2010-х годов статьи и монографии о радикальных левых и левых популистах хлынули потоком. Среди авторов наиболее значимых работ можно отметить Оскара Гарсия Агустина и Марко Брициарелли⁷, Бабака Амини⁸, Георгиоса Казамбекиса и Александра Кипукиолиса⁹, Каса Мадде¹⁰, Кейт Хадсон¹¹, Георгоса Хараламбуса и Григориса Иоанну¹², а также Паоло Чиочетти¹³. Некоторые из этих работ нацелены на максимально полное освещение взлета (и упадка) одной из НЛРП — СИРИЗА или «Подemos»¹⁴, другие, напротив, стремятся охватить несколько случаев¹⁵, третьи делают упор на развитие социальных движений в Европе 2000-х годов¹⁶. Не забыт и еврокоммунизм как один из идейных предшественников современных европейских НЛРП¹⁷. В результате термин «левые радикалы» («радикальные левые») утвердился в политической науке, используя для обозначения определенного типа партий.

Исследований НЛРП, принадлежащих российским авторам, существенно меньше, и это статьи. Наибольшее внимания со стороны отечественных исследователей удостоилась партия «Подemos»¹⁸, в особенности ее дискурс¹⁹. Определенный, хотя и меньший интерес вызвал опыт правления СИРИЗА²⁰, а также феномен «Непокоренной Франции» и ее лидера Жан-Люка Меланшона²¹. Есть и попытки сравнительного анализа символики, дискурсов и технополитики радикальных левых Испании, Греции и Франции²².

Успехи и поражения НЛРП

Diaz-Parra (eds.) 2017; *Wennerhag, Fröhlich, and Piotrowski (eds.)* 2017.

Тремя основными кейсами в нашем исследовании стали леворадикальные партии Греции, Испании и Франции (СИРИЗА, «Подemos» и «Непокоренная Франция»). Их выбор определялся тем, что именно в этих странах НЛРП добились максимальных электоральных успехов.

Греция. Предтечей СИРИЗА, как и других греческих НЛРП, являлась «Синаспизмос» (Коалиция левых и экологических движений,

- ¹⁷ *Baltrapnidis 2019.* до 2003 г. — Коалиция левых и прогресса) — леворадикальная партия, созданная в 1991 г. из нескольких групп, в разное время покинувших Коммунистическую партию Греции из-за несогласия с ее сталинистскими программными установками и политикой. Электоральная поддержка «Синаспизмос» была не очень значительной — на общенациональных выборах и выборах в Европейский парламент она получала в 1993—2009 гг. от 3 до 6% голосов. К 2004 г. вокруг «Синаспизмос» сложилась коалиция, объединившая 18 левых организаций, в том числе пять троцкистских партий и групп, Коммунистическую организацию Греции (бывших маоистов) и две группы демократических социалистов, отколовшихся от крупнейшей греческой социал-демократической партии — Всегреческого социалистического движения (ПАСОК), которая и стала называться СИРИЗА (акроним от греч. Συνασπισμός Ριζοσπαστικής Αριστεράς — Коалиция радикальных левых). В отличие от «старых» леворадикальных партий, «Синаспизмос» и СИРИЗА сохраняли идейный плюрализм, позволяя своим членам образовывать различные «платформы» («тенденции»), которые могли обладать собственными печатными и электронными медиа и вести дискуссии.
- Социально-экономический кризис конца 2000-х годов и меры «жесткой экономии» породили массовое протестное движение, известное как «движение площадей», в котором активно участвовали члены и сторонники СИРИЗА. Ее популярность стремительно росла: на парламентских выборах 2012 г. (6 мая и 12 июня) она уверенно заняла второе место, заручившись поддержкой 16,78 и 26,89% избирателей соответственно. В 2013 г. СИРИЗА была преобразована в политическую партию. На внеочередных парламентских выборах 25 января 2015 г. она набрала 36,34% голосов (один из лучших результатов левых радикалов не только в Европе, но и в мире), получив возможность сформировать коалиционное правительство. При этом и Компартия Греции, и ПАСОК оставались для нее конкурентами: принимая выделившиеся из этих партий группы, СИРИЗА предпочитала кооперироваться с умеренными центристскими организациями.
- Весной-летом 2015 г. популярность СИРИЗА достигла пика: ее поддерживало 40—45% избирателей²³. Не подорвало эту поддержку и решение правительства вопреки воле граждан, проголосовавших на референдуме 5 июля 2015 г. против политики «жесткой экономии», принять требования международных кредиторов, настаивавших на ее проведении. По итогам парламентских выборов 20 сентября 2015 г., на которых СИРИЗА потеряла менее 1% голосов, она вновь возглавила коалиционное правительство. Оценки деятельности этого правительства расходятся. По мнению Мадде, «СИРИЗА потерпела неудачу... потому что партия и ее лидеры... были плохо подготовлены к управлению страной. В лучшем случае они были честными дилетантами»²⁴. В свою очередь бывший лидер «Подemos» Пабло Иглесиас Турийон возлагает вину за провалы правительства СИРИЗА на Берлин, чья жесткая линия в отношении Греции была обусловлена не просто желанием усложнить
- ¹⁸ *Хенкин 2012, 2016; Павлова 2017.*
- ¹⁹ *Астахова 2016; Ларионова и Демкина 2021.*
- ²⁰ *Квашнин 2016; Гусетов 2019; Кузнецова 2020.*
- ²¹ *Вершинин 2018; Шмелев 2018.*
- ²² *Сергеев 2020; Сергеев и Кузьмина 2020.*
- ²³ *Greece 2021.*
- ²⁴ *Mudde 2017: v—vi.*

жизнь команде, поставившей под сомнение «модель управления ЕС под германской гегемонией», но и стремлением предупредить приход левых радикалов к власти в других европейских странах²⁵.

²⁵ Iglesias 2015a: 29.

После сентября 2015 г. рейтинг СИРИЗА начал быстро и неуклонно снижаться, и на выборах 7 июля 2019 г. она уступила правоцентристской «Новой демократии», отстав от нее на 8 процентных пунктов. Тем не менее СИРИЗА остается сильнейшей оппозиционной партией в стране, за которую готовы проголосовать от 25 до 30% избирателей²⁶.

²⁶ Greece 2021.

Испания. Протестное движение начала 2010-х годов и успех СИРИЗА побудили группу левых активистов во главе с преподавателем Мадридского университета Турийоном попытаться создать новую левую организацию, свободную от ошибок и предрассудков «старых левых» и способную, преодолев ограниченность классового подхода, выстроить новое «народное большинство»²⁷. Результатом их усилий стала партия «Подemos» («Мы можем»), и ее первые шаги вызвали эйфорию у сторонников: на выборах 2014 г. в Европарламент она получила около 8%, а на всеобщих выборах 2015 г. — 21% голосов. В 2016 г. «Подemos» заключил соглашение с блоком «Объединенные левые» (основу которого составляет Компартия Испании) о формировании электоральной коалиции, принявшей название «Унидос-Подemos» («Объединенные мы можем»). Не исключался и союз с Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП) — но с позиций старшего партнера²⁸. Однако кооперация «Подemos» с коммунистами не дала синергетического эффекта. Результаты «Унидос-Подemos» на выборах 2016 г. практически не отличались от тех, что «Подemos» достиг в одиночку в 2015 г.²⁹ С 2018 г. электоральный рейтинг коалиции стал падать, и на выборах в ноябре 2019 г. она набрала лишь 12,86% голосов, потеряв поддержку почти двух миллионов избирателей. Чтобы остановить правых, в начале 2020 г. «Подemos» вступил в коалицию с ИСРП — уже на правах младшего партнера. Что касается «Унидос-Подemos», то ее электоральный рейтинг продолжает снижаться, опустившись весной 2021 г. до 10%³⁰.

²⁷ Iglesias 2015b: 14.

²⁸ Ibid.: 21; Хенкин 2016: 18.

²⁹ По мнению ряда исследователей, такое развитие событий объяснялось вождизмом и растущей бюрократизацией внутри коалиции (Kioukiolis and Katsambekis 2020: 144).

³⁰ Spain 2021.

Франция. В 2008 г. левый социалист Меланшон (в молодости принадлежавший к троцкистской Международной коммунистической организации) сформировал коалицию под названием «Левый фронт», куда вошли им же основанная Левая партия, Французская коммунистическая партия и троцкистская группа «Единые левые». В качестве лидера коалиции он баллотировался в 2012 г. на пост президента Франции, заняв четвертое место, а в 2016 г. создал партию «Непокоренная Франция». В условиях развала Социалистической партии Меланшон и его партия добились определенных электоральных успехов, впрочем, весьма относительных: на президентских выборах 2017 г. Меланшон снова занял четвертое место (правда, заметно улучшив свой результат по сравнению с 2012 г.), а на парламентских выборах того же года «Непокорен-

³¹ Подсчитано по: *Résultats de l'élection présidentielle 2017; Résultats Résultats des élections législatives 2017; Résultats Résultats des élections européennes 2019.*

³² *France 2021.*

ная Франция» набрала 11% голосов. Более того, хотя на выборах в Европарламент весной 2019 г. «Непокоренная Франция» и получила 6,31% голосов и шесть мандатов, за нее проголосовало на миллион меньше избирателей, чем на парламентских выборах 2017 г., и на 5,5 млн меньше, чем за Меланшона на президентских³¹. В 2021 г. электоральный рейтинг последнего составлял около 10%³², однако в ходе президентской кампании 2022 г. он существенно вырос, что позволило Меланшону занять третье место, отстав от прошедшей во второй тур Марин Ле Пен лишь на 1,2 процентных пункта.

Отличительные черты НЛРП

НЛРП обладают целым рядом черт, отличающих их от «старых» левых партий — как коммунистических, так и социал-демократических. Перечислим наиболее значимые из них.

1. Плюрализм. В рамках НЛРП, как правило, сосуществуют разные идеологические направления — демократический социализм, еврокоммунизм, троцкизм, либертарный социализм, левая социал-демократия.
2. Отказ от классового подхода, характерного для классического марксизма. Акцент делается на отстаивании интересов «народа», понимаемого в духе дискурсивной стратегии постмарксизма и левого популизма Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф³³.
3. Самоидентификация через отрицание. Трудности формулирования нового левого проекта побуждают НЛРП фокусировать внимание на том, чем он не является (антикапитализм, антинеолиберализм, альтернатива)³⁴.
4. Опора на массовые социальные движения, внепарламентскую оппозицию, энергия которой умело конвертируется в электоральные успехи. Наиболее ярко это черта выражена у СИРИЗА и «Подemos».
5. Привлечение рядовых членов партии и сочувствующих к определению партийной стратегии и тактики (что, впрочем, не убергло Меланшона и Иглесиаса от обвинений в вождизме³⁵).
6. Апелляция к улице, «народу» при полном или почти полном отвержении силовых методов при проведении массовых шествий и акций «прямого действия». Подобная установка отличает НЛРП от «новых левых» 1960—1970-х годов и антиглобалистов 1990—2000-х.

³³ *Laclau and Mouffe 2014: 57—63; Iglesias 2015a: 23—27; Errejon and Mouffe 2016: 123—129.*

³⁴ *Chiocchetti 2017: 201.*

³⁵ *Kioupkiolis and Katsambekis 2020: 145; Marlière 2020: 107.*

Истоки эффективности НЛРП

Почему в одних странах левые радикалы смогли создать эффективные организации (если рассматривать эффективность как доступ к исполнительной власти или наличие «шантажного потенциала»), а в других — нет? Иначе говоря, почему в одних странах НЛРП смогли войти в правительство или стать основной оппозиционной силой, а в других — нет?

Теоретически здесь могут действовать четыре фактора.

Первый фактор — социальная структура. Изменение социальной структуры, постепенное уменьшение доли рабочего класса приводит к упадку «старых» левых партий и формированию «постдемократии»³⁶. В свою очередь рост слоя молодых образованных профессионалов, которые претендуют на высокооплачиваемые рабочие места, но далеко не всегда, особенно в условиях кризиса, их находят, создает социальную базу для НЛРП³⁷. Но этот процесс характерен для всех стран Западной Европы и Северной Америки, и даже Россия не составляет здесь исключения. Между тем эффективные леворадикальные партии существуют далеко не везде.

³⁶ Crouch 2004: 20—23.

³⁷ Rooduijn et al. 2017.

Второй фактор — политическая структура или политический режим. Страны, в которых функционируют рассмотренные выше НЛРП, — плюралистические демократии. Это отчасти объясняет отсутствие сильной левой радикальной партии в РФ (при том что попытки создания коалиции, которая могла бы послужить основой для такой партии, предпринимались³⁸). Подобная партия просто не вписывалась в систему управляемой демократии (разве что в качестве спойлера КПРФ). Однако влиятельных НЛРП, подобных СИРИЗА, «Подemos» или «Непокоренной Франции», нет и в ряде демократических стран, не вошедших в нашу выборку (например, в Италии и США).

³⁸ Речь идет в первую очередь о Левом фронте, учрежденном в 2008 г.

Таким образом, ни социальная структура, присущая постиндустриальному обществу, ни плюралистическая демократия, власти которой *mutatis mutandis* проводят неолиберальную политику «жесткой экономии», не порождают автоматически сильную леворадикальную партию. Леворадикальные движения и группы в таких условиях возникают почти неизбежно, но их эффективность («сила») определяется, по-видимому, другими факторами.

Третий фактор — политическая культура. Обоснованность введения данной категории и ее продуктивность до сих пор вызывают сомнения у политологов³⁹. В связи с этим правомернее, наверное, говорить о политической традиции, точнее — о традициях. Политические традиции влияют на формирование политических акторов и их поведение, но не следует забывать, что традиция не есть нечто неизбывное и монолитное. В современных обществах сосуществуют несколько разных политических традиций, то усиливающихся, то ослабевающих. Кроме того, как показывает опыт СССР на рубеже 1980—1990-х годов или Португалии в 1970-е годы, даже прервавшаяся традиция может быть в исторически короткие сроки восстановлена. Соответственно, тот факт, что в истории всех рассмотренных стран можно без труда найти леворадикальную традицию, едва ли способен прояснить причины организационной и электоральной эффективности/неэффективности левых радикалов.

³⁹ См., напр. Гельман 2013: 34—35.

Четвертый фактор — партийная система. В отличие от политической культуры / политической традиции, влияние на развитие и эффективность НЛРП сложившегося в стране соотношения партийных и политических сил не вызывает сомнений. В частности, НЛРП быстро

растут в электоральном вакууме, образующемся после ослабления социалистов / социал-демократов. Особенно показателен в этом плане опыт Греции: не случайно резкое снижение популярности умеренных левых партий получило название «пасокификация», отсылающее к обвальной потере голосов Всегреческим социалистическим движением (ПАСОК) на выборах 2012 и 2015 гг. Конечно, распадающийся электорат социалистов могут частично перехватить и другие силы, например «зеленые» (Франция) или популисты (Италия). Но там, где социалисты / социал-демократы прочно удерживают ядро своих избирателей, НЛРП могут претендовать лишь на роль младшего партнера в коалиции, как в Испании или Португалии.

Заключение

Распад социалистического лагеря в конце 1980-х годов оказал глубокое и неоднозначное воздействие на западноевропейских левых. Социал-демократы сдвинулись вправо, находившиеся же слева от них коммунисты переживали упадок (степень которого в разных странах, впрочем, была неодинаковой). Именно возникновение политического и идеологического вакуума в левой части политического спектра и создало возможности для развития НЛРП.

Для электорального успеха НЛРП недостаточно наличия левой традиции (многие ценности которой пришлось пересмотреть) и массового недовольства неолиберальной политикой. Партии этого типа успешны там, где могут перехватить и мобилизовать электорат слабых или распадающихся умеренных левых. Сильная социал-демократия была и остается, вероятно, наиболее важным ограничителем влияния левых радикалов. В случае же участия в формировании правительства НЛРП становятся частью структуры, от которой очень сложно отказаться и которую крайне трудно изменить, что, в свою очередь, почти неизбежно приводит к падению их общественной поддержки. В дальнейшем, в зависимости от соотношения сил ключевых партий, НЛРП могут претендовать на нишу либо «основной», либо второй, «малой» социал-демократической партии (расположенной левее «основной»). При отсутствии (заполненности) таких ниш их ждет маргинализация и исчезновение.

Библиография

Астахова Е.В. (2016) «„Штурм небес“ или особенности политического дискурса „Подemos“» // *Ибероамериканские тетради*, № 1: 21–28.

Вершинин А.А. (2018) «Прошлое, настоящее и будущее единой Европы глазами французских левых» // *Вестник Санкт-Петербургского университета: Международные отношения*, т. 11, № 3: 278–291.

Гельман В.Я. (2013) *Из огня да в полымя: российская политика после СССР*. СПб.: БХВ.

Гуселетов Б. (2019) «СИРИЗА терпит поражение. Что дальше?» // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 5: 43–48. URL: <http://vestnikeran.instituteofeurope.ru/images/Guseletov52019.pdf> (проверено 2.09.2021).

Квашнин Ю.Д. (2016) «Левые радикалы Греции: бремя государственной ответственности» // Швейцер В.Я. и Н.С.Плевако, ред. *Электронные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века)*. М.: Институт Европы РАН: 91–100. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/335.pdf> (проверено 2.09.2021).

Кузнецова А.В. (2020) «Леворадикальные партии и движения современной Греции» // *Среднерусский вестник общественных наук*, т. 15, № 5: 167–181.

Ларионова М.В. и А.В.Демкина. (2021) «Политический дискурс испанской партии „Подemos“: рефреймирование как фактор дискурсивной эффективности» // *Язык и культура*, т. 53, № 1: 53–71.

Павлова Е.Б. (2017) «Механизм нормативной силы (Образ „другого“ и партия „Подemos“»)» // *Полития*, № 1 (84): 144–158. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-144-158.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-144-158.pdf) (проверено 2.09.2021).

Сергеев С.А. (2020) «Политическая символика и символическая политика западноевропейских леворадикальных партий» // *Политическая наука*, № 3: 172–189.

Сергеев С.А. и С.В.Кузьмина. (2020) «Новый левый радикализм и популизм в Западной Европе: что нового?» // *Казанский социально-гуманитарный вестник*, № 5: 49–53. URL: http://kazanvestnik.ru/files/5-2020/49-53_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2_%D0%9A%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf (проверено 2.09.2021).

Хенкин С.М. (2012) «Социальные движения нового типа: пример Испании» // *Актуальные проблемы Европы*, № 2: 151–169.

Хенкин С.М. (2016) «Феномен „Подemos“» // *Ибероамериканские тетради*, № 1: 15–20.

Шмелев Д. В. (2018) «Левый популизм в странах Запада. Феномен Ж.-Л.Меланшона» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 11, № 3: 69–84. URL: https://www.researchgate.net/publication/327165624_Left-wing_populism_in_Western_countries_The_Phenomenon_of_J-L_Melenchon (проверено 2.09.2021).

Agustin O.G. (2020) *Left-Wing Populism: The Politics of People*. Bingley: Emerald Publishing.

Agustin O.G. and M.Briziarelli, eds. (2018) *Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. Cham: Palgrave Macmillan.

Amini B., ed. (2016) *The Radical Left in Europe in the Age of Austerity*. Abingdon: Routledge.

- Ancelovici M., P.Dufour, and H.Nez, eds. (2016) *Street Politics in the Age of Austerity: From the Indignados to Occupy*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Balampanidis I. (2019) *Eurocommunism: From the Communist to the Radical European Left*. Abingdon, New York: Routledge.
- Charalambous G. and G.Ioannou, eds. (2020) *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge.
- Chiocchetti P. (2017) *The Radical Left Party Family in Western Europe, 1989—2015*. Abingdon: Routledge.
- Crouch C. (2004) *Post-Democracy*. Cambridge: Polity Press.
- Daiber B., C.Hildebrandt, and A.Striethorst, eds. (2012) *From Revolution to Coalition — Radical Left Parties in Europe*. Berlin: Rosa Luxemburg Stiftung.
- Della Porta D. (2015) *Social Movements in Times of Austerity: Bringing Capitalism Back into Protest Analysis*. Cambridge: Polity Press.
- Errejon I. and Ch.Mouffe. (2016) *Podemos: in the Name of the People*. London: Lawrence & Wishart.
- France — 2022 Presidential Election Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/france/> (accessed on 1.09.2021).
- Greece — National Parliament Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/france/> (accessed on 1.09.2021).
- Hudson K. (2012) *The New European Left: A Socialism for the Twenty-First Century?* Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Iglesias P. (2015a) «Spain on Edge» // *New Left Review*, May-June: 23—42. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii93/articles/pablo-iglesias-spain-on-edge> (accessed on 1.09.2021).
- Iglesias P. (2015b) «Understanding Podemos» // *New Left Review*, May-June: 7—22. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii93/articles/pablo-iglesias-understanding-podemos> (accessed on 1.09.2021).
- Katsambekis G. and A.Kioupkiolis, eds. (2019) *The Populist Radical Left in Europe*. Abingdon, New York: Routledge.
- Kioupkiolis A. and G.Katsambekis. (2020) «New Left Populism Contesting and Taking Power: the Cases of SYRIZA and Podemos» // Charalambous G. and G.Ioannou, eds. *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge: 129—155.
- Laclau E. and Ch.Mouffe. (2014) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
- March L. (2012) *Radical Left Parties in Contemporary Europe*. Basingstoke: Routledge.
- March L. and C.Mudde. (2005) «What's Left of the Radical Left? The European Radical Left after 1989: Decline and Mutation» // *Comparative European Politics*, vol. 3, no. 1: 23—49.
- Marlière Ph. (2020) «Jean-Luc Melenchon and la France Insoumise. The Manufacturing of Populism» // Charalambous G. and G.Ioannou, eds. *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge: 93—112.

Mudde C. (2017) *SYRIZA: The Failure of the Populist Promise*. Cham: Palgrave Macmillan.

Résultats de l'élection présidentielle. (2017) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Résultats des élections européennes. (2019) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Europeennes/elecresult__europeennes-2019/\(path\)/europeennes-2019//FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Europeennes/elecresult__europeennes-2019/(path)/europeennes-2019//FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Résultats des élections législatives. (2017) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/\(path\)/legislatives-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/(path)/legislatives-2017/FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Roca B., E.Martín-Díaz, and I.Díaz-Parra, eds. (2017) *Challenging Austerity: Radical Left and Social Movements in the South of Europe*. Abingdon: Routledge.

Rooduijn M., B.Burgoon, E.J. van Elsas, and H.G. van de Werfhorst. (2017) «Radical Distinction: Support for Radical Left and Radical Right Parties in Europe» // *European Union Politics*, vol. 18, no. 4: 536–559.

Spain — National Parliament Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls /spain/> (accessed on 1.09.2021).

Tsakatika M. and M.Lisi, eds. (2013) *Transformations of the Radical Left in Southern Europe: Bringing Society Back in?* Abingdon: Routledge.

Wennerhag M., Ch.Fröhlich, and G.Piotrowski, eds. (2017) *Radical Left Movements in Europe*. Abingdon: Routledge.

S.A.Sergeev, A.V.Kuznetsova, S.V.Kuzmina
FROM “STORMING HEAVEN”
TO NORMALIZATION:
THE NEW RADICAL LEFT PARTIES
IN WESTERN EUROPE

Sergey A. Sergeev — Doctor of Political Science; Professor of the Department of Political Science, Kazan (Volga Region) Federal University. Email: SASergeev@kpfu.ru.

Alexandra V. Kuznetsova — Ph.D. in Philosophy; Associate Professor at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University. Email: akuznets@alumni.nd.edu.

Svetlana V. Kuzmina — Senior Lecturer at the Department of Social Work, Pedagogy and Psychology, Kazan National Research Technological University. E-mail: konfliktolog@mail.ru.

Abstract. The article is devoted to studying the new radical left parties (NRLP) that either emerged or strengthened in Western Europe in the light of social protests against neoliberal policies and austerity measures. The mid-2010s witnessed the peak of the electoral successes of the NRLP, when, after revisiting the mistakes of the past, the radical left challenged social democrats, who shifted to the right and thus freed up a niche in the political space. Despite the fact that the mass protests, which swept across Europe, created pre-conditions for strengthening the NRLP everywhere, not all such parties could claim significant electoral achievements. The purpose of the article is to identify the reasons why in some Western European countries the radical left managed to create effective political organizations, while in others they did not. The authors analyze SYRIZA (Greece), Podemos (Spain) and France Unbowed as examples of successful NRLP, which achieved the best results in the elections. However, only SYRIZA managed to become a senior partner in the government coalition. Podemos had to settle for the role of a junior partner, while the achievements of France Unbowed were even more modest.

The conducted research allowed the authors to single out several factors that can explain the successful performance of the NRLP in the electoral field. According to their conclusion, the existence of a pluralist democracy is a necessary condition for the efficiency of the NRLP. In addition, the electoral successes of the radical left were prepared by a change in the social structure, which provided the NRLP with a social base — young educated professionals. However, a country's party system, primarily the role and the weight of social democratic parties in a country's political life, is a decisive factor that defines prospects for the NRLP.

Keywords: radical left parties, Podemos, SYRIZA, France Unbowed, social movements

References

- Agustin O.G. (2020) *Left-Wing Populism: The Politics of People*. Bingley: Emerald Publishing.
- Agustin O.G. and M.Briziarelli, eds. (2018) *Podemos and the New Political Cycle: Left-Wing Populism and Anti-Establishment Politics*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Amini B., ed. (2016) *The Radical Left in Europe in the Age of Austerity*. Abingdon: Routledge.
- Ancelovici M., P.Dufour, and H.Nez, eds. (2016) *Street Politics in the Age of Austerity: From the Indignados to Occupy*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Astakhova E.V. (2016) “„Shturm nebes“ ili osobennosti politicheskogo diskursa „Podemos“” [Storm the Heavens or Some Characteristics of Po-

litical Discourse of the New Spanish Party Podemos] // *Iberoamerikanskije tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], no. 1: 21—28. (In Russ.)

Balampanidis I. (2019) *Eurocommunism: From the Communist to the Radical European Left*. Abingdon, New York: Routledge.

Charalambous G. and G.Ioannou, eds. (2020) *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge.

Chiocchetti P. (2017) *The Radical Left Party Family in Western Europe, 1989—2015*. Abingdon: Routledge.

Crouch C. (2004) *Post-Democracy*. Cambridge: Polity Press.

Daiber B., C.Hildebrandt, and A.Striethorst, eds. (2012) *From Revolution to Coalition — Radical Left Parties in Europe*. Berlin: Rosa Luxembourg Stiftung.

Della Porta D. (2015) *Social Movements in Times of Austerity: Bringing Capitalism Back into Protest Analysis*. Cambridge: Polity Press.

Errejon I. and Ch.Mouffe. (2016) *Podemos: in the Name of the People*. London: Lawrence & Wishart.

France — 2022 Presidential Election Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/france/> (accessed on 1.09.2021).

Gel'man V.Ya. (2013) *Iz ognja da v polymja: rossijskaja politika posle SSSR* [Out of the Frying Pan into the Fire: Russian Politics after the USSR]. St Petersburg: BKhV. (In Russ.)

Greece — National Parliament Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/greece/> (accessed on 1.09.2021).

Guseletov B. (2019) “SIRIZA terpit porazhenie. Chto dal'she?” [The Outcome of the Parliamentary Elections in Greece 2019] // *Nauchno-analitičeskij vestnik IE RAN* [Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS], no. 5: 43—48. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Guseletov52019.pdf> (accessed on 2.09.2021). (In Russ.)

Hudson K. (2012) *The New European Left: A Socialism for the Twenty-First Century?* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Iglesias P. (2015a) “Spain on Edge” // *New Left Review*, May-June: 23—42. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii93/articles/pablo-iglesias-spain-on-edge> (accessed on 1.09.2021).

Iglesias P. (2015b) “Understanding Podemos” // *New Left Review*, May-June: 7—22. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii93/articles/pablo-iglesias-understanding-podemos> (accessed on 1.09.2021).

Katsambekis G. and A.Kioupkiolis, eds. (2019) *The Populist Radical Left in Europe*. Abingdon, New York: Routledge.

Khenkin S.M. (2012) “Sotsial'nye dvizhenija novogo tipa: primer Ispanii” [New Types of Social Movements: Case of Spain] // *Aktual'nye problemy Evropy* [Current Problems of Europe], no. 2: 151—169. (In Russ.)

Khenkin S.M. (2016) “Fenomen „Podemos“” [Podemos Phenomenon] // *Iberoamerikanskije tetradi* [Cuadernos Iberoamericanos], no. 1: 15—20. (In Russ.)

Kioupkiolis A. and G.Katsambekis. (2020) “New Left Populism Contesting and Taking Power: the Cases of SYRIZA and Podemos” // Charalambous G. and G.Ioannou, eds. *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge: 129—155.

Kuznetsova A.V. (2020) “Levoradikal’nye partii i dvizhenija sovremennoj Gretsii” [Radical Left Parties and Movements in Greece] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], vol. 15, no. 5: 167—181. (In Russ.)

Kvashnin Yu.D. (2016) “Levyje radikaly Gretsii: bremnja pravitel’svennoj otvetstvennosti” [Greek Left Radicals: the Burden of Governmental Responsibility] // Shveytzer V.Ya. and N.S.Plevako, eds. *Elektoral’nye protsessy v Evropejskom sojuze (seredina vtorogo desjatiletija 21 veka)* [Electoral Processes in the European Union (The Middle of the 21st Century Second Decade)]. Moscow: Institut Evropy RAN: 91—100. URL: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/335.pdf> (accessed on 2.09.2021). (In Russ.)

Laclau E. and Ch.Mouffe. (2014) *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.

Larionova M.V. and A.V.Demkina. (2021) “Politicheskij diskurs ispanskoj partii „Podemos“: refrejmirovanie kak faktor diskursivnoj effektivnosti” [Reframing as a Factor of Discursive Efficiency in Political Discourse of the Spanish Party Podemos] // *Jazyk i kul’tura* [Language and Culture], no. 53: 53—71. (In Russ.)

March L. (2012) *Radical Left Parties in Contemporary Europe*. Basingstoke: Routledge.

March L. and C.Mudde. (2005) “What’s Left of the Radical Left? The European Radical Left after 1989: Decline and Mutation” // *Comparative European Politics*, vol. 3, no. 1: 23—49.

Marlière Ph. (2020) “Jean-Luc Melenchon and la France Insoumise. The Manufacturing of Populism” // Charalambous G. and G.Ioannou, eds. *Left Radicalism and Populism in Europe*. Abingdon, New York: Routledge: 93—112.

Mudde C. (2017) *SYRIZA: The Failure of the Populist Promise*. Cham: Palgrave Macmillan.

Pavlova E.B. (2017) “Mekhanizm normativnoj sily (Obraz „drugogo“ i partija „Podemos“)” [Mechanism of Normative Power (Image of “the Other” and Party “Podemos”)] // *Politeia*, no. 1 (84): 144—158. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-144-158.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-144-158.pdf) (accessed on 2.09.2021). (In Russ.)

Résultats de l’élection présidentielle. (2017) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/\(path\)/presidentielle-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Presidentielles/elecresult__presidentielle-2017/(path)/presidentielle-2017/FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Résultats des élections européennes. (2019) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Europeennes/elecresult__europeennes-2019/\(path\)/europeennes-2019/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Europeennes/elecresult__europeennes-2019/(path)/europeennes-2019/FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Résultats des élections législatives. (2017) URL: [https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/\(path\)/legislatives-2017/FE.html](https://www.interieur.gouv.fr/Elections/Les-resultats/Legislatives/elecresult__legislatives-2017/(path)/legislatives-2017/FE.html) (accessed on 2.09.2021).

Roca B., E.Martín-Díaz, and I.Díaz-Parra, eds. (2017) *Challenging Austerity: Radical Left and Social Movements in the South of Europe.* Abingdon: Routledge.

Rooduijn M., B.Burgoon, E.J. van Elsas, and H.G. van de Werfhorst. (2017) “Radical Distinction: Support for Radical Left and Radical Right Parties in Europe” // *European Union Politics*, vol. 18, no. 4: 536–559.

Sergeev S.A. (2020) “Politicheskaja simvolika i simvolicheskaja politika zapadnoevropejskikh levoradikal’nykh partij” [Political Symbols and Symbolic Policy of the Western European Left Radical Parties] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 3: 172–189. (In Russ.)

Sergeev S.A. and S.V.Kuzmina. (2020) “Novyj levyj radikalizm i populizm v Zapadnoj Evrope: chto novogo?” [New Left Radicalism and Populism in Western Europe: What’s New?] // *Kazanskij sotsial’no-gumanitarnyj vestnik* [Kazan Social and Humanitarian Bulletin], no. 5: 49–53. URL: http://kazanvestnik.ru/files/5-2020/49-53_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B5%D0%B2_%D0%9A%D1%83%D0%B7%D1%8C%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf (accessed on 2.09.2021). (In Russ.)

Shmelev D.V. (2018) “Levyj populizm v stranakh Zapada. Fenomen J.-L.Melanshona” [Left-wing Populism in Western Countries. The Phenomenon of J.-L.Mélenchon] // *Kontury global’nykh transformatsij: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], vol. 11, no. 3: 69–84. URL: https://www.researchgate.net/publication/327165624_Left-wing_populism_in_Western_countries_The_Phenomenon_of_J-L_Melenchon (accessed on 2.09.2021). (In Russ.)

Spain — National Parliament Voting Intention. (2021) URL: <https://www.politico.eu/europe-poll-of-polls/spain/> (accessed on 1.09.2021).

Tsakatika M. and M.Lisi, eds. (2013) *Transformations of the Radical Left in Southern Europe: Bringing Society Back in?* Abingdon: Routledge.

Vershinin A.A. (2018) “Proshloe, nastojashchee i budushchee edinoj Evropy glazami frantsuzskikh levykh” [Past, Present and Future of European Idea through the Eyes of the French Left] // *Vestnik SPbGU: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik of Saint-Petersburg University: International Relations], vol. 11, no. 3: 278–291. (In Russ.)

Wennerhag M., Ch.Fröhlich, and G.Piotrowski, eds. (2017) *Radical Left Movements in Europe.* Abingdon: Routledge.

Н.Н.Гудалов
**ТРИ ЛИКА ЛЕВИАФАНА:
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ,
ИНСТИТУТЫ, ИДЕИ**

**Коктыш К.Е. Дискурс рационализма, свободы и демократии.
М.: МГИМО-Университет, 2021. — 320 [1] с.**

Николай Николаевич Гудалов — кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений СПбГУ. Для связи с автором: n.gudalov@spbu.ru.

Аннотация. Центральная тема монографии Кирилла Коктыша — вопросы оформления языков политической науки. Эти языки многообразны, но автор анализирует их через три базовых понятия — рационализма, институтов и идей. Мастерски комбинируя ограниченное число понятий, он выстраивает масштабную конструкцию, показывая, как именно можно изучать языки описания политики.

Согласно Коктышу, рациональное конструируется конкретными институтами. Выделены три института, восходящие к трем функциям индоевропейских богов, отмеченным Жоржем Дюмезилем, и соответствующие трем функциям политики, — «вождь» (принимает решения), «жрец» (формирует и поддерживает нормы) и «купец» (занимается экономическим производством). Эти институты стремятся распространить свою рациональность на все общество, задействуя в этих целях три «большие идеи» — порядка, справедливости, свободы. По заключению автора, базой стабильных социальных состояний — «политических архитектур» — являются институты вождя и жреца, и именно отношения между ними определяют специфику таких «архитектур». При этом в книге уделено внимание не только статике, но и динамике. Используемый автором когнитивно-структурный метод позволяет ему исследовать трансформации обществ через анализ изменений рационализма, институтов и идей.

Книга Коктыша ценна не только своей проблемной новизной и фундаментальностью, но и тем, что намечает важные направления для дискуссии. Одно из таких направлений касается популярной критики Просвещения, с которой солидаризуется автор, а также оправданности сведения рациональности к не более чем производным определенных социальных контекстов; другое — оценки англо-американской модели демократии, которой отказывается в способности генерировать общезначимые смыслы.

Во многих отношениях сама эта книга представляет собой весомый вклад в рациональную дискуссию о политике, убедительно демонстрируя, насколько сложны и неуловимы понятия политической науки.

Ключевые слова: политическая философия, политические понятия, рациональность, институты, идеи

¹ См., напр. Ball 1985; Pettit 2008; Gunnell 2020; Gudalov 2021.

² Steinberger 2015; Gudalov 2021.

³ Ряд положений книги был апробирован в журнале «Полития» (см. Коктыш 2016а, 2016b, 2016с, 2017, 2019).

⁴ Steinberger 2015.

⁵ Gudalov 2021.

⁶ Дюмезиль 1986: 25.

Внимание к языку в политической теории не ослабевает¹. Звучат и призывы к уточнению понятия рациональности, несмотря на ее инструменталистское сужение и постмодернистскую девальвацию². Требуются дополнения к неоинституционализму, чтобы в должной мере учесть социальную динамику. Продолжается рефлексия о ключевых идеях политики. Все эти актуальные — и «вечные» — темы языка, рациональности, институтов и идей увязывает в своей новой монографии доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России Кирилл Коктыш³.

Центральная тема монографии — вопросы «оформления языков политической науки» (с. 7). Эти языки многообразны и сменяли друг друга, но автор анализирует их через три базовых понятия — рационализма, институтов и идей. Мастерски комбинируя ограниченное число понятий, Коктыш выстраивает масштабную конструкцию, показывая, как именно можно изучать языки описания политики, — а такой конкретики часто не хватает.

Анализируя понятие рационального, автор обращается к его «онтологии» (с. 28). По его мнению, картины мира, задающие рамки рационального, различаются. Рациональное конструируется конкретными субъектами — институтами — в процессе познания и должно отвечать их установкам.

Внимание Коктыша к рациональности очень важно — его в политической науке все еще недостаточно⁴. Инструменталистские подходы оценивают с точки зрения практической рациональности лишь средства, игнорируя то, «каким образом ставятся цели и каким образом эти цели могут быть рациональными» (с. 28). Неполны и подходы, сводящие рациональность к индивидуализму⁵. Рациональность часто огульно критикуется постмодернистами. Но они правы в том, что «единственно рациональными» нередко провозглашаются субъективные, наивные и опасные догмы. Учитывая все это, нужно прояснять, в связи с чем некоторые цели объявляются рациональными, и Коктыш как раз стремится дойти до самой основы того, каким образом субъекты конструируют рациональность. Он преодолевает и индивидуализм, поскольку пишет о коллективных субъектах — институтах. Наконец, следует в определенной мере признать (вслед за автором), что рациональность в разных контекстах разная, — это предохраняет от ее догматичного понимания.

Коктыш выделяет три института, восходящих к трем функциям индоевропейских богов, отмеченных Жоржем Дюмезилем⁶, — вождя,

жреца и купца. Они соответствуют трем функциям политики: «принятие решений; формирование и поддержание норм; экономическое воспроизводство» (с. 39—40). Рациональным для каждого института будет распространение своей логики на все общество. Но придать этой логике легитимность они могут лишь через «большие идеи» (с. 43—45). Их тоже три — порядок, справедливость, свобода.

Вождь и жрец были базой «стабильных социальных состояний» — «политических архитектур», то есть структур из нескольких институтов (с. 84—133). Купец, по оценке автора, появился позже вождя и жреца и не может прямо легитимировать себя политически в глазах общества, поскольку для купца фундаментален индивид. Исторические примеры архитектур — католическая (вождь подчинен жрецу); протестантская (жрец подчинен вождю); православная (равенство жреца и вождя); даосско-конфуцианская в Китае и индуистско-буддистская в Индии (прямое взаимодействие вождя и жреца отсутствует, каждый по-своему взаимодействует с обществом).

Логично, что Коктыш уделяет внимание не только «архитектонике», но и динамике. В этом преимущество его «когнитивно-структурного метода», учитывающего ряд аспектов «развития и... самоосознания институтов» (с. 9), которые часто затушевываются неоинституционалистами. Автор исследует трансформации обществ через смену — в том или ином порядке — рационализма, институтов и идей.

Так, приход Модерна связывается с Англией. В результате религиозной реформы Генриха VIII вождь поглотил жреца. Затем купец, все больше богатеющий благодаря протестантской этике, убил вождя (Карла I). Протестантизм вел к индивидуализму мировоззрений, и единым мерилom спасения стала купля-продажа. Согласно Коктышу, Томас Гоббс обосновал рационализм собственности, идею свободы как реализации прав собственности и, наконец, власть как институт, гарантировавший собственность и свободу. И вождь, и жрец подчинились купцу.

Иным был путь Франции. Вольтерьянская свобода, отрицавшая любые нормы, в том числе применительно к собственности, превратилась в идею, а потом — в рационализм. Но слабыми оказались институты. Шарль-Луи Монтескье видел в государстве потенциальное зло, отсюда — идеи разделения и выборности властей; у Жан-Жака Руссо свобода «общей воли» почти не ограничена, и не ясно, кто ее трактует. В отличие от Англии, для Франции был характерен внутренний конфликт свободы с собственностью и государством.

По оценке Коктыша, после эпохи Просвещения во многих случаях верх взял купец. Гоббсовская парадигма победила и интегрировала руссоистскую. В основу политической системы США лег рационализм собственности. Вождь выступает там лишь в роли «наемного политического менеджера» (с. 254). Наконец, идейными оправданиями американской политической системы стали принцип «разделяй и властвуй» (здесь и включается просвещенческий взгляд на государство как на

возможную угрозу), страх перед несогласным с купцом большинством, расщепление общества на меньшинство.

Возвышение купца нашло отражение также в британском колониализме. Так, Ост-Индская компания, занимавшаяся грабежом, породила парадокс: присвоение чужой собственности, считавшейся в метрополии священной, в колониях воспринималось как вполне легитимное. Его разрешил Джеймс Милль, просто поставив британского купца выше «недоразвитых» индийских фигур вождя и жреца. Затем был задействован концепт свободной торговли, прежде всего усилиями Джона Стюарта Милля. Внешне отрицая колониализм, этот концепт на деле помогал британской экспансии. Идеи «невидимой руки» и «мирового рынка» подавались как неумолимый прогресс, оправдывая сотрудничество с купцом элит из колоний.

Базируется на протестантском рационализме и развитие американского концепта демократизации. Этот концепт включил в себя вильсоновский принцип права наций на самоопределение (в котором нашло отражение стремление разделять народы и властвовать над ними) и институт выборов, а также американскую идею свободы корпораций. В рамках такой демократизации жрец остается призрачным, причем протестантизм сменяет идея прав и свобод человека. Она предполагает также, что вождь создается на выборах, управляемых купцом: у последнего есть деньги, а в обществе, делящемся на все новые меньшинства, ему не нужно абсолютное большинство. Сам же купец в данной модели все больше уходит в тень.

Как видно, книга демонстрирует яркий авторский замысел. Ее проблемная новизна и фундаментальность состоят в систематизации массы аспектов, перспективном методе, интересе к рациональности. При анализе языков описания политики серьезное внимание уделено классикам — от античности до XX в. Это выгодно отличает книгу от многих других работ, в том числе базирующихся на постмодернистских подходах, которые, отчасти за счет своих нарочитых вокабуляров, завывают собственную новизну. Между тем многие вопросы были поставлены еще в античности, причем с античной ясностью. Таковы, в частности, вопросы о языке и этическом релятивизме, высеченные софистами (с. 151—152). Помимо авторов, на которых в политической науке ссылаются постоянно, Коктыш привлек и тех, кого по большей части игнорируют (например, Джеймса Милля) или упоминают крайне редко (Дюмезиля). При этом он избегает как отрыва текстов прошлого от исторического контекста (в угоду презентизму или абстрактным вневременным трактовкам), так и «заточения» их в такого рода контексте.

Однако едва ли кому-то по силам «схватить за язык» левиафа-⁷ — книга Коктыша значима еще и тем, что выводит нас на ряд важных направлений для дискуссии. Одно из них связано опять же со сложнейшим понятием рациональности. Коктыш следует популярной трактовке Просвещения, критикующей его за то, что оно объявило человеческий разум основой Модерна, осудив на «неразумие» всю пре-

⁷ *Иов 40:20.*

дыдущую историю (с. 19, 29). Конечно, у просветителей, как и у всяких мыслителей, были свои заблуждения. Вместе с тем как минимум самые глубокие из них не смотрели на разум как на панацею, внепространственную и вневременную универсалию, чей триумф наконец наступил. Монтескье подчеркивал, что «сам излишек разума не всегда желателен». Даже для свободной нации «страсти» значат больше, чем «разум, который никогда не оказывает великих воздействий на дух людей»⁸. Философ задавался вопросом, не стоит ли разделять случаи, когда нужно «единообразие», а когда — «различия», тем самым не настаивая на единых законах для всех людей⁹. Отвергал он и соблазн презентизма — «переносить в отдаленные века все идеи века, в котором живешь»¹⁰. О средневековье он отзывался не уничижительно, а писал о нем много, и порой позитивно¹¹. Или, например, читаем у Эдварда Гиббона: «полезный предрассудок, освященный временем и общественным мнением, производит такое же действие, как истина»¹². Он тоже осуждал презентизм: лишь «невежественный век применяет свой собственный язык и свои нравы к самым отдаленным временам»¹³. Иногда прошлое восточных «варваров» для него лучше европейского: религиозные идеи Чингисхана заставляют стыдиться католической инквизиции¹⁴.

Коктыш также считает, что рациональность в социальных науках не универсальна, а привязана к своей эпохе, стремлению института распространить свои смыслы или желанию индивида обрести некий статус или повысить имеющийся (с. 29, 43). Но такой взгляд представляется слишком релятивистским, ограниченным. В термине «рационализм», который часто использует Коктыш, сам суффикс наводит на мысль об идеологии; однако рациональность не всегда является лишь чьим-то идеологическим оправданием. Конечно, рациональность никогда не бывает совершенной, и в этом плане уместны ссылки, скажем, на критику идеологии Фридрихом Энгельсом и открытие подсознания Зигмундом Фрейдом (с. 22). Но она не сводима ни к «классовому интересу», ни к «бессознательному», ни к «воле к власти»¹⁵, поскольку поддается рациональным же корректировкам. Хотя Коктыш рассматривает в основном не индивидуальную рациональность, это только поднимает проблему на уровень выше: рациональность тогда становится лишь производной общественной эпохи или института. Между тем неверно считать рациональным некритическое следование любым текущим предпочтениям как индивида, так и группы¹⁶. Таким образом, в книге остается непроработанным затронутый самим Коктышем вопрос: как рационально оценить содержание целей людей, сопоставить цели? Разумеется, цели людей различны. И все же нужно учитывать попытки превзойти релятивизм, взглянуть на рациональность более предметно¹⁷. При этом нерелятивистские взгляды на рациональность вовсе не обязательно ведут к восприятию ее как некоей единой для всех культур и эпох догмы¹⁸. В контексте Постмодерна, плюрализма как реакции на глобализацию, о чем пишет и автор (с. 308—309), рациональность необходима и для уважения многообразия, и для ориентации в нем.

⁸ *Montesquieu 1876—1878: IV: 346.*

⁹ *Ibid.: V: 412.*

¹⁰ *Ibid.: V: 448.*

¹¹ *См., напр. Ibid.: V: 220—221.*

¹² *Гиббон 2004—2008: III: 106.*

¹³ *Там же: VII: 56, сноска 58.*

¹⁴ *Там же: VII: 83.*

¹⁵ *Putnam 1998: 157.*

¹⁶ *O'Neill 2003.*

¹⁷ *Ibidem; Putnam 1998; Steinberger 2015; Gudalov 2021.*

¹⁸ *Putnam 1998; Gudalov 2021.*

Мало лишь констатировать разнообразие; в политике приходится еще и понимать Других, оценивать их отношение к Нам, выстраивать практику — и рациональность остается пусть несовершенным, но динамичным и лучшим из доступных человеку инструментом решения всех этих задач. Кроме того, если Коктыш рассматривает рациональность как весьма ограниченную исторически, то неясно, каков статус его собственной рациональности как исследователя. Если любая рациональность не более чем продукт конкретной эпохи, как же ему самому удалось понять прошлые эпохи, верифицировать книгу историческим материалом (с. 9)?

На другое направление для дискуссии выводит представленный в книге анализ англо-американской модели демократии, где господствует логика купца, который, по оценке автора, генерирует не общезначимые, а сугубо частные смыслы «на продажу»¹⁹. «Экономическую» фигуру Коктыш слишком сужает. Само слово «купец» провоцирует сведение экономики исключительно к торговле. Но экономическое воспроизводство невозможно без собственно производства, творчества. А это предполагает более оптимистичную оценку экономических институтов: они могут создавать не только частные, но и общезначимые смыслы.

Англо-американская модель выглядит несколько упрощенной. Заключение автора, что в протестантизме «общества нет» (с. 247), — явное преувеличение. С точки зрения Коктыша, протестантское расщепление общества стало в итоге основой «симулякров Постмодерна» (с. 247). Но почему тогда постмодернизм не менее, а скорее более влиятелен в философии Франции, где никогда не доминировал протестантизм, чем в англосаксонской? Индивидуализм же последней не надо гиперболизировать. Так, у Джона Ролза, помимо индивидуалистических идей, о которых пишет Коктыш, есть и та идея, что индивид вполне оформляется только через отношения с другими, в том числе жившими ранее, людьми²⁰. А у Дональда Дэвидсона рациональность логически увязана с языком, диалогом с Другими²¹.

Но особого внимания здесь заслуживает Гоббс, в котором Коктыш видит основу английской модели с ее индивидуализмом, господством собственности, свободы и купца. Между тем в книге о языке было бы уместно учесть трактовку, согласно которой язык — одна из центральных тем у Гоббса. Он не просто считал язык необходимым для мышления²², но и совершил «лингвистический поворот» в политической теории²³. Гоббс дал нововременную формулировку идеи о том, что истина создается и может быть доподлинно известна только ее создателю²⁴. Так, математические объекты создаются человеком, и потому математика точна, научна. Ей должна уподобиться политика²⁵. Истина здесь устанавливается «общим согласием носителей одного языка (как неким соглашением, необходимым для человеческого общества)»²⁶. Суверен «правит с помощью слова»²⁷, определяя, что подданный «должен называть своим и что чужим... справедливым и несправедливым, честным и бесчестным, хорошим и плохим»²⁸. Гоббса вполне можно

¹⁹ *Примечательно, что подробное исследование демократий, где три института находятся в относительном балансе, в монографии отсутствуют.*

²⁰ Rawls 1971: 264—265, 520—529, 565, 583—584.

²¹ Gudalov 2021.

²² Pettit 2008.

²³ Ball 1985.

²⁴ *Ibidem*; Pettit 2008; Struever 2009: 59.

²⁵ Hobbes 2003b: 4—5.

²⁶ *Ibid.*: 237.

²⁷ Hobbes 2003a: 246. См. также Ball 1985.

²⁸ Hobbes 2003b: 79.

обсуждать в терминах социального конструирования и интерсубъективности²⁹.

²⁹ Williams 2005: 49—50.

Мало того, сам взгляд на язык как на социальную конвенцию показывает, что Гоббс не однозначный индивидуалист. Он отделял социальную науку от попыток объяснения реальности через человеческое тело, индивидуальные «способности и страсти»³⁰ (тем более что даже последние нередко отражают *общественные* представления о чести и власти³¹). Разум — как минимум обывателя — не есть нечто фиксированное: власть может внушить человеку все что угодно³². Гоббс даже писал, что в случае рождения «деформированной фигуры», определять, человек ли это, следует не исходя из некоего естественного понимания человека, а в соответствии с волей государства³³.

³⁰ Hobbes 2003b: 13.

³¹ Hobbes 2003a: 42. См. также Hobbes 2003b: xx—xxi.

³² Hobbes 2003a: 233.

³³ Hobbes 2003b: 215.

³⁴ Hobbes 2003a: 471.

³⁵ Williams 2005: 41.

³⁶ Hobbes 2003a: 224—225.

³⁷ Ibid.: 149.

³⁸ Ibid.: 474.

³⁹ Hobbes 2005: 42.

⁴⁰ Hobbes 2010.

Наконец, гарантированы ли у Гоббса собственность и свобода протестантского купца? Коктыш считает гоббсовского суверена абсолютным, но не тираничным или произвольным (с. 210). Однако Гоббс явно защищал «произвольное» (arbitrary) правление, в том числе от тех, кто критиковал его как «тиранию»³⁴. Согласно Гоббсу, подданные могут не подчиняться суверену, только если он больше не защищает их *безопасность*, но не собственность или свободу³⁵. На имущество подданных суверен имеет полное право³⁶. По Гоббсу, свобода людей была одинаковой в Османской империи и республике Лукка³⁷. Даже «истинную философию» нужно подавлять, если она не отвечает какому-то из законов суверена³⁸. Суверен трактует религию по своей воле, причем вовсе не обязан поддерживать какую-либо из конфессий. Но он точно не терпит ни серьезного религиозного плюрализма, ни отсутствия иерархии. Сам Гоббс порицал папу римского, но полагал, что тех, кто делал бы это при королеве Марии, следовало сжечь³⁹. И, разумеется, он резко критиковал революционеров 1640—1660-х годов (включая пресвитериан и индпендентов) и попытки ограничить право монарха на налогообложение⁴⁰.

Таким образом, монография показывает, насколько важны — и неуловимы — понятия политической науки. Язык почти всегда многозначен. Разум, который, конечно, часто служит чьим-то интересам, разумным же образом выходит за их пределы, критикует их. Мыслители уровня Гоббса могут использоваться по-разному. Сама книга Коктыша — очередное, и весомое, слово в рациональной дискуссии о политике.

Библиография

Гиббон Э. (2004—2008) *История упадка и разрушения Римской империи*. СПб.: Наука.

Дюмезиль Ж. (1986) *Верховные боги индоевропейцев*. М.: Наука. URL: <https://nordxp.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2016а) «Онтология рационального (I)» // *Полития*, № 2 (81): 33—54. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/771.pdf> (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2016b) «Онтология рационального (II)» // *Полития*, № 3 (82): 6–30. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_01.pdf (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2016c) «Онтология рационального (III)» // *Полития*, № 4 (83): 6–24. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_01.pdf (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2017) «Онтология рационального (IV)» // *Полития*, № 1 (84): 46–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-46-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-46-71.pdf) (проверено 23.02.2022).

Коктыш К.Е. (2019) «Английский концепт свободы: опыт деконструкции» // *Полития*, № 2 (93): 48–65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-48-65.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-48-65.pdf) (проверено 23.02.2022).

Ball T. (1985) «Hobbes' Linguistic Turn» // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739–760.

Gudalov N. (2021) «Interpretation and Rationality: Developing Donald Davidson's Ideas in International Political Theory» // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, vol. 68, no. 2: 39–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/352672765_Interpretation_and_Rationality_Developing_Donald_Davidson's_Ideas_in_International_Political_Theory (accessed on 23.02.2022).

Gunnell J. (2020) *Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein*. Chicago: University of Chicago Press.

Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hobbes T. (2005) *A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England*. Oxford: Oxford University Press.

Hobbes T. (2010) *Behemoth or The Long Parliament*. Oxford: Oxford University Press.

Montesquieu Ch.-L. (1876–1878) «De l'esprit des lois» // Montesquieu Ch.-L. *Oeuvres Complètes*. Vol. III–VI. Paris: Garnier Frères.

O'Neill O. (2003) «Four Models of Practical Reasoning» // O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press: 11–28.

Pettit P. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Putnam H. (1998) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Steinberger P.J. (2015) «Rationalism in Politics» // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 750–763.

Struever N.S. (2009) *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

πολιτικά

N.N.Gudalov

THREE FACES OF LEVIATHAN: RATIONALITY, INSTITUTIONS, IDEAS

**Koktysh K.E. The Discourse of Rationalism, Freedom and Democracy.
Moscow: MGIMO-University, 2021. – 320, [1] p.**

Nikolay N. Gudalov — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St Petersburg State University. Email: n.gudalov@spbu.ru.

Abstract. The monograph written by Kirill Koktysh is devoted to the issues of constructing languages of Political Science. These languages are diverse, but the author analyzes them through three basic concepts — rationalism, institutions and ideas. Masterfully combining a limited number of concepts, he builds a large-scale construction, showing in detail how one can study languages for describing politics.

According to Koktysh, the rational is constructed by specific institutions. He identifies three institutions that go back to the three functions of the Indo-European gods, highlighted by Georges Dumézil. These institutions correspond to the three functions of politics — “leader” (makes decisions), “priest” (forms and maintains norms) and “merchant” (is engaged in economic reproduction). These institutions seek to extend their rationality to the society at large, using for this purpose three “big ideas” — order, justice, and freedom. According to the author’s conclusion, the institutions of the leader and the priest form the basis of stable social conditions — “political architectures”, and it is the relations between them that determine the specifics of such “architectures”. At the same time, the book pays attention not only to statics, but also to dynamics. The cognitive-structural method used by the author allows him to explore the transformations of the societies through the analysis of changes in rationalism, institutions and ideas.

Koktysh’s book is valuable not only due to the novelty of its research question and fundamental nature, but also because it outlines important directions for further discussion. One of these directions concerns the popular criticism of the Enlightenment, with which the author agrees, as well as the justification for reducing rationality to mere derivatives of certain social contexts. Another direction for a discussion is about the evaluation of the Anglo-American model of democracy, which is denied the ability to produce generally valid meanings. In many ways, this book per se represents a significant contribution to a rational discussion of politics, convincingly demonstrating how complex and elusive the concepts of Political Science are.

Keywords: Political Philosophy, political concepts, rationality, institutions, ideas

References

- Ball T. (1985) “Hobbes’ Linguistic Turn” // *Polity*, vol. 17, no. 4: 739–760.
- Dumezil G. (1986) *Verkhovnye bogi indoevropejtssev* [Les dieux souverains des Indo-Européens]. Moscow: Nauka. URL: <https://nordxp.3dn.ru/religionknow/dumezil.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Gibbon E. (2004–2008) *Istorija upadka i razrushenija Rimskoj imperii* [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Gudalov N. (2021) “Interpretation and Rationality: Developing Donald Davidson’s Ideas in International Political Theory” // *Theoria: A Journal of Social and Political Theory*, vol. 68, no. 2: 39–65. URL: https://www.researchgate.net/publication/352672765_Interpretation_and_Rationality_Developing_Donald_Davidson’s_Ideas_in_International_Political_Theory (accessed on 23.02.2022).
- Gunnell J. (2020) *Conventional Realism and Political Inquiry: Channeling Wittgenstein*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hobbes T. (2003a) *Leviathan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2003b) *On the Citizen*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hobbes T. (2005) *A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England*. Oxford: Oxford University Press.
- Hobbes T. (2010) *Behemoth or The Long Parliament*. Oxford: Oxford University Press.
- Koktysh K.E. (2016a) “Ontologija ratsional’nogo (I)” [Ontology of Rational (I)] // *Politeia*, no. 2 (81): 33–54. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/771.pdf> (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2016b) “Ontologija ratsional’nogo (II)” [Ontology of Rational (II)] // *Politeia*, no. 3 (82): 6–30. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_01.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2016c) “Ontologija ratsional’nogo (III)” [Ontology of Rational (III)] // *Politeia*, no. 4 (83): 6–24. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_01.pdf (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2017) “Ontologija ratsional’nogo (IV)” [Ontology of Rational (IV)] // *Politeia*, no. 1 (84): 46–71. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1\(84\)-46-71.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-1(84)-46-71.pdf) (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Koktysh K.E. (2019) “Anglijskij kontsept svobody: opyt dekonstruktsii” [English Concept of Freedom: Experience of Deconstruction] // *Politeia*, no. 2 (93): 48–65. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-48-65.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-48-65.pdf) (accessed on 23.02.2022). (In Russ.)
- Montesquieu Ch.-L. (1876–1878) “De l’esprit des lois” // Montesquieu Ch.-L. *Oeuvres Complètes*. Vol. III–VI. Paris: Garnier Frères.

O'Neill O. (2003) "Four Models of Practical Reasoning" // O'Neill O. *Bounds of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press: 11—28.

Pettit P. (2008) *Made with Words: Hobbes on Language, Mind, and Politics*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.

Putnam H. (1998) *Reason, Truth and History*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Steinberger P.J. (2015) "Rationalism in Politics" // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 750—763.

Struever N.S. (2009) *Rhetoric, Modality, Modernity*. Chicago, London: University of Chicago Press.

Williams M.C. (2005) *The Realist Tradition and the Limits of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.

XVII КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2022 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами до отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by V.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.
Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В *базовом библиографическом списке* при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В *References* вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в *References* без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials	5
Political Theories	A.V.Yarkeev, D.V.Popov Biopolitical Revolution: Pro et Contra	6
Paradigms of Social Development	I.B.Philippov Symmetrical Answer: Police Suppression of Protests as a Driver of Political Communication in Social Media	24
	Fei Haiting Unbalanced Reform (Comparative Analysis of China's and Russia's Experience)	49
Russian Regions	L.E.Bliakher, K.V.Grigorichev, I.O.Peshkov On the Edge of the State: Political Formation of the Periphery of Power	71
	A.V.Semenov Factor of Ethnicity in Voting at Local Level in Russia	102
	D.A.Stremoukhov Political Conflicts between Governors and Regional Economic Elites (Case of the Republic of Karelia)	118
Foreign Polities	A.N.Medushevsky Machiavellian Moment of Europe: Prospects of EU Integration Project under Global Political Equilibrium Destruction	136
Cathedra	R.Yu.Belkovich, D.A.Konkova Paleoconservative Movement in the USA through the Prism of Social Constructivism	163
	S.A.Sergeev, A.V.Kuznetsova, S.V.Kuzmina From "Storming Heaven" to Normalization: the New Radical Left Parties in Western Europe	176
Book Review	N.N.Gudalov Three Faces of Leviathan: Rationality, Institutions, Ideas <i>Koktysh K.E. The Discourse of Rationalism, Freedom and Democracy. Moscow: MGIMO-University, 2021</i>	199
Appendix	The 17 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	202
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i>	203

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2022 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.
2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.
3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.
4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.
5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delpress.ru).

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии
и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 25.05.2022. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.